

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2021

№ 1 (56)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: "НЕВИДИМЫЙ ГОРОД": РОССИЙСКИЕ ГОРОДА ЗА ПРЕДЕЛАМИ АКАДЕМИЧЕСКОГО И ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА

От редактора рубрики	5
Григоричев К. В. Двойник-невидимка российского города: "частный сектор" между слободой и внутренним пригородом	7
Дятлов В. И. "Частный сектор" советского города: дома, дворы и люди в словах и образах	19
Ковалевский А. В., Иванова А. П. Ландшафты нужды: городские земледельцы и собиратели	30
Бляхер Л. Е. "Придорожная экономика" как форма выживания малых городов юга Дальнего Востока России	47
Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска	56

Круглый стол

Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования	67

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Боровик Е. А. Жизнь дальневосточных окраин в воспоминаниях Варвары Фёдоровны Духовской	77
Кондратенко Б. Б. Основные угрозы безопасности на дальневосточной границе СССР 1939–1945 гг.	86
Веселов С. И. О некоторых направлениях деятельности союзных республик СССР в транспортном освоении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: организационно-производственный механизм и решение социально-бытовых проблем (1980-е – начало 1990-х гг.)	94

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Киреев А. А. Российский Дальний Восток в трансграничном взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.): итоги в сравнительной перспективе	106
Милько М. М. Аналитический обзор подходов к оцениванию успешности инфраструктурных мегапроектов в КНР	120

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Липатова Л. Н. Статистическая оценка гендерного равенства в сфере экономики в Российской Федерации **129**

Калабина И. А., Стеколыщикова А. А., Филипова А. Г. Практики включения детей, оставшихся без попечения родителей, в решение вопросов, затрагивающих их интересы: региональные особенности **142**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Бритова В. Р. "Глобальное развитое государство" президента Республики Корея Ли Мен Бака (2008–2013 гг.) **150**

НАУКОВЕДЕНИЕ

Литошенко Д. А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть I **160**

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Тушков А. А. К вопросу об экспликации концепта "сообщества единой судьбы человечества" **168**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Барбенко Я. А. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?" **173**

Редакционная коллегия:

А. Г. Филипова (главный редактор), Я. А. Барбенко, В. А. Бурлаков, А. В. Винокурова, К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, С. М. Дударёнок, Е. В. Журбей (ответственный редактор), И. Н. Золотухин, В. Н. Караман, А. А. Киреев, В. В. Кожевников, Г. Кристофферсен, А. М. Кузнецов, Ю. В. Латушко, М. М. Лебедева, Д. А. Литошенко, А. Л. Лукин, Ю. А. Наумов, Т. Г. Римская, Н. П. Рыжова, С. В. Севастьянов, Н. В. Хисамутдинова, О. И. Шестаков, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С. Е. Ячин

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман
Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.
Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

2021

№ 1 (56)

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: "INVISIBLE CITY": RUSSIAN CITIES BEYOND ACADEMIC AND POWERFUL DISCOURSE

From the editor of the heading	5
Grigorichev K. V. The invisible twin of the Russian city: the "private housing sector" between the sloboda and the inner suburb	7
Dyatlov V. I. "Private sector" of the Soviet city: houses, yards and people in words and images	19
Kovalevskij A. V., Ivanova A. P. Landscapes of Destitution: Urban Farmers and Urban Gatherers	30
Bliakher L. E. "Roadside Economy" as a Form of Survival of Small Towns in the South of the Russian Far East	47
Timoshkin D. O., Pchelkina D. S. Vulnerable archaism: the visual nature of "frontier" urban spaces in Krasnoyarsk	56

ROUND TABLE

Bliakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., Kuznetsov A. M., Yarulin I. F. Region: problems of conceptualization, identification and construction	67

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Borovik E. V. The life of the Far East in the memoirs of Varvara Dukhovskaya	77
Kondratenko B. B. Main threats to security on the Far Eastern border of the USSR in 1939–1945	86
Veselov S. I. On some areas of activity of the Union republics of the USSR in the transport development of the West Siberian oil and gas complex: organizational and production mechanism and solution of social problems (1980s-early 1990s)	94

ECONOMY AND NATURE

Kireev A. A. The Russian Far East in transborder interaction with China (late 1980s – late 2010s): results in a comparative perspective	106
Mil'ko M. M. Analytical review of approaches to estimating the success of infrastructure megaprojects in China	120

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Lipatova L. N. Statistical Assessment of Gender Equality in the Economy in the Russian Federation	129
Kalabina I. A., Stekol'shnikova A. A., Filipova A. G. Practices of including children without parental care addressing issues affecting them	142

Vladivostok
2021

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF THE REGION

Britova V. R. "Developed global state" of Republic of Korea President Lee Myung-bak (2008–2013) **150**

STUDY OF SCIENCE

Litoshenko D.A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part I **160**

REVIEWS

Tushkov A. A. To the question of the explication of the concept of the "community of the common destiny of mankind" **168**

SCIENTIFIC LIFE

Barbenko Ya. A. Round table "Is it possible "to colonize" a space?" **173**

Editorial board:

A. G. Filipova (Editor-in-chief), Ya. A. Barbenko, V. A. Burlakov, A. V. Vinokurova, K. V. Grigorichev, A. N. Demyanenko, S. M. Dudaryonok, E. V. Zhurbey (Editor), I. N. Zolotukhin, V. N. Karaman, A. A. Kireev, V. V. Kozhevnikov, G. Kristoffersen, A. M. Kuznetsov, Yu. V. Latushko, M. M. Lebedeva, D. A. Litoshenko, A. L. Lukin, Yu. A. Naumov, T. G. Rimskaya, N. P. Ryzhova, S. V. Sevastyanov, N. V. Khisamutdinova, O. I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S. E. Yachin

Founder: State educational institution of the higher education
"Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman
Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.
Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Образ российского города, быстро формирующийся в отечественном академическом дискурсе, протупает все более явственно. В нем хорошо угадываются черты, которыми наделяют город не только акторы его развития, но и исследователи, отбирающие сюжеты, проблемы и группы. Именно исследователи помещают в фокус своего анализа тот или иной образ города, выносят его на суд рецензентов и академического читателя, представляя в статьях, книгах, лекциях, популярных программах. Задаваясь вопросом "Что мы знаем о жителе большого города?"¹, исследователи уже на старте очерчивают фрейм городского физического и социального пространства, описывая и отчасти предписывая им свойства виртуального урбанизма, его ценности, практики, отношения. Не менее активно, образ города создают и медиа, не только формирующие его для обывателя и власти, но и образующие информационный массив для анализа экспертам-управленцам и исследователям.

Однако за пределами их взглядов остается значительная часть российского города, не попавшая в поле зрения авторов в силу самых разных причин. Как следствие, в академическом тексте формируется образ не столько реального российского города, сколько его видимой части. Видимой в силу интересов исследователей, доминирующих теорий, интересов власти, конъюнктуры рынка. Другие же части российского города, нередко занимающие до половины его территории, остаются исключенными как из академического, так и медийного, властного дискурса. Эта эксклюзия порождается, прежде всего, несоответствием тех или иных городских локальностей образу "нормального", "правильного" города, сконструированного, с одной стороны, социологической традицией от М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Бёрджесса, Р. Парка, Л. Вирта до наших дней, а с другой – представлениями советских архитекторов о социалистическом городе². Такие "исключенные" пространства становятся своего рода двойниками-невидимками³ "нормального" города, отсутствующими в официальных репрезентациях. Не менее значимым оказывается и формирование городских ландшафтов, не включенных во властные и иные описания. Пустыри, трущобы, гаражные кооперативы и брошенные парки, присутствующие в официальном дискурсе исключительно как стигма и проблема, оказываются ландшафтами, обеспечивающими выживание и/или поддержание образа жизни групп и сообществ, не вписывающихся в представления о "правильном" городе.

В результате, значительная часть социального, да и физического пространства российского города исследователями почти не описывается и не рефлексирована. Образно выражаясь, исследование российского города ведется в значительной мере "под фонарем" устоявшегося образа города и городского в свете многочисленных теорий урбанизма, конгруэнтных именно этому образу. Какие процессы происходят за пределами "нормального" города, на границе "видимого" и "невидимого", какие группы в них участвуют, как развивается это пограничье – все это пока остается за пределами исследовательского внимания.

Предлагаемая читателю подборка статей ориентирована не только на обсуждение конкретных проблем, крайне слабо включенных в современные российские городские исследования, но и постановку на сибирском и дальне-

¹ Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: StrelkaPress, 2017.

² Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

³ Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

восточном материале более общей проблемы изучения "не рассказанного"⁴ города. Авторы публикуемых статей (К. Григоричев, В. Дятлов) вводят в дискуссию о современном российском городе феномен "частного сектора" – обширных пространств усадебной застройки, присутствующих практически во всех российских городах за пределами столичных мегаполисов, но, парадоксальным образом, полностью отсутствующих в академическом тексте. В центре внимания здесь эволюция "частного сектора" в советском и постсоветском городе из слободы как "не-городского города", во внутренний пригород – пространства с доминированием субурбанизма как образа жизни в пределах городской черты.

Двойственность городских локальностей, описываемых как пустое пространство во властном дискурсе и одновременно кормящим ландшафтом для "неочевидных" сообществ, анализируется в статье А. Ковалевского и А. Ивановой. Такие сообщества выпадают из представлений о социальной структуре города и, как правило, описываются в качестве маргинальных и даже люмпенизированных, но при более пристальном рассмотрении оказываются далеки от стигматизируемых групп, а локальности их обитания – от образов трущоб и пустырей.

Такой взгляд на российский город актуализирует идею периферии, позволяющую описать переходность "не городских" пространств. Леонид Бляхер рассматривает "придорожную экономику" малых городов как своего рода периферию периферии – пространство маргинальное по отношению не только к мегаполису, но и к малому городу, соответствие которого доминирующим представлениям об урбанизме достаточно проблематично.

Представленные в этих статьях сюжеты и процессы ставят вопрос о роли маргинальности в российском городе и механизмах ее воспроизводства. Один из таких механизмов анализируют Д. Тимошкин и Д. Пчелкина на визуальных материалах центра Красноярска – самого восточного миллионника России. Рассматривая небольшую локальность в центральной части города, авторы показывают, как маргинальность этого пространства воспроизводится визуальными образами, через которые "исторический" город исключается из повседневности.

В более общей перспективе, предлагаемые читателю статьи не только ставят вопрос о гетерогенности российского провинциального города и соответствия урбанистических исследований его реалиям. Понимание вариативности траекторий развития постсоветского города погружает исследования авторов контекст дискуссий о линейной и дифференциальной урбанизации, роли маргинальности в жизни современного города, "новых" городских мобильностей и других.

К. В. Григоричев

⁴ Ротбард Ш. Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ad Margentum, 2017.

УДК 316.334.56

Григоричев К. В.

Двойник-невидимка российского города: "частный сектор" между слободой и внутренним пригородом

"Постсоциалистическая пригородная революция", фиксируемая исследователями как один из ключевых трендов городского развития постсоветских стран в последние десятилетия [35], все более отчетливо фиксируется исследователями и в России. Как показала дискуссия 2017–2019 гг. [2; 3; 4] процесс формирования субурбий фиксируется практически во всех региональных столицах России, а субурбанизм все более широко распространяется как альтернатива городскому и сельскому образу жизни. Можно с уверенностью констатировать, что пригородный вектор развития городов России становится одной из наиболее значимых тенденций пространственного и социального развития регионов, по крайней мере, в Сибири и на Дальнем Востоке [20]. Судить о специфике этого процесса в европейской части страны пока сложно в силу ограниченности исследований пригородов за пределами столичных агломераций. Отдельные исследования показывают, что специфика системы расселения, структуры экономического и социального пространства может здесь формировать иные тренды в росте субурбий [15].

Вместе с тем "пригородная революция" в российских условиях протекает заметно менее динамично, чем это описывается на материалах восточной и центральной Европы. Несмотря на то, что именно пригороды крупных городов остаются единственными точками сохранения и даже роста населения [11; 19], говорить о радикальном изменении роли пригородов в системе расселения в России пока сложно. Это отражается и в относительно невысоких темпах роста миграции за административную черту городов, и в сохранении в качестве базовой модели использования загородного жилья как второго и/или сезонного, и в преобладании городского "элитного" жилья в качестве признака высокого социального статуса. Пригородные поселения зачастую остаются зоной расселения мигрантов из сельской местности как эффект незавершенной советской урбанизации [1], зоной вынужденного расселения горожан, вытесненных из престижных городских районов в результате реконструкций либо экономической неустойчивости [13]. Проживание на периферии крупного города нередко становится не признаком высокого социального статуса, а напротив, территориальной стигмой [14], формирующей образ субурбии как социально неблагополучных окраин. Примеры массового движения горожан в пригород [9] как осознанного выбора пригородного образа жизни остаются, скорее, вариантами возможного будущего, но не доминирующей российской тенденцией.

Закономерным образом это приводит к вопросу о причинах специфики невысоких темпов роста субурбий региональных столиц России. Едва ли не единственным вариантом ответа на этот вопрос, подкрепленным достаточно широким спектром исследований, до сегодняшнего дня остается идея замещения полноценной субурбанизаций советским феноменом дач, который довольно часто описывается как "сезонная" [18] или "квази субурбанизация" [8].

© Григоричев К. В., 2020

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович, д-р социол. наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск), профессор Томского национального исследовательского университета (г. Томск). **E-mail:** grigorichev@yandex.ru

Признавая существенное влияние дач на выбор между урбанизмом и сурбанизмом как стилями жизни, все же необходимо отметить довольно быстрое изменение функционала советских дач, ставшее особенно заметным в 2000–2010-е гг. [10]. В этом процессе важны не столько его масштабы – большой вопрос, можно ли говорить о повсеместной трансформации дач как формы рекреации и жизнеобеспечения в пригородный образ жизни, – сколько сам факт быстрого расширения функций дачи и связанного с ними репертуара практик. Он демонстрирует наличие спроса на альтернативу урбанизму и сельскому образу жизни, поиск вариантов иного уклада жизни, позволяющих выйти за пределы дихотомии города и села и предписываемого ими образа жизни.

Одна из ключевых причин ситуации, в которой очевидный запрос на негородской образ жизни в высоко урбанизированном обществе не сопровождается ростом субурбий, на мой взгляд, лежит в специфике пространственной, архитектурной и социальной организации российского города. Ускоренная советская урбанизация 1930–1950-х гг. сформировала значительную специфику развития советского города, одним из проявлений которой стал так называемый "частный сектор" – районы малоэтажной усадебной застройки, складывавшиеся на основе стихийной застройки переселенцев из села, где воспроизводились сельские практики организации сообществ и повседневности. Воплощающий в себе явление, обозначенное В.Л. Глазычевым как "слободизация городов" [7], этот социопространственный феномен сохраняется в большинстве российских городов за пределами столичных мегаполисов. Даже в крупнейших городах-миллионниках Сибири (Омск, Красноярск, Новосибирск) "частный сектор" занимает обширные массивы, не только заполняющие пустоты между кварталами многоэтажной застройки, но и формирующие целые районы со специфичной "не городской" организацией пространства и сообществ, накладывающие серьезный отпечаток на характер как пространственного, так и социального развития города [26]. В менее крупных городах-региональных столицах, "частный сектор" нередко составляет большую часть застроенной территории, а проживающее здесь население – значимую часть городских сообществ.

Однако, несмотря на значимость для российских городов, данный феномен остается вне поля зрения исследователей, и даже сам факт трансформации социального, символического и физического пространства "частного сектора" российских городов практически не рефлексирован в академических текстах. Фактически "частный сектор" сформировал своего рода двойник-невидимку ("параллельный город трущоб" [31]), закономерно возникший в процессе стремительной урбанизации, но не включенный в образ "нормального" города и в языки его описания. Тесная связь городского пространства и языков его описания [5] обуславливает невидимость "частного сектора" как части значимой города, вытесняя его в позицию "препятствия" и "ресурса".

Соответственно, вопрос о трансформации "частного сектора" как специфического сегмента городского пространства постсоветского города, трендов эволюции проживающих здесь сообществ пока не поставлен, не смотря на широкий спектр фундаментальных работ, связанных с осмыслением постсоветских городов как пограничных пространств, где протекают ускоренные и радикальные трансформации. Процессы, происходящие в "частном секторе", остаются фактически не описанными и не включенными ни в перспективные идеи города как фронта, ни в устоявшиеся идеи "права на город" и "оспариваемых пространств" как одного из ключевых механизмов переопределения городских пространственных и социальных ландшафтов. Немногочисленные работы, связанные с изменениями социального и этнического состава жителей "частного сектора", чаще погружены в логику урбанизационной миграции [12; 16] и в целом сохраняют взгляд на этот феномен как на "побочный" эффект урбанизации. Вопрос о специфике сообществ, сложившихся в "частном секторе", трансформации их образа жизни в постсоветские десятилетия, практически не ставится.

Задачей моего текста является формулировка гипотезы о характере изменений обширных пространств, которые остаются не наблюдаемыми, и не описываемыми для постсоветского города. Я постараюсь показать, что трансформация "частного сектора" в российских условиях может рассматривать-

ся как альтернатива классической субурбанизации за пределами городской черты, а формирование на основе городской усадебной застройки внутренних пригородов – как один из механизмов трансформации постсоветского города. В фокусе моего анализа – крупные провинциальные города востока России, выполняющие функции региональных столиц. Статья основана на наблюдениях (в том числе включенных), выполненных в 2007–2019 гг. в Иркутске, Омске, Хабаровске. В Иркутске наблюдения носили лонгитюдный характер и строились на основе нескольких локальностей, изменения в которых фиксировались на протяжении более 10 лет. В Омске (2016) и Хабаровске (2017, 2018) наблюдения выполнялись экспедиционным методом. Анализ отношений в локальных сообществах строится на основе серии интервью с жителями "частного сектора" в Иркутске. Интервью носили преимущественно биографический характер, что позволяет наиболее полно выявлять как репертуар практик повседневности, так и систему практик пользования городов и построения соседских отношений.

"Частный сектор" – побочный эффект советской урбанизации

Усадебная застройка как возможный вариант развития российского города рассматривался еще в 1910–1920-х гг. На рубеже этих десятилетий выделялись 4 типа "русского рабочего" – потребителя индивидуальной застройки: "1) рабочий бесхозяйственный (чистый пролетарий); 2) квалифицированный рабочий, имеющий маленькое хозяйство (огород, садик, козу, птичник, кроликов и т.п.); 3) то же в более обширных размерах (например, вместо козы – корова и т.п.) и 4) рабочий-крестьянин" [23]. Однако, как показывает М.Г. Меерович, уже к началу 1930-х гг. идея индивидуального дома сохраняется только в качестве жилья привилегированных групп ("для начальства") [19, с. 245]. Доминирующим решением для основной части городского населения, прежде всего в растущих промышленных городах, должны были стать коммунальные квартиры и общежития, значительная часть которых представляли собой бараки.

Для восточных регионов России резкий рост темпов урбанизации оказался связан с эвакуацией промышленных производств и, как следствие, массовым притоком населения в города. Продолжая дореволюционные традиции, новые горожане расселились в исторических и новых "слободах" вокруг растущих промышленных предприятий, используя приемы сельской архитектуры и организации усадебного пространства. И здесь парадоксальным образом урбанизация, выступающая одним из важнейших механизмов модернизации, обусловила воспроизводства в номинально городских условиях не городских пространств. Парадокс, определенный А.Г. Вишневым [6] как "консервативная модернизация", обусловил формирование в советском городе обширных "не-городских" пространств, в которых воспроизводились сельский визуальный ландшафт и практики повседневности.

Быстро разросшийся в середине прошлого столетия "частный сектор" составляет значительную часть территории российских городов и по сегодняшний день. В Концепции пространственного развития г. Иркутска, принятой в 2016 г., констатируется: "В границах города большая часть селитебных территорий занята некапитальной низкоплотной жилой застройкой". Анализ общедоступных картографических материалов по Иркутску (например, спутниковых снимков сервисов GoogleMaps, Яндекс Карты) показывает, что площадь "частного сектора" здесь составляет не менее половины территории города. Основная часть этих локальностей, как и 40–50 лет назад, не имеет подключение к центральным инженерным сетям отопления, водоснабжения и водоотведения.

Неблагоустроенное жилье с преобладанием типа деревенского дома (нередко перенесенных из деревень) остается важнейшим визуальным и символическим признаком "частного сектора". Это определяет чрезвычайно широкий репертуар практик повседневности, которые, в свою очередь, детерминировали не городской образ жизни. Отсутствие центрального отопления обуславливает организацию пространства жилья, где одно из центральных мест занимает кирпичная печь с водяным отоплением, и преобладание одноэтажных жилых помещений. Этим прочно определялся годовой цикл практик по подготовке к отопительному сезону: привоз, пиленка и колка дров, покупка

угля. Еще более жестко детерминировался суточный ритм жизни в течение отопительного сезона: ежедневная чистка и растопка печи, вынос золы и шлака.

Отсутствие центрального водоснабжения породило устойчивый комплекс практик обеспечения питьевой и "технической" водой. Регулярная доставка питьевой воды от водоразборных колонок требовала наличие специальных приспособлений для перевозки (40-литровых "фляг") и, как правило, являлось обязанностью детей и подростков. С наступлением устойчивых положительных температур на территории усадьбы монтировался "летний водопровод" для полива и хозяйственных нужд, который осенью разбирался.

Не благоустроенность жилья определяла пространственную организацию "городской" усадьбы и ее функции. Обязательным ее элементом являлись постройки для хранения угля и дров, хозяйственного инвентаря, холодная уборная и баня. Последняя выполняла, прежде всего, сугубо утилитарную роль, что отражалось в относительно небольших размерах, в которых основную часть занимала парная. Как и в типично сельской местности, значительную часть придомовой территории занимал огород, выполнявший роль важнейшего механизма обеспечения семьи. Не повсеместными, но широко распространенными были практики разведения птицы и мелкого, а иногда и крупного рогатого скота, что еще в большей степени превращал усадьбу "частного сектора" в сельскую.

Характер жилого пространства определял "не городской" бюджет вне рабочего времени и занятости. Дом и усадьба в "частном секторе" занимали все время, не связанное с официальной занятостью, жестко определяли годовые и суточные циклы практик повседневности и тем самым де-факто исключали своих обитателей из города. Фактически городскими здесь оставались только практики во фреймах, связанных с работой, и реже – с рекреацией: участие в массовых советских праздниках, предполагавших взаимодействия с общественными пространствами, как правило, в центре города. Отголосок последних до сих пор можно обнаружить в устойчивых лексемах ("поехать в город"), быгующих в отдельных микрорайонах, изолированность которых в известной мере стала продолжением изоляции "не-городского" от "городского" в "частном секторе".

Важным элементом такой изоляции являлся низкий уровень телефонизации "частного сектора", который определял преобладание соседских коммуникационных практик, генерализировал информационный обмен в рамках соседского сообщества, укрепляя дистанцию между "частным сектором" и городом. Если национальные и международные новости "сообщал" телевизор, то местную повестку формировала прямая коммуникация в локальном сообществе. Именно здесь, как и в сельских сообществах, формировалась система отношений и иерархий, нередко далеко выходящая за пределы формальных статусов.

Иными словами, в пространстве "частного сектора" была воспроизведена совершенно не городская система организации пространства и сообществ. Пространственное перемещение из сельской местности не привело к социальному "переезду" в город выходцев из села. Номинально проживая в черте города, обитатели "частного сектора" оставались в состоянии "ожидания переезда". Это хорошо прослеживается в ретроспекциях респондентов, в которых одним из важнейших элементов прошлого является "мечта о квартире". Получение или, позднее, покупка благоустроенного жилья рассматривались как возможность стать полноценным горожанином. Пожалуй, именно этот момент ярче всего подчеркивает маргинальность и временность статуса жителя "частного сектора", вынужденность и временность его образа жизни.

Возникший и допускаявшийся в советском городе в качестве временно-го, переходного пространства, "частный сектор" рассматривался в градостроительном планировании как своего рода резерв территории под перспективную многоэтажную застройку. Контекстуально предполагалось, что будущие многоэтажные микрорайоны не только ликвидирует основную часть усадебной застройки, но станут механизмом абсорбции выходцев из села, включением их в урбанистический образ жизни. Иными словами, "частный сектор" оказался растянутой во времени миграцией, в которой рецепция урбанизма

как результат пространственного перемещения была "отложена" на два-три поколения.

Тем не менее образ "частного сектора" как временного, переходного, а потому маргинального городского пространства продолжает доминировать в системе градостроительного планирования, городского управления и массовых стереотипах. Открытым, однако, остается вопрос о направлении эволюции подобных локальностей и их сообществ. Является ли их включение в урбанистическую модель безальтернативным вектором развития "частного сектора"? Предложила ли постсоветская трансформация российского города альтернативные модели его развития, погрузив подобные "не городские" локальности в состояние темпорального фронта [24], имеющего множество возможных вариантов будущего и легитимизирующего его прошлое?

Новый "частный сектор": трансформация архитектурного ландшафта и практик повседневности

Кризис девяностых, казалось, упрочил стабильность "временного" состояния "частного сектора": в условиях резкого падения уровня жизни приусадебные хозяйства становятся не просто дополнительным, а весьма значимым инструментом выживания. Однако с середины нулевых начинается быстрое изменение визуального ландшафта городской усадебной застройки: в типичной сельской архитектуре и организации пространства усадьбы появляются новые решения, которые лишь фрагментарно воспроизводили архитектуру "коттеджей", ставших важнейшим элементом статусного потребления в первое постсоветское десятилетие. [25] Функциональность здесь сочетается с удовлетворением запроса на более просторное и качественное жилье, а также новую эстетику, нередко обозначаемую респондентами в качестве "не совковой", "не колхозной". Ее символами становятся новые материалы (металлочерепица вместо шифера, сайдинг вместо досок, брус вместо бревен, пенобетон вместо шлакоблоков и т.д.). Жилой второй этаж (капитальный или мансардный) становится не единичным, а типовым явлением. Все это приводит к использованию капитальных фундаментов, часто вместе с цокольным этажом. "Некапитальная" застройка, как до сегодняшнего дня обозначается "частный сектор в официальных документах, становится все более капитальной.

Одновременно происходит и стихийное уплотнение усадебной застройки. Одной из объективных причин стал рост размеров жилых зданий за счет сокращения размеров усадьбы. Если до конца девяностых, по интервью, "нормальным" (подразумевается – достаточным, даже большим) для семьи считался дом 8 на 10 метров с жилой площадью около 60–65 квадратных метров, то вновь возводимые здания, как правило, имеют размеры не менее 10 на 12 метров с жилой площадью каждого этажа до 100 квадратных метров. Несмотря на растущую этажность, частный сектор растет, преимущественно, по горизонтальному вектору. Другим вариантом уплотнения застройки становится раздел усадьбы для строительства второго дома. Причиной может быть решение жилищного вопроса молодой семьи или простая продажа части "участка". Во всех вариантах площадь придомовой территории резко сокращается, а жилые дома занимают основную часть усадьбы. Наконец, третьим вариантом становится застройка окраин частного сектора, ранее занятая пустырями, иногда свалками и даже заболоченными низинами. Необходимость подготовки таких участков под строительство (завоз грунта для отсыпки, организация дренажа) обуславливает их небольшие размеры и минимальную придомовую территорию.

Изменение архитектурного ландшафта "частного сектора" происходит в тесной связи с организацией повседневности таких локальностей. Как показал на примере советского конструктивизма А. Лефевр, городской ландшафт во многом является производным от социальных отношений, определяется их логикой и динамикой. [32, с. 59] Однако вполне верна и обратная зависимость: радикальные изменения организации жилого пространства, вызванные к жизни новыми отношениями и потребностями, в свою очередь продуцируют новые поведенческие паттерны, из которых формируется новая повседневность, изменяющая отношения и структуры сообществ. Внедрение элементов локального благоустройства жилья (электро- и газового отопления, локального водоснабжения и водоотведения) быстро сократило репертуар ти-

пично сельских практик обеспечения быта, что привело к изменению и жилого пространства и структуры внерабочего времени.

Пожалуй, наиболее революционными и быстро распространяющимися стало внедрение полностью или частично автоматизированных систем отопления. Появление доступных газовых (для газифицированных городов) и электроотопительных котлов не только снизило расходы (особенно с учетом достаточно широко распространенных практик временных нелегальных подключений к электросетям для отопления), но и позволило по-новому организовать жилое пространство. Вместо больших кирпичных печей, как правило, занимавших центральное положение в доме, компактные отопительные приборы выносятся в небольшие хозяйственные помещения или в подвал, что позволяет использовать пространство дома исключительно как "чистое". Более высокая производительность таких систем в сочетании с использованием циркуляционных насосов позволили повысить этажность жилых домов и/или обеспечить круглогодичное использование мансардных этажей.

Более того, возможность внедрения автономных и во многом автоматизированных систем (прежде всего, отопления) значительно снизило степень "привязанности" к домашнему хозяйству. Традиционная организация быта требовала обязательного ежедневного присутствия хозяев для "протопки" раз в сутки, что делалось, как правило, вечером по завершению рабочего дня (а в зимнее время – дважды в сутки), что исключало возможность свободного использования нерабочего времени по будням и тем более длительного отъезда. В условиях сибирского климата житель частного сектора оказывался "прикреплен" к собственному жилью с конца сентября до конца апреля. Едва ли не единственным вариантом решения проблемы такой зависимости являлся договор с соседями о присмотре за домом и ежедневной топке печи. Очевидно, что такая услуга могла оказываться только людьми, связанными с хозяевами близкими отношениями, и фактически становилась инструментом воспроизводства реципрокности в рамках локального сообщества. Технологии автоматического поддержания температуры в жилье в значительной мере обеспечили жителю частного сектора не только возможность распоряжаться собственным внерабочим временем, но и "право на одиночество" – неотъемлемое для современного урбанизма как образа жизни [17].

Локальное водоснабжение и канализация обусловили возможность появления в индивидуальном жилье таких ключевых признаков урбанизма, как ванная/душевая и туалет. Значение последнего трудно переоценить, поскольку наличие благоустроенной уборной до сегодня остается едва ли не ключевым признаком определения "городского" жилья [21, с. 7]. Фактически именно эти изменения жилого пространства позволили многим жителям частного сектора "переехать в город", не меняя места жительства. При этом полное благоустройство жилья произошло при сохранении значительной автономности от городской инженерной инфраструктуры.

Изменение архитектуры частного сектора и уплотнение его застройки неизбежно привели к исчезновению или как минимум резкому сокращению площади огородов как элемента жизнеобеспечения. Имеющиеся наблюдения, позволяют более или менее уверенно предполагать сходство этого процесса с изменением роли дачи в жизни российского горожанина. Приусадебное хозяйство и его продукция в тех случаях, когда на усадьбе сохраняется огород, остается лишь вариантом рекреации и получения (скорее, почти ритуально-го) небольшого объема "экологически чистых" овощей и зелени. Практически полностью исчезли домашние животные и птица, которые еще в конце нулевых были вполне обыденными явлениями в частном секторе или, по крайней мере, в его частях на окраинах города.

Изменение функций усадебной территории все более отчетливо проявляется в новых элементах ее планировки. По наблюдениям 2015–2018 гг. в Иркутске, 2016 г. в Омске, здесь все чаще встречаются элементы ландшафтного дизайна и/или газоны, практически неотъемлемым элементом становятся "мангальная зона". Семьи с маленькими детьми нередко обустраивают детские площадки и "песочницы" во дворе собственного дома. Наконец, сохраняющиеся на усадьбе бани утрачивают сугубо функциональное назначение и становятся местом и способом рекреации.

Распространение новых технологий связи, прежде всего мобильной, позволила в значительной мере преодолеть информационную изолированность частного сектора. Тем не менее высокая стоимость организации широкополосного интернета для индивидуальных домов обуславливает доминирование здесь мобильного интернета. Чем менее крупным является город, тем, вероятно, более высокой остается изолированность частного сектора от web-сферы и онлайн-сервисов. Однако, вероятно, эта изоляция является наиболее динамично преодолеваемой.

Происходящие изменения все более приближают типичную усадьбу "частного сектора" к застройке формирующихся за городской чертой субурбий [9]. Ключевыми ее характеристиками становятся полное благоустройство жилища с высокой степенью автономности и значительная или полная утрата придомовой территории функции обеспечения продуктами питания. Собственно усадьба становится территорией рекреации и резервом для будущих модификаций жилья. Однако территориальное расположение внутри городской черты, позволяет обитателям "частного сектора" заметно более активно пользоваться городскими общественными пространствами и шире – социально-культурной инфраструктурой города. В этой ситуации закономерен вопрос о том, какой же образ жизни предлагает выбрать своим обитателям трансформирующий "частный сектор" – урбанизм и или субурбанизм. Образно выражаясь, куда переезжают жители "частного сектора" в результате его постсоветской эволюции – в город или в пригород?

Частный сектор – внутренний пригород российского города?

В качестве возможного подхода для определения тенденций эволюции "частного сектора" может быть использована матрица сопоставления урбанизма и субурбанизма, предложенная Аланом Улоксом [36]. Ключевым отличием субурбанизма, по его мнению, становится фрагментированность и децентрализация пространственного развития и властной организации пригорода в противоположность согласованности развития города и публичности его власти. Подчеркивается и многофункциональность пространств города, их плюрализм и, как следствие, контактность и социальная связанность в противоположность автономности и более простой социальной организации пригородов. [36, с. 1478–1480].

Имеющиеся наблюдения за развитием "частного сектора" позволяют, на мой взгляд, говорить о децентрализованном и не координированном развитии частного сектора. Изменение визуального ландшафта различных локальностей в массивах усадебной застройки городов происходят крайне не равномерно. Общей чертой в их трансформациях остается горизонтальный вектор развития, сохранение соразмерности человеку, однако формы и темпы такого роста крайне разнятся. В наблюдаемых локальностях частного сектора Иркутска присутствуют как активно перестраиваемые, так и сохраняющие черты "советского села" локальности. Резким контрастом к ним выступают выявленные в Иркутске, Омске, Хабаровске компактные, но хорошо заметные районы коттеджной застройки, развивающиеся по модели gated communities [30] в логике посткоммунистических трансформаций [28]. Выделить какие-либо закономерности в пространственном распределении таких локальностей пока не удается.

Тем не менее неравномерность развития и, вероятно, его разнонаправленность приводят к внутренней дифференциации и постепенной сегрегации некогда однородного пространства, что визуализируется глухими высокими оградами. Механизмом пространственной сегрегации становится и различия визуального ландшафта в пределах частного сектора. Даже без выделения закрытых территорий (gated spaces) происходит постепенное обособление локальностей "хороших домов" – двух-трехэтажных коттеджей большой площади, контекстуально отсылающих к практикам статусного потребления и символизирующих высокий социальный статус [33]. Визуализируя места проживания обеспеченных групп, такие пространства становятся механизмами пространственной сегрегации: отсутствие здесь общественных пространств постепенно исключает присутствие здесь представителей менее обеспеченных жителей. Как следствие, постепенно сжимается спектр возможных для таких локальностей функций, их пространство становится все более однородным и

монофункциональным. Плюрализм, полифункциональность и гибкость города здесь уступают место простоте и жесткому порядку субурбанизма.

Исходная организация пространства "частного сектора" определяет и еще одну черту, ориентирующую его в логику субурбанизма. Формировавшаяся стихийно, усадебная застройка в советском городе не включала в себя общественных пространств. Бюджеты внерабочего времени, жесткие суточные и сезонные циклы хозяйственных практик в сочетании с советскими традициями взаимодействия в рамках трудового коллектива, просто не создавали такой потребности. Постсоветские новации архитектурного ландшафта здесь практически не затронули этой стороны жизни. Более того, стихийное расширение усадеб и уплотнение застройки, напротив, еще более сократили возможности появления здесь общественных пространств. Едва ли не единственными узлами групповых коммуникаций здесь остаются небольшие магазины, выполняющие, скорее, роль "третьего места" [22], нежели товарного обеспечения.

Важной чертой локальных сообществ частного сектора остается широкое распространение экстра-легальных (а иногда и иллегальных) практик. Связанные преимущественно с решением хозяйственных вопросов, они в значительной мере определяют и систему организации таких сообществ. Несмотря на постепенную индивидуализацию жизни в "частном секторе", респонденты продолжают отмечать достаточно высокую степень связанности членов локального сообщества ("здесь все меня знают", "здесь все друг друга знают", "здесь чужих нет"). Иными словами, свойственная урбанизму атомизация с его "правом на одиночество" [17], парадоксальным образом сочетается здесь с "низким шансом встретить незнакомца", как одним из ключевых признаков субурбанизма [27].

Едва ли не единственной чертой пригородного образа жизни, отсутствующей в меняющемся "частном секторе", является автомобильная зависимость. Если для внешних для города субурбий, высокий уровень автомобилизации является критически важным фактором, то внутригородское положение рассматриваемых городских локальностей обеспечивает доступ для жителей к городской системе общественного транспорта. Безусловно, общий рост количества автомобилей не прошел и мимо "частного сектора". Более того, для ее развития здесь имеются гораздо более благоприятные условия – редкий российский горожанин может похвастать собственным гаражом непосредственно возле дома, что, напротив, абсолютно естественно в условиях усадебной застройки. При этом "частный сектор", с точки зрения доступа к городу, оказывается гораздо более благожелателен к пешеходу, чем внешние субурбии, проживание в которых немислимо без одной и более автомашин в каждой семье.

Таким образом, мне представляется возможным говорить о том, что в трансформирующемся частном секторе заметно преобладают признаки, характерные для субурбанизма как образа жизни. Разумеется, не во всех локальностях этих обширных городских пространств они проявляются одинаково сильно и/или полностью вытесняют черты урбанизма. Разность вариантов развития отдельных сегментов частного сектора порождает и разные практики, репертуар которых может включать варианты сугубо городского *modus operandi*, который, однако, уже не является *modus vivendi*. Такое смешение урбанизма и субурбанизма, как показывает Алан Уолкс, вполне характерно для стиля жизни классической (внешней для города) субурбии, результатом взаимодействия города и пригорода, что является основой лефевровской диалектики [36, с. 1479]. В условиях развития субурбанизма буквально внутри города, взаимопроникновение выделяемых Уолксом свойств двух образов жизни становится, вероятно, неизбежным.

Это позволяет, на мой взгляд, предложить гипотезу о трансформации "частного сектора" из стигматизированного наследия советской урбанизации, слободизировавшего российские города, в специфический вариант субурбии, который с долей условности можно обозначить как внутренний пригород. Безусловно, он не воспроизводит модель внутреннего пригорода, описанного на американском материале [например: 29; 34 и др.], что и невозможно, учитывая специфику исходного пространства. Ключевым его признаком является воспроизводство здесь наиболее существенных черт субурбанизма как базовой модели повседневности. Жители такого внутреннего пригорода воспроизводят практики не горожан в первом поколении ("городских сельчан"), характерных

для "частного сектора" вплоть до девяностых годов прошлого столетия, а горожан в сельской местности ("пригорожане"), которые широко встречаются в новых пригородах изученных городов.

Безусловно, априорно предполагать субурбанизацию как генеральный тренд развития "частного сектора" было бы опрометчиво. Необходим поиск закономерностей в современном развитии этой terra incognita российского города, описание и типизация практик ее новой повседневности. Вероятно, тенденции эволюции "частного сектора" будут отличаться для локальностей, которые в ближайшей перспективе будут застраиваться высотными кварталами, и районов, где многоэтажное строительство не предполагается или невозможно. Не менее важным может оказаться масштаб города как фактор, определяющий направление эволюции районов усадебной застройки, их сообществ и доминирующего здесь образа жизни. Наконец, в этом процессе велико значение path dependency, поскольку история и динамика формирования советских/российских городов заметно различается.

Однако наблюдаемый процесс позволяет, как мне кажется, говорить о том, что "частный сектор" становится одной из перспективных зон распространения субурбанизма в российских городах. Именно здесь реализуется значительная часть запроса на субурбанизм как образ жизни, как один из вариантов ее "не советской" модели. В отличие от случаев США и иных стран классического субурбанизма, российскому горожанину далеко не обязательно выезжать из города, чтобы сменить городской образ жизни на пригородный. Достаточно изменить свое пространство, вписав его в логику иного образа жизни.

Литература

1. Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период / науч. ред. М.Н. Балдано. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
2. Что мы знаем о современных российских пригородах? Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Ответственный редактор А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.
3. Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018.
4. "Пригородная революция" в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве // Сборник тезисов докладов международной научной конференции. В 2-х частях. Ответственный редактор А.С. Бреславский. 2019. С. 22–26.
5. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
6. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998, 432 с.
7. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995. С. 63–68.
8. Голубчиков О.Ю., Махрова А.Г., Фелпс Н.А. Применение концепции "окраинного города" для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки) // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. №. 3. 2010. С. 48–54.
9. Григоричев К.В. В тени большого города. Социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгиск, 2013. 238 с.
10. Григоричев К.В. Воображенное сообщество: конструирование локальности в неинституционализированном пространстве пригорода // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 46–56.
11. Григоричев К.В. Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика глобального тренда // Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 175–189.
12. Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнём и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск, 2006.

13. Казакова А.Ю. Пригородный образ жизни в современной российской провинции. Социальная база, проблемы и перспективы развития. Саратов: Вузовское образование, 2017. 259 с.
14. Казакова А.Ю. Территориальная стигма: содержание и знак оценки // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3. № 4(12). С. 357–368.
15. Казакова А.Ю. Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности. Дисс. на соиск. уч. степ. доктора соц. наук. Ставрополь, 2020.
16. Карбаинов Н.И. Фавелы, геджеконду, "нахаловки": сквоттерские поселения в городах развивающихся и постсоветских стран // Мир России: Социология, этнология. 2018. Т. 27. № 1. С. 135–158.
17. Куренной В. Сила слабых связей. Горожанин и право на одиночество // Горожанин: что мы знаем о жители большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 14–29.
18. Махрова А.Г. Сезонная субурбанизация в регионах России / А.Г. Махрова // Вестник Московского Университета. Серия 5. География. 2015. №. 4. С. 59–67.
19. Меерович, М.Г. Соцгород. Градостроительная политика в СССР. 1926 - первая половина 1930 гг. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014.
20. Мкртчян Н.В. Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс // Что мы знаем о современных российских пригородах? Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Ответственный редактор А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 26–36.
21. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013.
22. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места "тусовок" как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
23. Раевский М. Жилищный вопрос на объединенных машиностроительных заводах // Экономическая жизнь. 1918 г. № 42 (26 декабря). С. 1. Цит. по: Меерович М.Г. Советский город-сад и ведомственный рабочий поселок. Градостроительная политика в СССР. 1917–1929 гг. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 152.
24. Тимошкин Д.О., Григоричев К.В. "Не-место" вне времени: неопределенность как специфика существования локальностей постсоветского города (на примере Иркутска) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 118–140.
25. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010. 384 с.
26. Частный сектор в жилом фонде городов-миллионников. 16.05.2019. URL: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/> (дата обращения: 27.01.2021).
27. Fischer, C. The subcultural theory of urbanism: a twentieth-year assessment // American Journal of Sociology. 1995. 101(3), P. 543–577.
28. Gasier-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities. // East European Politics & Societies. 2003. Vol. 23. N. 2. P. 244–265.
29. Hanlon B. Once the American Dream: Inner-Ring Suburbs of the Metropolitan United States- Temple Univ Press, Broad & Oxford St, Philadelphia, PA, 2010.
30. Hirt S. Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. 252 p.
31. Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia, Chicago: University of Chicago Press, 1989.
32. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Wiley-Blackwell. 1991. 464 p.
33. Low, S.M. Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit of Happiness in Fortress America. Routledge: New York and London, 2003. 275 p.
34. Nathan M., Unsworth R. Beyond city living: remaking the inner suburbs // Built Environment. 32:3, Summer 2006. P. 235–249.
35. Stanilov K., Sykora L. (eds.) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. 360 p.
36. Walks A. Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies. 2013. Vol. 50(8). P. 1471–1488.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Breslavskij A.S. Nezaplanirovannyye prigorody: sel'sko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Udeh v postsovetskij period / nauch. red. M.N. Baldano. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2014. 192 s.
2. CHto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodakh? Sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminar. Ответственный редактор А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во BNTS SO RAN, 2017.
3. Respubliki na vostoке Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya. Sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauch-

no-prakticheskogo seminar. Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya RAN. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2018.

4. "Prigorodnaya revolyutsiya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovetskom prostranstve // Sbornik tezisev dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. V 2-kh chastyakh. Otvetstvennyj redaktor A.S. Breslavskij. 2019. S. 22–26.

5. Vakhshajin V.S. Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom // Sotsiologiya vlasti. 2014. № 2. S. 9–38.

6. Vishnevskij A.G. Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR. M.: OGI, 1998, 432 s.

7. Glazychev V.L. Slobodizatsiya strany Gardariki // Inoe. KHrestomatiya novogo rossijskogo samosoznaniya. M.: Argus, 1995. S. 63–68.

8. Golubchikov O.YU., Makhrova A.G., Felps N.A. Primenenie kontseptsii "okrainnogo goroda" dlya analiza sovremennykh protsessov urbanizatsii v RF (na primere g. KHimki) // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya. №. 3. 2010. S. 48–54.

9. Grigorichev K.V. V teni bol'shogo goroda. Sotsial'noe prostranstvo prigoroda. Irkutsk: Ottisk, 2013. 238 s.

10. Grigorichev K.V. Voobrazhennoe soobshhestvo: konstruirovaniye lokal'nosti v neinstitulizirovannom prostranstve prigoroda // Labirint. ZHurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. 2015. № 1. S. 46–56.

11. Grigorichev K.V. Suburbanizatsiya na vostokey Rossii: regional'naya mozaika global'nogo trenda // Respubliki na vostokey Rossii: traektorii ehkonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminar. Institut mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya RAN. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2018. S. 175–189.

12. Davydov V.N., Karbainov N.I., Simonova V.V., Tselishheva V.G. Aginskaya street, tanets s ognym i alyuminievye strely: prisvoenie kul'turnykh landshaftov. Khabarovsk, 2006.

13. Kazakova A.YU. Prigorodnyj obraz zhizni v sovremennoj rossijskoj provintsii. Sotsial'naya baza, problemy i perspektivy razvitiya. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2017. 259 s.

14. Kazakova A.YU. Territorial'naya stigma: sodержanie i znak otsenki // Sotsial'nye i humanitarnye znaniya. 2017. T. 3. № 4(12). S. 357–368.

15. Kazakova A.YU. ZHilishhnaya deprivatsiya i territorial'naya stigma kak atributy marginal'nosti. Diss. na soisk. uch. step. doktora sots. nauk. Stavropol', 2020.

16. Karbainov N.I. Favely, gedzhekundu, "nakhalovki": skvotterskie poseleniya v gorodakh razvivayushhikhsya i postsovetskiikh stran // Mir Rossii: Sotsiologiya, ehnologiya. 2018. T. 27. № 1. S. 135–158.

17. Kurennoj V. Sila slabykh svyazey. Gorozhanin i pravo na odinochestvo // Gorozhanin: chty my znaem o zhiteli bol'shogo goroda? M.: Strelka Press, 2017. C. 14–29.

18. Makhrova A.G. Sezonnaya suburbanizatsiya v regionakh Rossii / A.G. Makhrova // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografiya. 2015. №. 4. S. 59–67.

19. Meerovich, M.G. Sotsgorod. Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1926 - pervaya polovina 1930 gg. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014.

20. Mkrtychyan N.V. Pristolichnyye territorii Rossii: dinamika naseleniya i migratsionnyj balans // CHty my znaem o sovremennykh rossijskiikh prigorodakh? Sbornik nauchnykh statej po itogam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo seminar. Otvetstvennyj redaktor A.S. Breslavskij. Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2017. S. 26–36.

21. Nefedova T.G. Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoj Rossii: Otvety geografa. M.: LENAND, 2013.

22. Ol'denburg R. Tret'e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshhestva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.

23. Raevskij M. ZHilishhnij vopros na ob'edinennykh mashinostroitel'nykh zavodakh // EHkonomicheskaya zhizn'. 1918 g. № 42 (26 dekabrya). S. 1. TSit. po: Meerovich M.G. Sovetskij gorod-sad i vedomstvennyj rabochij poselok. Gradostroitel'naya politika v SSSR. 1917–1929 gg. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. S. 152.

24. Timoshkin D.O., Grigorichev K.V. "Ne-mesto" vne vremeni: neopredelennost' kak spetsifika sushhestvovaniya lokal'nostey postsovetskogo goroda (na primere Irkutskaja) // Antropologicheskij forum. 2018. № 39. S. 118–140.

25. Khamfri K. Postsovetskie transformatsii v aziatskoj chasti Rossii (antropologicheskie ocherki). M.: Natalis, 2010. 384 s.

26. CHastnyj sektor v zhilom fonde gorodov-millionnikov. 16.05.2019. URL: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/> (data obrashheniya: 27.01.2021).

27. Fischer, C. The subcultural theory of urbanism: a twentieth-year assessment // American Journal of Sociology. 1995. 101(3), P. 543–577.

28. Gasior-Niemiec A., Glasze G., Pütz R. A Glimpse over the Rising Walls: The Reflection of Post-Communist Transformation in the Polish Discourse of Gated Communities. // East European Politics & Societies. 2003. Vol. 23. N. 2. P. 244–265.

29. Hanlon B. *Once the American Dream: Inner-Ring Suburbs of the Metropolitan United States*. Temple Univ Press, Broad & Oxford St, Philadelphia, PA, 2010.
30. Hirt S. *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City* – Oxford: Willey-Blackwell, 2012. 252 p.
31. Holston J. *The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia*, Chicago: University of Chicago Press, 1989.
32. Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford: Wiley-Blackwell. 1991. 464 p.
33. Low, S.M. *Behind the Gates: Life, Security and the Pursuit of Happiness in Fortress America*. Routledge: New York and London, 2003. 275 p.
34. Nathan M., Unsworth R. *Beyond city living: remaking the inner suburbs // Built Environment*. 32:3, Summer 2006. P. 235–249.
35. Stanilov K., Sykora L. (eds.) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Post-socialist Central and Eastern Europe* – Oxford: Willey-Blackwell, 2014. 360 p.
36. Walks A. *Suburbanism as a Way of Life, Slight Return // Urban Studies*. 2013. Vol. 50(8). P. 1471–1488.

Григоричев К. В. Двойник-невидимка российского города: "частный сектор" между слободой и внутренним пригородом.

В статье ставится проблема трансформации "частного сектора", занимающего значительную часть российского провинциального города и являющегося своего рода двойником-невидимкой советского и современного российского города. Показывается, что этот сегмент остается практически полностью вне фокуса исследований российского города. Рассматривается эволюция образа жизни в "частном секторе" на протяжении середины 1990-х до середины 2010-х гг. На основе сопоставления выявленных изменений с ключевыми характеристиками урбанизма и субурбанизма формулируется гипотеза о трансформации "частного сектора" в сторону внутреннего пригорода, как одной из форм субурбанизации в России.

Ключевые слова: *постсоветский город, "частный сектор", субурбанизация, внутренний пригород*

Grigoriev K. V. The invisible twin of the Russian city: the "private housing sector" between the sloboda and the inner suburb.

The article raises the problem of transformation of the "private housing sector", which occupies a significant part of the Russian provincial city and is a kind of invisible twin of the Soviet and modern Russian city. It is shown that this segment of Russian city remains almost completely out of the researchers' focus. The evolution of the lifestyle in the "private housing sector" during the mid-1990s to the mid-2010s is considered. Based on a comparison of the identified changes with the key characteristics of urbanism and suburbanism, a hypothesis on the transformation of the "private sector" towards the inner suburbs, as one of the forms of suburbanization in Russia is formulated.

Key words: *post-soviet city, "privet housing sector", suburbanization, inner suburb*

Для цитирования: Григоричев К. В. Двойник-невидимка российского города: "частный сектор" между слободой и внутренним пригородом // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/7-18

For citation: Grigoriev K. V. The invisible twin of the Russian city: the "private housing sector" between the sloboda and the inner suburb // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 7–18. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/7-18

УДК 316.334.56

Дятлов В. И.

"Частный сектор" советского города: дома, дворы и люди в словах и образах

Фраза "жить в частном секторе" не требует дополнительной расшифровки в постсоветском обществе. Она понятна всем – как привычная часть повседневности. Интуитивно она говорит не только (и не столько) о месте жительства, но о типе жилья, о материальных, статусных и символических возможностях его обитателей. Это социальная и культурная характеристика. Маркер уклада и образа жизни.

Попытка подвергнуть анализу этот важнейший феномен городской жизни может вызвать некоторое недоумение. Зачем – если и так все понятно? Поэтому "частный сектор" редко упоминается в беллетристике, прессе и практически не присутствует в исследовательской литературе. Аналогично обстоит дело и с бараками. По словам Марка Мееровича, "этот тип массового жилища для рабочих замолчан советской архитектурной наукой, не описан, не изучен, исключен из официальной системы архитектурных и строительных знаний и типологии массового жилища 1920–1930-х гг. – в трудах по истории советской архитектуры он практически никак не представлен. И это несмотря на то, что вся история первых десятилетий советского градостроительства связана именно с данным типом домостроений" [14].

Поэтому попытка сделать "частный сектор" объектом исследовательского внимания предопределяет необходимость этапа первичного описания. А это невозможно без выдвижения гипотезы о его основных характеристиках, о том, что же должно описываться и изучаться. И если нет возможности опереться на исследовательскую традицию, то стоит начать с поиска, систематизации и анализа практик употребления понятия и термина. А так как речь идет о той части "структуры повседневности", в которой жил и формировался автор этого текста, то неизбежна проблема использования в качестве источника и собственного опыта.

Однако это заставляет задуматься об "исследовательской оптике", требует специальной рефлексии [Рефлексия по этому поводу: 18]. С одной стороны, использование личного опыта неизбежно. Он формирует систему ценностей, идеологические позиции, выбор темы и постановку проблемы. С другой стороны, это обостряет проблему верифицируемости и представительности вводимых в качестве источника личных воспоминаний и неизбежных субъективных оценок. Автор отличной книги о советской повседневности Наталья Лебина считает "достаточно рискованным экспериментом" свой опыт работы в "двух жанрах – исторических исследований и воспоминаний" [13, с. 19].

Тут есть опасность оказаться между Сциллой привычки, обыденного сознания ("а чего там изучать, мы и так все знаем") и Харибдой экзотизации. Альберт Байбурин констатирует: "... в такого рода исследованиях "еще живого быта" принципиальное значение имеет позиция исследователя. Чем ближе материал, тем определеннее, строже должно быть место наблюдателя" [1, с. 15]. Можно прожить всю жизнь (или значимую ее часть) в "частном секторе", не задумываясь о том, что же это такое. А для исследования необходимо отстраниться, взглянуть на изучаемый объект со стороны. Альберт Байбурин

© Дятлов В. И., 2020

ДЯТЛОВ Виктор Иннокентьевич, д-р ист. наук, профессор Иркутского государственного университета (г. Иркутск), профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

замечает: "свою жизнь не так то просто разглядеть. "Лицом к лицу...". Для этого нужна дистанция" [1, с. 9]. Это прямой путь к остранению – необходимости взглянуть на привычное как на странное. И в этом заложен риск экзотизации ("белый сахиб изумляется странным нравам туземцев") [Подробнее о проблеме экзотизации: 7; 20].

Сформулированная таким образом задача делает текст неизбежно постановочным и спекулятивным. Это попытка осмысления, рационализации, отстраненного и в чем-то остраненного взгляда на привычную и потому практически не рефлекслируемую часть повседневности. Она реализуется и при опоре на личный опыт человека, прожившего значительную часть жизни в "частном секторе", его воспоминаний и наблюдений. В каком-то смысле, задним числом, это можно назвать многолетним включенным наблюдением, опытом автоэтнографии.

Конечно, использованы документы городских властей, архитектурные проекты и их обсуждение, дискуссии в интернете. Очень ценны материалы Национального корпуса русского языка, хотя большая часть его информации относится к постсоветскому периоду.

Исследовательские работы, посвященные специально "частному сектору", практически отсутствуют. В лучшем случае, он попутно упоминается при изучении городских повседневностей или процессов межкультурных взаимодействий. [См. напр.: 4] Тем более ценны исследования о контексте феномена. Есть замечательные работы Стивена Коткина и Марка Мееровича по жилищной политике Советской власти [11; 15], книга Ильи Утехина о коммунальных квартирах [18]. Проблеме сквоттерства, питающего рост "частного сектора" в пост-советских городах, посвящены статьи Николая Карбаинова [9; 10]. Важны размышления Виктора Вахштайна о языках описания города [2].

Заставила автора задуматься о феномене "частного сектора" статья Константина Григоричева [6]. Многие идеи моей статьи родились или приняли оформленный вид при обсуждении с ним этой проблемы. Поэтому иногда можно говорить о совместном авторстве, хотя, конечно, за все, что написано в этом тексте полную ответственность несет только автор.

Советское представление о "частном" и о "секторе"

Феномен "частного сектора" города был порожден советской эпохой, стратегией советской урбанизации. И словосочетание "частный сектор" адекватно отражает суть того, что в наше время назвали бы проектом и его реализацией. Только советский идеологический и политический проект смог выстроить из конгломерата обычных для города того времени деревянных одноэтажных домов и усадебной застройки (причем очень разного класса – от усадеб зажиточных горожан до хижин трущобных районов) именно "сектор" – нечто целое, единое и выделенное в качестве этого целого из общего организма города. До советской власти дома усадебного типа были, но "частного сектора" не было. Его возникновение вызвано не самим фактом существования определенного типа жилья, организации пространства или уклада жизни обитателей, а местом в новой системе организации и управления городским пространством. Само слово "сектор" говорит о выделении части из целого. "Частный сектор" – это отношение власти и горожан и набор социальных и властных практик.

Он стал органической частью советской "жилищной политики" – целенаправленного использования жилья в качестве инструмента власти и механизма социальной инженерии. По оценке Марка Мееровича, "лишь хроническая неспособность (и нежелание) власти справиться с жилищным кризисом, отладить процессы хозяйственного ведения жилищем, развернуть массовое жилищное строительство оттягивали решение о полном запрете частного владения жилищем. Власть вынужденно мирилась с "нестратегическим" присутствием в городах индивидуальной застройки. Власть "допустила" частное жилище в концепцию построения социализма также вынужденно и также негласно, как вынужденно и негласно впустила в политэкономии социализма частный крестьянский рынок. Власть прятала частное жилище на периферию городов, старательно сносила его в центральных частях города, заполняя освободившиеся территории символами эпохи – образцами передовой пролетарской архитектуры, образцами сталинского ампира, позднее – первенцами панельного домостроения и прочим. Власть вяло боролась с "нахаловками",

понимая, что запрещая и снося самовольно построенное убогое жилище, она в той или иной мере будет вынуждена брать на себя заботу о бездомных... Обострение жилищной кризиса было заложено в самой жилищной политике властей, основанной на государственном владении, распоряжении и распределении жилища" [15, с. 9].

"Частный сектор" существовал только в городе. Усадебная организация жилья в деревнях и в рабочих поселках при почти полном преобладании личной собственности на него, не формировала соответствующей оценки. Этот термин и связанное с ним понятие не применяются, возможно, потому, что ему нет альтернативной пары (условно говоря – "сектора общественного"), нет того целого, частью которого должен являться сектор. Или потому, что такой тип жилья не рассматривался как отклонение от нормы, как в случае с городом.

Кратковременная и быстро свернутая попытка изменить ситуацию была предпринята в начале 1960-х гг. Тогда проводилась программа по строительству в деревне многоэтажных домов со всеми удобствами, но без приусадебных участков и хозяйственного подворья. Можно предположить, что это была заведомо обреченная на неудачу попытка модернизации деревни путем ее искусственной урбанизации. Но и тогда это не породило деления на "частный" и современный "общественный" сектора.

Если вернуться к городу, то "частный сектор" не просто выделяется, но и стигматизируется. Стигму создает именно то, что он "частный". Для советской идеологии, политики и образа жизни – это очень плохая рекомендация. То, что подлежало если не немедленному уничтожению, то постепенной ликвидации. При этом в слове "частный" сошлись два одинаково неприемлемых для советского проекта смысла. Частный – как категория собственности и частный – в смысле индивидуальный, личный, приватный. Частная форма собственности расценивалась как нечто чужеродное, подлежащее искоренению, с трудом терпимое. Поэтому временное. Это относится и к городской недвижимости – к земле и жилью. При этом частная собственность на землю в городе была условной и ограниченной. Частный дом в любой момент могли снести по решению властей без всякой процедуры выкупа. "Следует заметить, что строительство индивидуальных жилых домов частными застройщиками властью тоже не приветствовалось, не поощрялось, но и не запрещалось. Причина в том, что "частным" оно было лишь номинально, то есть лишь по названию. Никакой правовой основы, обеспечивающей наличие личной собственности, личного владения и личного распоряжения, за этим наименованием не стояло. Частное домовладение подчинялось тем же обязанностям, что и все прочие типы жилищно-домовой организации – квартплата, оплата за коммунальные услуги, налоговые платежи, уплотнения, принудительные выселения и прочее" [15, с. 63–70, 218].

Условный характер частной собственности не мешал оценивать ее существование как отклонение от нормы. Поэтому и у властей, и у обитателей частных домов господствовало ощущение временности. Поэтому нет частных особняков – не только доходных домов, что было исключено по определению, но и семейных жилых домов, достойных такого названия. "С первых дней своего существования советская власть негативно относилась к малоэтажной индивидуальной застройке. Оно лежит вне ее стратегической линии на создание основной массы жилища совершенно иного типа – многоэтажного, многоквартирного коммунального жилья – "покомнатно – посемейного" заселения. Власть объявляет индивидуальное жилище коттеджного типа неэкономичным, металлоемким, неэффективным в эксплуатационном отношении и, в конечном счете, абсолютно невыгодным" [15, с. 214].

Частная форма собственности – это не единственный критерий. Понятие "частный сектор" распространяется в представлениях горожан и на некоторое государственное городское жилье. Основание – это жилье индивидуальное, отдельное. Подразумеваются дома индивидуальной одноэтажной застройки усадебного типа, неблагоустроенное жилье. Характерно, что формально негосударственное кооперативное жилье в современных благоустроенных многоквартирных домах (феномен достаточно распространенный в годы позднего социализма) в качестве частного сектора не рассматривается.

"Не-город в городе": "снести эти деревяшки"

Уже сам набор этих критериев формирует отношение власти – такое жилье (по собственности, типу жилья, организации пространства и укладу жизни обитателей) не должно быть частью советского города. И с точки зрения модернизационной советской идеологии, "частный сектор" – это показатель отсталости и архаики. Все это формирует представление о том, что "частный сектор" – это рудимент не-советскости и не-города вообще, объект уничтожения и трансформации.

Местные власти видели в "частном секторе" тяжелую управленческую проблему, зона хаоса, неуправляемости, тупцовости, криминальности и антисанитарии. Они испытывали постоянное ощущение потери контроля – ужас бюрократии. Кроме того – "деревяшки" и дворы портят вид и занимают дефицитную землю в центре города. Это показатель слабой компетенции городской власти. Отсюда страсть к строительству заборов.

"Частный сектор" (и его обитатели) не воспринимался властями как субъект, чьи интересы стоит если не учитывать, то хотя бы знать. Это объект преобразующей деятельности, чьи интересы не только не важны, а просто не существуют. При планировании городского развития монопольно господствовал дискурс "малоэтажной застройки", "участки индивидуальной застройки", "неблагоустроенного жилья". "Застройка" выступает здесь как ключевая категория. Именно в таких терминах и понятиях "частный сектор" присутствовал в Генеральных планах развития города. Это взгляд через призму домов, организации пространства, а не интересов, прав и уклада жизни обитателей. Это о домах, о территории, об организации пространства, а не о людях.

Это пространство необходимо сделать городским, упорядочить, искоренить как препятствие для городского развития, освободить дефицитную землю для правильной застройки, для более экономной коммунальной инфраструктуры. Независимо от формы собственности индивидуальное жилье разбивалось на несколько категорий: 1. Долговременно пригодное для жизни, где разрешен даже капитальный ремонт и перестройки; 2. Жилье, где разрешен косметический ремонт; 3. Дома под снос. При этом не власть делает ремонт, она только разрешает или не разрешает это делать. Государство может в любой момент снести, перестроить, переселить, выделяя по своему усмотрению квадратные метры жилья на прописанного жильца. О правах собственности и интересах жителей "частного сектора" речи при этом не идет.

Частный сектор в экономике социализма и "частный сектор" города, с точки зрения идеологии и массовых представлений, сформированных такой идеологией (но не только ею), были препятствием на пути социалистической модернизации, его крайне нежелательными, но вынужденно терпимыми спутниками. Тем не менее аналогично тому, как по известному тезису классовая борьба усиливалась по мере строительства социализма, "частный сектор" не исчезал по мере социалистической урбанизации. Возможно, потому что он был имманентно присущей частью не только экономики, но и уклада жизни социализма.

Ликвидировать "частный сектор" не позволял жилищный кризис, спровоцированный как стремительной урбанизацией, так и политикой властей. "Частный сектор" был не только способом переложить на плечи населения тяготы и расходы на ускоренную "социалистическую индустриализацию" и урбанизацию. Это очевидно и лежит на поверхности. Это был и мощный инструмент власти и контроля над населением – через искусственный дефицит и монополию на доступ к нему.

Массовое индустриальное жилищное строительство парадоксальным образом усилило значимость "частного сектора", обозначив доступность "нормального жилья", а значит и повысив его роль. Образ доступного теперь "нормального жилья" еще больше стигматизировал образ "жилья ненормального" в "частном секторе".

"Частный сектор" возникает и живет даже в таких молодых городах, как Усть-Илимск, созданного на пустом месте и изначально по государственному плану в качестве образцового "города будущего". Города, принципиально отрицающего преемственность старой дореволюционной и новой ГУЛАГовской (как в Братске) традиции, частью которого "частный сектор" являлся. Тем не менее в пресс-релизе городской администрации за 2018 г. привычно

констатируется: "В полномочия органов местного самоуправления в частности входит организация водоснабжения населения в районах, не обеспеченных централизованной системой холодного водоснабжения, туда производится доставка воды автоцистернами. В Усть-Илимске к таким территориям относятся поселок индивидуальной застройки № 2 (Высотка), поселок УК-272/9 (Девятка), две улицы в 16 микрорайоне и улицы неплановой застройки в левобережной части города" [16].

Здесь "частный сектор" создается стихийно, путем "сквоттерства", самочинного захвата земли и строительства жилья. Власть мирилась с появлением "нахаловок" – регистрировала незаконно построенное жилье, вносила его в план города, давала почтовый адрес, проводило электричество, строило водоразборные колонки (как мы видим – не всегда), организовывало уборку мусора. Это давало официальный статус хозяевам жилья – прописку, прикрепление к поликлиникам, школам и т.д. Но постоянным было ощущение условности частной собственности, временности. Понимание того, что в любой момент "могут снести".

В целом можно констатировать, что несмотря на массовое жилищное строительство 1960-х – 1980-х гг., жилищный кризис не терял своей остроты. А это делало искоренение "частного сектора" такой же неизбежной, но безгранично отдаленной перспективой, как победа коммунизма.

"Частный сектор": дом и пространство

О роли "частного сектора" говорят количественные оценки. Даже сейчас, после нескольких десятилетий бурного жилищного строительства, его масштабы впечатляют. По оценке Яны Преловской, в большинстве из пятнадцати городов-миллионников России объем частной застройки составляет от 15% до 45% процентов (исключая Москву и Санкт-Петербург). Общий объем составляет порядка 1,3 млн. строений, 80% их общего числа находится в городах-миллионниках [17]. Эта оценка подтверждается и в подробном детальном исследовании, проведенном компанией SmartLoc [19].

Нам важны оценки местных властей сибирских городов, которые свидетельствуют и об их понимании важности проблемы. В Иркутске 2012 г., по оценке мэра, "сектор индивидуальной жилой застройки" занимает треть территории города, в частном секторе проживает примерно 10% иркутян" [8]. По оценке мэрии Новосибирска, индивидуальное жилье в 1992 г. занимало почти половину жилых территорий города и составляло около 16 % общего жилого фонда [5].

Источники и механизмы формирования "частного сектора" заслуживают отдельного исследования. Если Иркутск получил огромный массив индивидуальной жилой застройки (как в центре, так и на окраинах) из дореволюционного прошлого, то для Новосибирска "частный сектор" стал несомненным детищем социалистической урбанизации.

В оценках представителей власти, градостроительных документах, урбанистических исследованиях речь обычно идет не об индивидуальном неблагоустроенном жилье как таковом, а о площадках, местах концентрации такого жилья, о "частном секторе", особом типе организации этой части городского пространства.

"В соответствии с современными нормативами градостроительного регулирования, малоэтажная жилая застройка – это застройка до 3-х этажей включительно. Жилые образования территорий малоэтажного жилищного строительства состоят, как правило, из жилых домов многоквартирных или блокированных. Частный сектор – это часть территории городской застройки, сформированная участками и строениями на них, предназначенными для жизни одной семьи – находящимися в частной собственности... Среда жилого сектора в системе города образуют частные домохозяйства с приусадебными участками, сгруппированные в районы ... органы местного самоуправления не заинтересованы в развитии и реорганизации районов, застроенных индивидуальными жилыми домами" [17].

Член комиссий по городскому хозяйству и по бюджету и налоговой политике горсовета Новосибирска Евгений Лебедев оценил ситуацию так: "Главная беда частного сектора во всех городах – это то, что ему традиционно уделяется меньше внимания, чем районам многоэтажной застройки. Если город

застраивался планомерно, принимая в расчёт будущие потребности горожан в социальной инфраструктуре, то районы частного сектора росли хаотично, и на сегодня многие из них являются сложным лабиринтом из домов, палисадников, гаражей и огородов. Коммунальные сети прокладывались здесь по остаточному принципу, детские сады, школы и поликлиники находятся не в шаговой доступности, а чтобы доехать в центр города или до места работы, жителям частного сектора порой приходится делать несколько пересадок ... на содержание квадратного метра дорог, по которым ходит общественный транспорт, из городского бюджета тратится более ста рублей в год, а на содержание дорог в частном секторе – не более трёх рублей на один квадратный метр. Чиновники привыкли заявлять, что хозяева домовладений обязаны содержать собственное имущество за свой счёт, но в зоне ответственности городских властей находятся улицы и магистральные сети, за которые обязан отвечать муниципалитет" [12].

Характерно, что в этой констатации "город" и "частный сектор" разводятся даже на вербальном уровне. "Частный сектор" не рассматривается как органическая часть города. Главный раздражающий для представителя власти фактор – хаотичность и неоформленность застроенного пространства.

Важнейшая характеристика "частного сектора" советской эпохи – слабое развитие городской системы жизнеобеспечения: грязные неосвещенные улицы с разбитым покрытием, стихийные свалки, отсутствие в домах воды, канализации, газа, транспортная оторванность от других районов города, дефицит школ, детских садов, магазинов в шаговой доступности. Почти полное отсутствие домашних телефонов и общественных платных телефонов-автоматов. Бесформенность, бесструктурность районов – соответственно отсутствие "третьих мест", административных, культурных, символических центральных мест.

Преобладающий тип жилья – деревянный одноэтажный дом на одну семью. Иногда двухквартирный дом с отдельными дворами, выстроенный по типовому проекту и обычно находящийся в ведомственной или городской собственности. Обязателен подвал, необходимый для хранения овощей и отчасти заменявший холодильник. Из современных коммунальных удобств – только электричество и радиоточка. Электричество есть везде – даже в незаконных, не отмеченных на плане города поселениях. Иногда через незаконные подключения, с которыми власти безуспешно боролись. Поэтому в эпоху позднего социализма есть телевидение, холодильник и стиральная машина. Иногда – холодное водоснабжение или летний водопровод. Тогда возможно использование стиральной машины современного типа. Печное отопление, вода из водоразборной колонки, туалет типа сортир во дворе.

Обязателен двор, где располагаются дровяной сарай, кладовая, холодный туалет, выгребная яма. Двор мог быть индивидуальным или коллективным – для нескольких домовладений. Во втором случае вся инфраструктура могла использоваться и поддерживаться в рабочем состоянии коллективными усилиями. Иногда усилиями жильцов – песочница и детские качели. Нередки клумбы с цветами, иногда грядки с зеленью или даже парники из подручного хлама. Даже в 1960-е гг. в Иркутске могли держать во дворах коз, кур, кроликов, иногда даже коров. Были в моде голубятни. При некоторых городских усадьбах бывали небольшие огороды. Это было подспорьем для семейного бюджета, но требовало большой затраты времени и сил.

Двор оценивался как "своя" территория, даже если он был не огражден и не имел ворот. Символическая граница тем не менее была. Существовало четкое понимание, где "наш двор", а где "чужой двор". Для детей и подростков это была символическая зона безопасности. В коллективном "нашем дворе" часто складывалась сеть неформальных связей, взаимопомощи и взаимозависимости.

Деревянное жилье и дворовая инфраструктура требуют постоянных усилий и расходов по поддержанию и ремонту. Облик районов "частного сектора" показывал, что таких усилий и расходов явно не хватало. Распространенной картиной были покосившиеся некрашенные заборы, навечно распахнутые ворота, обветшавшие покосившиеся дома с подгнившими нижними венцами и требующие ремонта крыши. Требующие очистки и ремонта сортиры и выгребные ямы, стихийные свалки за воротами домов. Государство практически не

вкладывало сюда средств, мотивируя это частным характером собственности. Хотя устанавливало при этом жесткие правила ремонта и реконструкции. Жильцы не имели средств и мотивации к долговременным вложениям в ремонт – исходя из провозглашенной государством временности их жилья и относительности права собственности. Это дома под снос – и проблема только в сроках, которые определяет государство по не прозрачной процедуре принятия такого решения.

"Когда же нас снесут?" – образ жизни обитателей "частного сектора"

"Частный сектор" формировал особый жизненный цикл его обитателей. Необходимо каждый день ходить к колонке за водой (в дни стирки – несколько раз), ежедневно топить печь (зимой – утром и вечером), приносить из кладовой во дворе дрова или уголь, выносить помои. Раз в неделю – стирка белья и одежды. Это тяжелый труд при отсутствии водопровода и проточной стиральной машины. Тем более что печное отопление неизбежно дает копоть, от которой одежда марается очень быстро. Раз в неделю – семейный выход в муниципальную баню, где по выходным бывают огромные очереди. Собственные бани бывали в очень редких домах – это удовольствие требует много дров и воды. Отдельное приключение – выход в холодный туалет в сибирский мороз. Каждый год необходимо закупать, привозить и колоть дрова на весь год. Это требует много времени, сил и денег. Ежегодно требуется (при печном отоплении) белить закопченные стены и потолок или переклеивать обои. Раз в году очистка туалета, выгребной ямы и подключение летнего водопровода (при его наличии). Если есть домашнее подсобное хозяйство (мелкая живность, огородик) – соответствующие ежедневные хлопоты.

Все это (а также транспортная оторванность от общих городских локальностей и мест работы) организует особый цикл времени, большую зависимость от пребывания дома. Кроме того, это очень напоминает деревенский уклад и цикл жизни. Учитывая то, что в "частном секторе" оседает много мигрантов из сельской местности, это может формировать элементы соседской общинности, особенно там, где невелика текучесть, где устойчивая в течение поколений среда. Это подкрепляется необходимостью коллективных усилий по поддержанию общей инфраструктуры, охране символических границ двора. На самом деле, текучесть была, видимо, велика – более успешные или удачливые семьи "получали квартиры" и переезжали в многоквартирные дома в других районах города. Их место занимали новички – часто мигранты из деревень или небольших городов и поселков. Часть из них воспринимала этот уклад жизни и тип жилья как привычный и оседала, для части – это была промежуточная стадия к обретению "настоящего городского жилья" и "настоящей городской жизни". Но формировался и постоянный, стабильный контингент – из тех, кто не мог или не хотел стать "полноценным горожанином".

Весьма специфическими были взаимоотношения с государством, которые определялись условным характером частной собственности на жилье. Государство могло в любое время дом снести, не спрашивая согласия владельца. Ремонт собственного дома, а тем более его перестройка требовали утверждения властей. Строительство нового дома в "частном секторе" зачастую происходило захватническим методом. Государство могло разрешить этот захват задним числом, узаконив права жильцов оформлением всех необходимых документов. Это давало право на прописку и законный статус жителя города. Можно было законно оформлять права наследования и продажи. Открывался доступ к здравоохранению, образованию, другой социальной инфраструктуре.

Государство могло не признавать законность строительства, не оформляло необходимых документов, но и не предпринимало карательных мер. При этом электроснабжение и водопровод существовали, почтовые адреса были, автобусные маршруты действовали. Дети ходили в школы в рамках строгих законов о всеобщем. Это было признание де-факто, но не де-юре. Это создавало ситуацию постоянной неопределенности – полу-закрытые глаза государства могли внезапно открыться с тяжелыми для незаконных обитателей города последствиями. Отсутствие прописки фактически лишало права при сносе на получение государственной квартиры. Продажа дома без необходимых документов радикально снижала его цену. Все это делало уровень зависимости от

воли и произвола властей выше, чем у обитателей государственного благоустроенного жилья.

С другой стороны, государство, переключаясь на плечи жителей "частного сектора" обязанности и расходы по содержанию жилья и инфраструктуры, лишалось дополнительных инструментов власти и контроля. В повседневной жизни они были более автономны от власти, меньше ожидали от нее и были для нее более закрыты. "Частный сектор" можно оценивать и как механизм "ускользания" от государства, возможность и необходимость обходиться без его повседневного и всепроникающего патерналистского покровительства. "Ускользание" от государства отнюдь не означало оппозиционности к нему. Это не Иран, где трущобные пригороды, населенные вчерашними крестьянами, стали очагами, опорой городских массовых движений, огромной политической силой, объектом успешной политической мобилизации. В советском "частном секторе" не выявилось даже слабой тенденции к этому. Иногда могла быть тенденция к мобилизации криминальной, когда вокруг криминала как такового происходит социализация, самоорганизация элементов и не уголовных, но получающих от этого прямые или косвенные выгоды. Это вело к криминализации таких районов или к формированию их соответствующей репутации.

Примитивность и плохое состояние инфраструктуры (грязные, плохо освещенные улицы, плохие подъездные дороги, отсутствие канализации, централизованного отопления, убогая телефонизация и т.д.), запущенность жилого фонда, тяжелый груз дополнительной работы по поддержанию жизнедеятельности, часто – специфическая репутация таких районов и расположенных в нем школ – все это формировало тенденцию к отрущобливанию и социальной деградации. Тенденции к социальной геттоизации отчасти препятствовала включенность в общую городскую инфраструктуру, возможность использовать общие для горожан социальные лифты – школы и доступ к бесплатному высшему образованию, армия, возможности профессионального продвижения.

Тем не менее ощущение временности и неустойчивости жизни, низкий статус "частного сектора" как не-города, распространялся и на его обитателей. Это могло вести к их стигматизации. Поэтому происходит мобилизация всего советского "социального капитала" для того, чтобы перебраться "в город". Шел постоянный отток успешных – тех, кто смог "получить квартиру", стать "полноценными горожанами" переехав в благоустроенное государственное жилье. Квартира давала более высокий социальный статус, переводила из состояния недо-горожан в сословие собственно горожан. Слово "сословие" – из другой эпохи, но здесь оно к месту.

Остальным оставалось ожидать и надеяться на то время, "когда нас снесут". Это означало возможность получить взамен благоустроенное жилье. Хотя оно обычно находилось не в самом престижном районе, но давало возможность включиться в считающийся нормальным городской уклад и образ жизни. Ожидание могло длиться десятилетиями. И оно не формировало стремления улучшить свою жизнь здесь. Низкая мотивация подкреплялась ограниченностью ресурсов – финансовых и материальных.

Вместо заключения. Советский феномен в постсоветской ситуации

Крах социалистических общественных отношений положили начало медленной, но неуклонной трансформации "частного сектора". Происходит его разложение как целостного уклада, радикально меняется его природа.

Ключевой фактор этого тектонического сдвига – приватизация городского жилья и реальное (а не условное как при советской власти) функционирование института частной собственности на городскую недвижимость и рынка недвижимости. Земля в центре города становится рыночной ценностью, зачастую немалой. Происходит имущественная дифференциация горожан, формируется значительный средний слой со средствами, позволяющими обзаводиться городской усадьбой.

"Частный сектор" в городе дает возможность объединить преимущества загородной и городской жизни. Можно купить и сразу снести частный дом, иногда в центре города. На участке выстроить городскую усадьбу. При удаче и некоторых расходах ее можно подключить к общегородским коммуникациям

(водопровод, канализация, паровое отопление). Если это невозможно – современные технологии, доступные по цене людям не самым богатым, позволяют оборудовать усадьбу автономным набором современных цивилизованных коммунальных удобств. Массовая автомобилизация делает соблазнительной строительство усадьбы и в окраинных районах. Тем более легко решается проблема гаража. Даже поверхностные наблюдения говорят о массовом характере явления.

Приметы городской усадьбы в "частном секторе":

- Усадьбы хаотичным образом вклинены в массивы прежних обветшалых строений и не образуют однородных по статусу владельцев и укладу жизни массивов. Типичная картина – богатая городская усадьба, отгороженная высоким забором от соседних обветшалых, иногда просто трущобных домов с соответствующим населением. Неизбежное при такой ситуации напряжение и конфликты. Отсюда стремление к полной автономии, отгороженности от внешнего мира, высокие глухие заборы, обычно из профлиста, слабая ухоженность прилегающего к усадьбе пространства. Исчезают даже привычные для советской эпохи палисадники с цветами перед домом. Нет стремления к облагораживанию прилегающего общего пространства – поэтому типичны разбитые дороги, слабая освещенность улиц, свалки мусора. Почти полное отсутствие представительских элементов – газона или просто лужайки перед домом, чугунных решеток, кирпичных заборов, живой изгороди.

- Обычно это 2-х этажный особняк (кирпич, режа – дерево). Обязательны горячая, холодная вода, канализация, отопление. Имеется отгороженный от внешнего мира двор, надворные хозяйственные постройки (гараж, часто баня). Клумбы, кустарники, нередко – грядки и парники.

Конфликтное сосуществование столь разнотипных жилищ, укладов жизни и слоев населения может продлиться довольно долго. Теоретически, переходная эпоха может завершиться полной джентрификацией района, превращением его в среду обитания среднего слоя с соответствующей организацией внешней среды. Не исключена и противоположная тенденция – соседство трущоб делает район непривлекательным для людей со средствами и соответствующими запросами. Тогда эти усадьбы придут в упадок и район станет однородно трущобным.

Распространенный вариант джентрификации – приход в "частный сектор" крупных застройщиков. Тогда выкуп земли у собственников и строительство жилых массивов, офисных зданий и супермаркетов.

В любом случае, районы малоэтажной неблагоустроенной частной застройки перестают быть "частным сектором" в контексте новых отношений власти и собственности.

Литература

1. Байбурин А.К. Этнография нашего быта // Утехин И.В. Очерки коммунального быта. 2-е изд. доп. М.: ОГИ, 2004. С. 7–20.
2. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. №2. С. 9–38.
3. Жилище в России: век XX: Архитектура и соц. история / Сост. и ред.: Уильям Брумфилд и Блэр Рубл. М.: Три квадрата, 2001. 191 с.
4. Вендина О. Этнокультурное разнообразие и обыденный опыт регулирования межэтнических взаимодействий (на примере городов Пермь, Ростов–на Дону и Уфа // Многоэтничный город. Проблемы и перспективы управления культурным разнообразием в крупных городах / О. Вендина, Э. Паин. М.: Спектр, 184 с.
5. Все новости Новосибирской области. 22.05.2001, [Электронный ресурс]. URL: <https://vn.ru/news-11167/> (дата обращения: 20.01.2021).
6. Григоричев К.В. "Частный сектор" российских городов: от наследия советской урбанизации к "внутреннему пригороду" // "Пригородные революции" в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. междунауч. конф. (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 22–26.
7. Дятлов В.И. Экзотизация и "образ врага": синдром "желтой опасности" в дореволюционной России // Идеи и идеалы. 2014, № 2(20), т. 1. С. 23–41.
8. ИА Байкал Инфо 12.09.2012, [Электронный ресурс]. URL: <http://baikal-info.ru/archives/44713> (дата обращения: 20.01.2021).

9. Карбаинов Н.И. Стратегия обоснования прав собственности на землю в ситуации правового плюрализма (на примере земельных споров в г. Улан-Удэ) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010, Т. 13, № 4(53). С. 140–157.
10. Карбаинов Н.И. Фавелы, геджекконду, "нахаловки": сквоттерские поселения в городах развивающихся и постсоветских стран // Мир России. 2018, Т. 27. № 1. С. 135–158.
11. Коткин С. Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX: Архитектура и соц. история / Сост. и ред.: Уильям Брумфилд и Блэр Рубл. М.: Три квадрата, 2001. 191. С. 103–126.
12. Лебедев Е. Сектор частный – проблема общая // Центр деловой жизни. 22 февраля, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svodka-nso.ru/news/2019/2/EvgeniyLebedevSektorchastnyuproblemaobshchaya/> (дата обращения: 20.01.2021).
13. Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 584 с.
14. Меерович М.Г. Типология жилищ соцгородов – новостроек. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 263 с.
15. Меерович М. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2008. 303 с.
16. Официальный сайт города Усть-Илимска [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ust-ilimsk.ru/mku-tsob-goroda-ust-ilimska/31-gorodskoe-khozyajstvo/3270-o-snabzhenii-pitevoj-vodoj-chastnogo-sektora-ust-ilimska/> (дата обращения: 20.01.2021).
17. Преловская Я.В. Методика реконструкции застройки типа "частный сектор" на этапах развития города, на примере городов среднего Поволжья: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. М., 2017. 24 с.
18. Утехин И.В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. М.: ОГИ, 2004. 277 с.
19. Частный сектор в жилом фонде городов-миллионников. 2019, [Электронный ресурс]. URL: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/> (дата обращения: 20.01.2021).
20. Huggan, Graham. The postcolonial exotic: marketing the margins. London: Routledge, 2001. 352 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bajburin A.K. Ehtnografiya nashego byta // Utekhin I.V. Ocherki kommunal'nogo byta. 2-e izd. dop. M.: OGI, 2004. S. 7–20.
2. Vakhshajin V.S. Peresborka goroda: mezhdu yazykom i prostranstvom // Sotsiologiya vlasti. 2014. №2. S. 9–38.
3. Zhilishhe v Rossii: vek KHKH: Arkhitektura i sots. istoriya / Sost. i red.: Uil'jam Brumfild i Blehr Rubl. M.: Tri kvadrata, 2001. 191 s.
4. Vendina O. Ehtnokul'turnoe raznoobrazie i obydenyj opyt regulirovaniya mezhehtnicheskikh vzaimodejstvij (na primere gorodov Perm', Rostov-na Donu i Ufa // Mnogoehtnicheskij gorod. Problemy i perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem v krupnykh gorodakh / O. Vendina, E.H. Pain. M.: Spektr, 184 s.
5. Vse novosti Novosibirskoj oblasti. 22.05.2001. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://vn.ru/news-11167/> (data obrashheniya: 20.01.2021).
6. Grigoriev K.V. "Chastnyj sektor" rossijskikh gorodov: ot naslediya sovetskoj urbanizatsii k "vnutrennemu prigorodu" // "Prigorodnye revolyutsii" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovetskom prostranstve: sb. tez. mezhdun. nauch. konf. (Ulan-Udeh, 14–16 noyabrya 2019 g.). Ulan-Udeh: Izd-vo BNTS SO RAN, 2019. S. 22–26.
7. Dyatlov V.I. EHkzotizatsiya i "obraz vraga": sindrom "zheltoj opasnosti" v dorevoljucionnoj Rossii // Idei i idealy. 2014, № 2(20), t. 1. S. 23–41.
8. IA Bajkal Info 12.09.2012. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://baikal-info.ru/archives/44713/> (data obrashheniya: 20.01.2021).
9. Karbainov N.I. Strategiya obosnovaniya prav sobstvennosti na zemlyu v situatsii pravovogo plyuralizma (na primere zemel'nykh sporov v g. Ulan-Udeh) // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 2010, T. 13, № 4(53). S. 140–157.
10. Karbainov N.I. Favely, gedzhekondy, "nakhalovki": skvotterskie poseleniya v gorodakh razvivayushhikhsya i postsovetskikh stran // Mir Rossii. 2018, T. 27. № 1. S. 135–158.
11. Kotkin S. Zhilishhe i sub"ektivnyj kharakter ego raspredeleniya v stalinskuyu eh-pokhu // Zhilishhe v Rossii: vek KHKH: Arkhitektura i sots. istoriya / Sost. i red.: Uil'jam Brumfild i Blehr Rubl. M.: Tri kvadrata, 2001. 191. S. 103–126.
12. Lebedev E. Sektor chastnyj – problema obshhaya // TSentr delovoy zhizni. 22 fevralya, 2019 [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.svodka-nso.ru/news/2019/2/EvgeniyLebedevSektorchastnyuproblemaobshchaya/> (data obrashheniya: 20.01.2021).
13. Leбина N. Passazhiry kolbasnogo poezda. EHtyudy k kartine byta rossijskogo goroda: 1917–1991. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 584 s.

14. Meerovich M.G. Tipologiya zhilishh sotsgorodov – novostroek. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014. 263 s.

15. Meerovich M. Nakazanie zhilishhem: zhilishhnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody). M.: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya" (ROSSPEHN), 2008. 303 s.

16. Ofitsial'nyj sayt goroda Ust'-Ilimska [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.ust-ilimsk.ru/mku-tsob-goroda-ust-ilimska/31-gorodskoe-khozyajstvo/3270-o-snabzhenii-pitevoj-vodoj-chastnogo-sektora-ust-ilimska> (data obrashheniya: 20.01.2021).

17. Prelovskaya Ya.V. Metodika rekonstruktsii zastrojki tipa "chastnyj sektor" na ehchapakh razvitiya goroda, na primere gorodov srednego Povolzh'ya: avtoref. diss. ... kand. tekhn. nauk. M., 2017. 24 s.

18. Utekhin I.V. Ocherki kommunal'nogo byta. 2-e izd., dop. M.: OGI, 2004. 277 s.

19. Chastnyj sektor v zhilom fonde gorodov-millionnikov. 2019, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://smartloc.ru/list/blog/articles/igs/> (data obrashheniya: 20.01.2021).

20. Huggan, Graham. The postcolonial exotic: marketing the margins. London: Routledge, 2001. 352 r.

Дятлов В. И. "Частный сектор" советского города: дома, дворы и люди в словах и образах.

Феномен "частного сектора" города порожден советским проектом, который выстроил из конгломерата одноэтажных домов усадебной застройки "сектор" - нечто целое, единое и выделенное в этом качестве. Это не столько дома, сколько отношения и набор социальных и властных практик. Он стигматизируется тем, что он частный – как категория собственности и как индивидуальный. Будучи объектом преобразующей деятельности властей, он не исчезает, что позволяет предположить, что он был неотъемлемой частью уклада жизни социализма. Тенденция к отрущобливанию и низкий статус "частного сектора" как не-города могли вести к стигматизации его обитателей. Крах советского проекта ведет к разложению "частного сектора" в результате приватизации жилья и реального функционирования института частной собственности.

Ключевые слова: *"Частный сектор" города, советский проект, район малоэтажной индивидуальной застройки, неблагоустроенное жилье, приватизация жилья, рынок недвижимости*

Dyatlov V. I. "Private sector" of the Soviet city: houses, yards and people in words and images.

The phenomenon of the city "private sector" was generated by the Soviet project, which out of conglomerate of one-story houses made the "sector" as something intact, united and allocated in this capacity. It is not only about the houses, but about relationships and a number of social and authority practices. It is stigmatized by the fact that it is private as a category of property and as individual. Being the object of transformation activity of the authorities, it does not disappear, which allows to assume that it was an integral part of the way of life of socialism. The tendency towards becoming a slum and low status of the "private sector" as a non-city could lead to stigmatization of its inhabitants. The collapse of the soviet project leads to "private sector" decay as a result of privatization and the real functioning of the private property institution.

Key words: *City "private sector", soviet project, area of low-rise individual development, houses without modern conveniences, house privatization, real estate market*

Для цитирования: Дятлов В. И. "Частный сектор" советского города: дома, дворы и люди в словах и образах // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 19–29. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/19-29

For citation: Dyatlov V. I. "Private sector" of the Soviet city: houses, yards and people in words and images // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 19–29. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/19-29

УДК 316.35

Ковалевский А. В., Иванова А. П.

Ландшафты нужды: городские земледельцы и собиратели

Как исследовать новый отечественный город?

Сегодня, одной из главных тем исследовательского дискурса становится осмысление физического пространства отечественных городов, их населения и культурно-бытовых сценариев. Первые попытки описания постсоветского российского города как цельного и сложного объекта предпринимались еще на рубеже XX–XXI вв. в работах В. Глазычева [6], В. Вагина [3] и других крупных и широко известных ученых.

В конце прошлого века отечественные города вступили в транзит от советского к постсоветскому развитию, что сопровождалось и продолжает сопровождаться глубинными структурно-смысловыми изменениями. Ключ к пониманию этих процессов стремятся найти многие исследователи уже долгое время. Тем не менее стремление зафиксировать специфику протекающих процессов не позволяет определить сам феномен российского города как цельного объекта. С одной стороны, исследователи говорят о существовании единой теоретической административно-территориальной структуры, внутри которой располагаются города, и определяют их через такую модель достаточно абстрактной системы [12]. С другой стороны, города рассматриваются как отдельные и многосложные элементы на едином национальном полотне [6]. При любом подходе, однако, сохраняется ключевая характеристика постсоветского города – его гетерогенность, которая в ряде исследований получила название "урбанистический ассамбляж" [28].

В этой перспективе нам, прежде всего, интересен город как совокупность разнородных элементов и процессов. Причем первая часть из этих элементов лежит на поверхности: миграция, население, застройка и др. Эти параметры отражаются в городских отчетах, официальной статистике и прочих открытых источниках. В общем смысле именно такой набор элементов отражает, так называемый "видимый город", которым с разной долей условности, называют реальным постсоветским поселением. Но есть и другая сторона, она представляет собой совокупность невидимых элементов, которые в разной степени проявляются в ряде исследовательских текстов: частный сектор [7], неучтенное население [15], теневая экономика [13]. Такую обратную сторону мы относим к понятию "невидимого города", который существует наравне с "видимым городом" и столь же реален как в физическом пространстве, как и в социальном. Изучению одной из "невидимых" сторон поселений России и посвящена данная статья.

Постсоветский город как объект исследования, как правило, рассматривается через призму зарубежных моделей. Такой подход к объяснению пространственного развития и/или конструирования концепций развития города приводит, по нашему мнению, к некоторой искусственности "видимого города". Опора на классические модели урбанистов, социологов и градостроителей требует, на наш взгляд, обязательного учета локального контекста. Последний, по нашему мнению, отражается в практиках "невидимого города" и в большей степени определяет современные процессы и актуальную повестку.

© Ковалевский А. В., Иванова А. П., 2020

КОВАЛЕВСКИЙ Андрей Владимирович, аспирант кафедры социологии, регионоведения и политологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: fakzy79@gmail.com

ИВАНОВА Алина Павловна, канд. архитектуры, доцент кафедры дизайна архитектурной среды Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: iva.nova@mail.ru

Вслед за классическими моделями мы видим два возможных пути к определению общественных изменений российских городов: (1) как результат социальных конфликтов внутри [29]; (2) в виде концепции "мобильного урбанизма" [33], определяющего общественные изменения с точки зрения потоков миграции и внешней мобильности. Нам довольно сложно отрицать эффект внешнего экономического неравенства между городами [17] и порожденного этим процесса внутренней миграции. Однако, по нашему мнению, большинство процессов, происходящих внутри поселений, скорее, детерминированы именно внутренними противоречиями. В этом смысле важно изучение этих глубинных противоречий, протекающих внутри городов и объясняющихся, вероятнее всего, из трактования местных процессов и продиктованных микропространственной логикой.

В качестве методологического инструмента для определения таких местных противоречий мы воспользуемся моделью пространства А. Лефевра [30]. В этом смысле те изменения отечественных городов, которые мы фиксируем последние десятилетия, следует определять не только на материальном уровне (как появление новых физических пространств), но и на уровне абстракции (появление новых пространств социальных и их взаимосвязь с социальным и культурным полем существующим).

В таком случае, важно отметить, что текущая работа носит прежде всего антропологический характер, а следовательно, изучает конкретный и реальный кейс на местности. В связи с этим мы обращаемся к обнаруженным "невидимым группам", существующим в городе сейчас и составляющим часть его сообщества. Отсутствие таких групп хоть в каком-нибудь дискурсе ставит перед нами задачи даже не статистического характера, а описательного. Мы стремимся описать найденные "невидимые группы" на основе эмпирических данных полевых исследований и показать, как их практики отражают современный город. В своем исследовании мы попытаемся выделить и описать несколько маргинальных групп городского сообщества, выпадающих из "видимого" пространства крупного российского города на примере Хабаровска.

"Неизвестные жители" и "маргинальные субкультуры"

Физическое преобразование городов меняет не только их внешний вид. Вместе с ними постоянно изменяются поведенческие сценарии, характерные для одних групп (дачники, военные), и возникают другие, связанные с новыми городскими группами (предприниматели, креативный класс и пр.). При этом появляются группы, сложившиеся в структуре городского сообщества в позднесоветские годы и в первое постсоветское десятилетие и не находящие своего места в новой. Происходит это потому, что система поведений и реакций, сформированных в условиях социальной среды прошлого этапа, не может адаптироваться и трансформироваться вслед за обществом и городским пространством [25].

Такие группы жителей образуют новые "неизвестные" субкультуры внутри известного пространства, тем самым образуя "невидимый город" и "невидимые сообщества". Поведение членов таких групп заметно отклоняется от "нормальности" среднестатистического горожанина. Логика такого поведения анализировал еще Э. Дюркгейм [26], показывавший как девиация индивида определялась нормами и референцией группы, а не влиянием общества в целом. В этом смысле отклоняющееся поведение таких жителей является результатом конфликта между нормами "неизвестной" субкультуры и естественной культуры жителей города.

"Неизвестные" или "маргинальные субкультуры" возникают в городском пространстве при его трансформации, выпадают из его общей структуры и консолидируются за его пределами. Основная проблема состоит в том, что такие маргинальные субкультуры не отмирают, а продолжают устойчиво производить собственное социальное пространство [30] и бессознательно и спонтанно воспроизводить особые паттерны поведения [21].

Новые "видимые" городские пространства как физические (новый жилой район; локальности, подвергшиеся реновации и пр.), так и социальные (жители бараков, выселенные на окраину; проектирование общественных мест и пр.) прекрасно сосуществуют с пространством "невидимым". С точки зрения теоретической географии такое соседство представляет собой пример

полноценного культурного ландшафта [19] и относит нас к идее формирования единой сети совместной сегрегированности [8]. На наш взгляд, этот процесс и развивается сейчас на пересечении пространств "видимого" и "невидимого" города.

Изначально тема, которая легла в основу настоящей статьи не являлась для нас приоритетной и даже больше возникла на стыке других работ и иных академических задач. Индивидуальные исследования авторов отдельных параметров города (архитектуры, истории и социологии), периодически приводили нас к новому феномену – "невидимому городу" – не описанному и стигматизированному. О существовании неотраженных в статистике групп заговаривали респонденты в рамках неформализованных интервью, а иногда в рамках полевых исследований мы наткнулись на странные формы организации быта и жилища, несвойственные городскому пространству. Эмпирический материал для данной статьи составляют около 20 неформализованных интервью, связанные с ними фотоматериалы, а также составленные нами в рамках полевых исследований карты местности.

Мы рассматриваем материалы интервью как зафиксированную социальную практику, которая отражает опыт группы, передаваемый в качестве легитимной интерпретации реальности. При полевых исследованиях полностью или частично закрытых групп это представляется оправданным. Через устный контакт члены таких групп передают не столько личное мнение, сколько вполне укоренившееся групповое суждение. В дальнейшей работе будут приводиться цитаты именно таких "распространенных суждений", встречаемых нами на протяжении большинства интервью.

Как и откуда возникли "дальневосточные невидимки"?

Для нашего анализа важен контекст крупных городов Дальнего Востока. Во-первых, значительная часть трудоспособного населения, здесь исторически состояла из милитаризованных группы (военнослужащие, работники предприятий ВПК и т.д.) [10], которые в значительной мере потеряли смысл существования в 1990-е гг. и в слишком "выпадали" из новой социальной структуры. Часть из них приспособилась к новым реалиям, однако доля представителей этой группы среди респондентов в наших интервью была наиболее высока: около половины опрошиваемых были бывшими военными или выходцами из военных семей. Кроме того, значительная часть респондентов изучаемой группы ассоциируют себя с военными, что формируется кругом общения, местом жительства и родственными связями.

"Ну 90-е годы, армию распустили и все... у нас трагедия, конечно, была страны, с той точки зрения, все попали под сокращения, действительно постепенно распускали полки, ликвидировали армии. У военных финансирование начало прекращаться, коммуналки района все старые ломались, стали подключать ДОС (бывший закрытый военный район в г. Хабаровск) к городу. Хорошо хоть додумались, а не стали бросать как другие военные городки, вот стоят там жуткое зрелище" (женщина 62 года, бывший учитель в школе).

"Военные стали продавать квартиры и уезжать отсюда. Кто уезжал к месту рождения, кто еще куда. Но большая часть спилась, полковники некоторые спились и бомжевали у помоек. Офицеры стали сторожами в гаражных кооперативах. У нас даже не осознали, что с людьми натворили" (мужчина 65 лет, бывший военнослужащий).

Помимо военных довольно быстро лишились своего места в социальной иерархии и жители частного сектора. В городском пространстве г. Хабаровска, формат "дачников" сохранялся как основной до 1960-х гг. [4]. Стремительное уничтожение дачных построек не изменило формы организации быта этих жителей. Напротив, размещение "дачников" внутрь еще не оформленных городских структур не позволило образоваться классическому городскому пространству.

"Да ты не знаешь же даже, у нас тут раньше земля была своя. Мамка с батьком семью всю кормили с участка, огурчики, картошечка... все тут росло. А потом пришли эти... ну понимаешь уже, не малой... и отобрали все к чертовой бабушке. Батя был рабочим человеком, ему вон квартиру выделили, а ему с этого то что? Участка раз и не стало... Мамка как ушла,

царствие небесное, батя с тех пор под балконом участочек себе разбил, картошку там выращивает, хочешь пойдем покажу? Это не далеко тут совсем, через квартал" (мужчина 47 лет, житель города).

Бывшие рабочие промышленных предприятий представляют третью выделенную нами группу, наиболее типичную для всех постсоветских городов [18; 24; 23]. Применительно к г. Хабаровску группа бывших промышленных рабочих или растворяется в группе "дачников", поскольку большинство из них проживала в деревянном доме на отдельном земельном участке, либо идентифицируют себя с "военными".

В рамках концепции мобильного урбанизма [1] мобильность выступает как основной фактор формирования городского пространства, его изменчивости и основных элементов [20]. Миграция создавала основные показатели динамики населения на Дальнем Востоке в течение всей его истории. А "миграционная яма" 1990-х гг., о которой уже высказывались ряд исследователей [16], для крупных городов восполнялась притоком жителей села и северных территорий. В ситуации, когда при бурной трансформации самих городов численность их населения не изменяется, мы можем предполагать изменение социальной структуры, появление в ней "выпадающих групп". Невозможность изменить своего места жительства в данном случае обуславливается двумя факторами: (1) огромным расстоянием между центральной частью России и Дальним Востоком и (2) крайней степенью экономического недостатка у "выпадающих жителей".

"Почему не уехали? Ну ты сам посуди. Родители жили всегда в достатке, по совести, и по честности. Работу выполняли, нас с сестрой подымали. А потом раз и все, конец. Отец в момент всего лишился, распустили их. А мать одна все не потянула... Отца я давно уже не видел, говорят спился, ну и ладно, а что поделать? А мы втроем с сестрой и матерью без денег, без знакомых ну куда? Вот и остались. Сейчас, вроде, по малой выправляемся, может, к пенсии на юга махну" (мужчина 42 года, местный житель).

Ставшие уже классическими зарубежные работы, изучающие бедность и группы бедных людей, показывают, что бедность, будучи устойчивой характеристикой, порождает особый набор культурных отношений, убеждений, ценностей и обычаев, причем подобная "культура бедности" имеет тенденцию сохраняться со временем [31]. В нашем случае мы видим зарождение подобных групп, которые не формируют новые ценности, обычаи и убеждения, а напротив – эксплуатируют паттерны и сценарии, сложившиеся ранее. Основная причина, приводящая к экономическому краху подобных стратегий, заключается в том, что такие паттерны и сценарии устарели, не соответствуют новой городской структуре и маргинализируются. В таком случае мы говорим не про образование новых, а, скорее, о сохранении старых групп в абсолютно новой социальной структуре городского сообщества.

Вопросы о стратегии преодоления бедности также неоднократно становились ключевыми в крупных зарубежных исследованиях [27; 34], но, что характерно для географии Дальнего Востока, выбор стратегии объясняется не культурными факторами [35], а физическими условиями и групповой памятью.

Отечественные исследования групп с низким экономическим достатком показывают, что члены таких "невидимых сообществ" чаще всего полагаются именно на внутригрупповое межличностное взаимодействие [2]. Кроме того, они организуются в совместные формы быта и общие сценарии для выживания, минуя внешнее межгрупповое взаимодействие, а также почти никогда не пытаются включиться в общую социальную структуру [22]. В этом ключе особый интерес представляет наблюдение и анализ именно таких форм поведения представителей маргинальных субкультур. Вскрыв подобные элементы "невидимого города", мы сможем отследить как повседневные практики членов "невидимых" сообществ производят свой тип пространства [32].

"Невидимые сообщества" Хабаровска

В полевых исследованиях на территории г. Хабаровска мы обнаружили два локуса совершенно неизвестных сообществ. Условно мы обозначили их как "городских земледельцев" и "городских собирателей" – выбор таких определений мы поясним ниже. Мы остановили наше внимание только на двух

Рис. 1. Локализация исследуемых "неизвестных" сообществ. Источник: составлено авторами на основе данных полевых исследований, проведенных в Хабаровске весной-осенью 2020 г.

сообществах, наиболее изученных нами к этому моменту, хотя можно предполагать наличие и других подобных сообществ.

Прежде всего, выделим наиболее общие черты участников обеих групп. Во-первых, для них характерен крайне неоднородный возрастной и национальный состав. Среди наших респондентов (далеко не все представители обнаруженных сообществ соглашались на общение) в обоих локусах мы обнаруживали как довольно молодых людей в возрасте 20 лет, так и совсем взрослых до 78 лет. Этнический состав также разнообразен: нам встречались люди, родившиеся на территории России, Украины, Белоруссии и других стран СНГ, а также довольно распространенных на Дальнем Востоке представителей Южной и Северной Кореи.

Вместе с тем, не смотря на довольно большие этно-демографические различия в составе групп, мы обнаружили крайнюю степень близости на бытовом и межличностном уровнях. В общих чертах внутренняя коммуникация групп напоминает классические примеры традиционных закрытых обществ с простой социальной структурой.

Для каждой из выделенных нами групп характерна общая деятельностная ориентация, обусловленная локализацией сообщества. Причем территория может как хранить некоторые исторические коннотации, отражаемые в быту и практиках повседневности членов групп, так и воспроизводить куда более глубинные паттерны, характерные для совершенно других зон внутри города. Деятельность внутри группы формирует и особый тип мифологизации пространства, основанного на главной ценности группы: земля в случае земледельцев и уникальный личный образ в случае собирателей.

Последнее важное отличие жителей "невидимого города" от остальных горожан заключается в их относительной экономической слабости, хотя у каждого члена обоих сообществ есть какая-либо недвижимость и постоянный доход. В классическом понимании члены подобных групп не являются бездомными, так как фактически имеют жилую площадь (квартиру в наследство от родственников, комнату в общежитии и т.д.), а также другую недвижимость (гараж, дача и т.д.) и не являются бедными, поскольку имеют стабильные источники дохода (пособия, пенсии, доход от кустарничества). Сам этот доход

может быть ниже официального прожиточного минимума и представлений о "нормальности", однако для членов "невидимых" групп характерна совсем иная интерпретация экономики и стабильности. Не смотря на доминирование представлений о необходимости развития мер социальной поддержки, качество которых напрямую коррелирует с количеством бедных [11], наш эмпирический материал показывает, что социальные пособия являются лишь одним из множества механизмов для получения денежных средств. "Невидимые" группы эксплуатируют город и получают необходимые им ресурсы для субьективного для них уровня "стабильности" и "нормальности".

Кроме того, практически в каждом интервью звучала мысль о том, что "денег немного, но на жизнь хватает". Хотя фактически, ни один из опрошенных нами респондентов не имеет постоянной работы и не стремится ее найти. Основная причина этого видится в сильном индивидуализме членов "невидимых" сообществ, не позволяющем использовать внешние связи для получения работы и улучшения своего положения. Большинство членов подобных групп стараются использовать собственные способности для зарабатывания средств, иногда совершенно оригинальными способами.

"У меня тут схемка есть интересная, тут это... ну есть недалеко место... там короче вываливают помойку местные рабочие, ну у них там бывает по инструменту че или просто железки. Я это за чекуху с мужиками раз и свалил. Мужикам стаканчик, а мне монетка. Смекаешь?" (мужчина 30 лет, городской житель).

Не имея средств и любой мотивации к смене образа и места жизни члены "невидимых" групп чаще всего являются старожилками города. В проведенных ранее исследованиях [9] мы отметили высокую динамику миграционных процессов для всего Хабаровского края и города Хабаровска. Однако подобная тенденция в интервью с представителями "невидимых сообществ" не наблюдается. Это позволяет предполагать распространение подобных групп и в других частях краевого центра, которые в последние десятилетия не затрагивали существенные пространственные трансформации (реновации, новая застройка, благоустройство и т.д.).

Городские земледельцы

Первая встреча с "городскими земледельцами" произошла практически сразу в ходе первого полевого исследования в рамках проекта по изучению "Дальневосточной народной архитектуры". Выполнив кабинетную работу по определению расположения объектов частной застройки в Северном микрорайоне г. Хабаровска мы выдвинулись напрямик через лесополосу, прямо от здания университета к находившимся неподалеку частным постройкам советской эпохи. В стороне от всех жилых объектов были обнаружены спрятанные от окружающих огороды.

Фотографии (рис. 2) передают ощущение заброшенности и отсутствия хозяев, которое может отпугнуть жителей округи или случайных гостей района. Однако внутри было обнаружено большое количество канистр с водой для полива грядок (поблизости нет никаких водоемов), остатков трапезы у ковра и иные следы присутствия хозяев. Данная локальность находится посередине между университетским кампусом и автомобильным треком университета, что заставило предполагать в качестве возможных хозяев этих участков жителей жилых кварталов, располагающихся неподалеку. В дальнейшем на картографически "пустой территории" были обнаружены множество протоптанных дорожек. Вдоль этих тропинок "спрятанные огороды" стали появляться все чаще по мере приближения к многоэтажным домам.

Примечательно, что такие "огороды" не похожи на элементы ЖЭК-арта или высадку домашних цветов и кустарников у подъездов. Они содержат важные атрибуты дачных участков: высокие заборы, явные границы участков, хозяйственный постройки, посадка сельскохозяйственных культур: картофель, морковь, капуста и пр.

Вторым этапом изучения данной локальности стало наблюдение буднего дня местных жителей, начатое ранним утром (около 7 часов). Нами было зафиксировано довольно большое число людей на улице. Большинство из них не спешили на работу, занятые деятельностью внутри жилого спального рай-

Рис. 2. Огороды "городских земледельцев"

Источник: из авторских фотоматериалов полевых исследований весной-осенью 2020 г.

она. Мы зафиксировали заметное движение от подъездов жилых домов к своим "огородам", располагающимся буквально повсюду.

Наибольший массив огороженных земельных участков был найден на северной границе жилых домов (рис. 3), вдоль оврага к строительным площадкам (замороженное еще в 2014 г. строительство группы жилых домов). Состав "дачников", работающих здесь, был крайне разнороден: среди них были люди совсем разного возраста, пола и национальности.

Рис. 3. Схема изучаемой локальности в мкр. Северный, г. Хабаровск. Источник: составлено авторами на основе данных полевых исследований, проведенных в Хабаровске весной-осенью 2020 г.

Во всех проведенных здесь интервью ключевым мотивом было опасение потерять земельный участок. Маркером такого опасения стал вопрос "вы чиновники, али журналисты?". Интервью позволяют заключить, что главный страх местных жителей заключается в том, что местная администрация отберет их обжитые земельные участки и лишат их доступа к "свежим местным овощам".

"Да знаем мы таких как вы. Приходят тут разнюхивают, а потом сюжеты свои выпускают. А нам что? Простые люди. Пенсионеры, нам внуков кормить еще. Чинуши то сразу набегут землю всю поотбивают. Промышленность местную коту под хвост пустили, сейчас за дачников возмутся..." (женщина 56 лет, местный житель).

Примечательно, что основной ресурс и главный фактор благосостояния для местных жителей оказалась земля. Все участки разбиты прямо на территории дворовых территорий, автомобильных парковках, в оврагах, лесополосе и на любых свободных кусках земли (рис. 4). Прочие ресурсы для организации участка: инструменты, материалы, проволока, заборы, двери и другое были получены в результате сбора с мусорных свалок университета и студенческого городка. Найденные нами тропинки, выполняют здесь функцию транспортных путей для переноса строительных материалов со "складов" до земельных участков.

"Ну а что, у вас там постоянно чего-то ремонтируют, то в общежитиях, то в самом политехе [старое название университета – авторы]. Остатся добра навалом... У меня вон двери ваши вместо забора стоят и проволоку оттуда же достал. Степан наш из деревняшек себе оградку вон распилил, как в Европах прям, красота же, ну?" (мужчина 62 года, местный житель).

Последующий анализ показал, что в советское время неподалеку от изучаемой локальности располагались частные дома с огородами. В 1960-е гг. они расселились в строящиеся здесь жилые районы, в которых сегодня живут местные дачники. Почти сразу "новые городские жители" стали "облагораживать" придомовую территорию на основе привычных пространственных практик. Основная часть проживающих в этом районе людей имеют свой дачный участок неподалеку от дома, на котором трудятся основное свободное время. Большинство из местных потеряли работу в период 1990-х гг. (рабочие предприятий, бывшие военные или работники отрасли сельского хозяйства) и не смогли найти себе место в новой социальной структуре города. Большинство более молодых членов сообщества "земледельцев" получило в наследство не только квартиру и "участок" от старшего поколения, но и некоторую связь с

Рис 4. Организованные дачи вокруг группы жилых домов.
Источник: из авторских фотоматериалов полевых исследований весной-осенью 2020 г.

"маргинальной субкультуры". В трех интервью с молодыми представителями сообщества указывалось, что большинство местных работает неофициально или имеют кустарное производство (самогон, ремонт техники и т.д.) и совсем не хочет устраиваться официально и работать "на государство".

Использование свободных пространств для земледелия как стратегия выживания сохранилось у старшего поколения в качестве доминирующего способа организации быта. Для группы 30-летних и старше земледелие стало

наследственной формой ведения хозяйства в дополнение к основной деятельности. Вероятно, именно это сообщество растворится в следующем поколении, так как групповая память об аграрном характере территории трансформируется вместе с преобразованием физического пространства (новое строительство, дальнейшее благоустройство района и т.д.).

Городские собиратели

Вторая "невидимая группа" была обнаружена нами в центральной части города. Первоначально ее члены интерпретировались нами как откровенные бездомные и бродяги, что подтверждалось общением с жителями центрального района и работниками местных кафе. Интерпретации этого стереотипа посвящено множество серьезных работ в отечественной исследовательской литературе [5; 14], нас же больше интересовал его пространственный контекст. Основным вопросом, которым мы задавались в первой серии интервью была интерпретация и структурирование этой группы местными жителями и работниками местных предприятий.

Относительно нейтральное отношение к данной группе встретилось лишь в одном интервью:

"Ну да бомжуют тут постоянно. Вонючие, грязные и пьяные. Мы их так, шугаем по-малеху, но им то что, на улице сидеть холодно и жрать нечего. Тех, кто хотя бы выглядит нормально, мы подкармливаем даже, порой и в туалет можем пустить, если народу нет в зале" (парень 20 лет, работник кафе на центральной улице).

Основная часть респондентов имела устойчивый негативный и деперсонифицированный взгляд, определяющий группу как многочисленную, с неопределенными границами и структурой, априорно опасную и нежелательную. Однако в части интервью присутствовала персонализация. В момент общения с администратором одного из баров на центральной улице в помещении потучал человек в рваной одежде и с заплывшим лицом. Сам администратор, высказывающий крайне негативную характеристику группы "бездомных", дружелюбно впустил мужчину с улицы в помещения и принес стакан воды и небольшой пакет с едой. Позже он сам объяснил это следующим образом:

"Этот нормальный, Валерой звать, вроде бы, он... ну как бы художник что-ли... разок видел, что он рисовал что-то, не помню даже. Ну от него проблем особых нет, он вежливый и просит воды и в туалет иногда. Гостей, когда нет, пускаем".

Таким образом, местные жители выделяют две группы "бездомных": (1) агрессивные и опасные – существующие, но по разным причинам не определяемые; (2) персонифицированные люди, которые отличаются по ряду признаков от первой группы.

В официальных репрезентациях Хабаровска центральная часть города, в особенности ул. Муравьева-Амурского, представляет собой главную досуговую, культурную и туристическую артерию города. Соответственно, на ней концентрируется большинство известнейших точек общественного питания, главные культурные объекты и множество мелкой коммерции. Это привлекает сюда множество городских попрошайек, которых мы, однако, не относим к описываемой группе. Попрошайек легко идентифицировать по их манере общения, "закрепленных" за ними точках и постоянной смене образа. Группа же "собирателей" имеют свои четкие образы, которые считываются уже после первого знакомства. Они в отличие от попрошайек не имеют "своих мест", а, напротив, уверенно перемещаются в городском центре в зависимости от своего распорядка дня (вечером из кафе выносят пищевые остатки, днем по главным улицам ходят полицейские и пр.). На рис. 5 показаны места встреч с членами группы "собирателей" в течении одного дня полевых исследователей.

Представители этой группы охотнее шли на контакт при отсутствии какой-либо техники (камера, диктофон и т.д.), а после получения любого вознаграждения за общение моментально удалялись и позже встретить их можно было только в других местах центрального района. По нашим наблюдениям, которые продолжались несколько дней и в разных точках центрального района (рис. 5), в отличие от обычных попрошайек "городские собиратели" легче выходили на контакт с жителями и гостями города и, кроме того, полиция гораздо реже обращала на них внимание.

Рис. 5. Места встреч с представителями "городских собирателей". Источник: составлено авторами на основе данных полевых исследований, проведенных в Хабаровске весной-осенью 2020 г.

В отличие же от группы "земледельцев", "собиратели" активнее и проще выходили на контакт и стремились больше рассказывать. Наша роль "исследователя из университета" считывалась как фактор доверия, поэтому в части интервью респонденты делились довольно личными моментами и особенно-стями организации быта и досуга в городе.

Первоначально контакт с "собирателями" не получился: первая встреча с представителями этой группы (*Красотка и Художник, табл. 1*) указала главные табу в построении диалога с ними: агрессия на попытки записи общения, необходимость вознаграждения и желание говорить один на один. Первый контакт спугнул "собирателей", и мы обнаружили их только к вечеру уже в другой точке.

В ходе дня мы наблюдали за тем, как себя ведут члены этой группы, насколько активно взаимодействуют с горожанами и туристами, как распланирован их день и т.д. Основные выводы, которые нам удалось сделать:

- члены этой группы очень редко занимаются попрошайничеством, чаще всего они пытаются что-то продать или предложить взамен;
- активно вступают в диалоги с любыми людьми, поддерживая диалог на тему литературы, политики, экономики и в общих чертах демонстрируют высокий уровень осведомленности о происходящем в мире;
- имеют денежные средства для покупки еды, воды, сигарет в местных магазинах, хотя часто получают желаемое от прохожих, после очередного разговора;
- люди, чаще всего, не боятся вступать с ними в разговор, а посетители окрестных баров, напротив, по вечерам сами вступают с ними в открытые диалоги.

Сделанные наблюдения позволяют предположить, что члены "городских собирателей" активно используют город как ресурс. В ночное время, когда рестораны закрываются, а людей на улицах становится очень мало, "собиратели" начинают активную деятельность. Открытые мусорные зоны кафе и ресторанов, куда по после закрытия выносят все пищевые остатки за день,

Таблица 1. Список обнаруженных нами членов группы "городских собирателей"

Образ	Имя	Возраст	Почему на улице	Цель
Художник	Валера	54	Выгнали дети	Продать картины
Предприниматель	Игорь	32	Лишился бизнеса	Найти капитал
Батя (главный)	-	63	Потерял работу	Веселиться
Красотка	Юлия	42	Тут ее друзья	Найти мужа
Безногий	Александр	38	После операции	Не погибнуть

Источник: составлено авторами на основе расшифровки материалов неформализованных интервью с участниками сообщества "городских собирателей".

становятся первой точкой для посещения (во втором часу ночи мы встретили двух представителей "собирателей" (Красотка и Батя), сидящих около дороги с открытой бутылкой вина "Киндзмараули" и тарелкой шашлыка с пловом).

В летнее время, когда заведения, расположенные по главной улице, начинают строительство летних веранд, в мусорных зонах остается большое количество строительных материалов, лишнего реквизита, старой одежды и т.д., что также активно используется "собирателями" в своих целях. Большинство точек общепита в вечернее время проводит множество видов активностей на улице: конкурсы, танцы, розыгрыши, участниками которых с большим желанием становятся наши "собиратели".

Выделенные практики позволяют определить их как представителей хорошо заметной в городе группы бездомных ("бомжей"). Однако мы не относим их к бездомным и считаем, что, не смотря на постоянное нахождение на виду, "собиратели" остаются невидимыми для города.

Во всех интервью "собиратели" старательно обходят стороной вопросы о месте их проживания и нередко проявляют агрессию, если их называют бездомными. В одном из разговоров прозвучала информация, которая позволила построить и интерпретировать дальнейшие наблюдения.

"Зима... Ну а что бояться ее? Пролетит, да и хрен с ней. Мы же тут это, кантуемся рядышком. Я ногу, когда ломал по той весне, весь месяц в хате провалялся. Соседка, правда, житья не давала, я и решил, не вернусь туда пока точно. Как подохнет старуха, так, может, и подумаю, а так мне и в сарайчике нормально..." (мужчина 63 года, представитель "городских собирателей").

Это позволило предположить, что у представителей наблюдаемой группы есть какое-то жилье на самые суровые периоды в жизни (с поздней осени до ранней весны) и временные стоянки (используемые в благоприятные сезоны). Причем и первые, и вторые находятся где-то неподалеку. Отследить в ночное время пути отхода группы к своим домам не оказалось возможным, поэтому поиск стоянок был проведен в дневное время методом пешего обхода территории.

Было проведено несколько полевых обходов, охвативших всю территорию городского центра в радиусе около километра вокруг всех точек встреч с членами группы "собирателей". Мы искали какие-либо явные и неявные формы проявления жизни в табуированных и откровенно неблагоприятных зонах в центральном районе. Кроме того, были осмотрены все заброшенные и полузаброшенные строения.

На первый взгляд брошенные строения на первых трех фотографиях с рис. 6 кажутся необжитыми. Но при более глубоком обследовании нами были найдены как косвенные признаки человеческого присутствия (сложенная одежда, остатки продуктов и бутылок), так и прямые – аккуратно растянутые бельевые веревки, новые книги, упакованная туалетная бумага и т.д. Кроме того, около брошенных гаражей на последнем фото, неподалеку от старых деревянных бараков (судя по упоминанию в одном из интервью часть постоянных жилищ "собирателей") мы обнаружили остатки старых разобранных

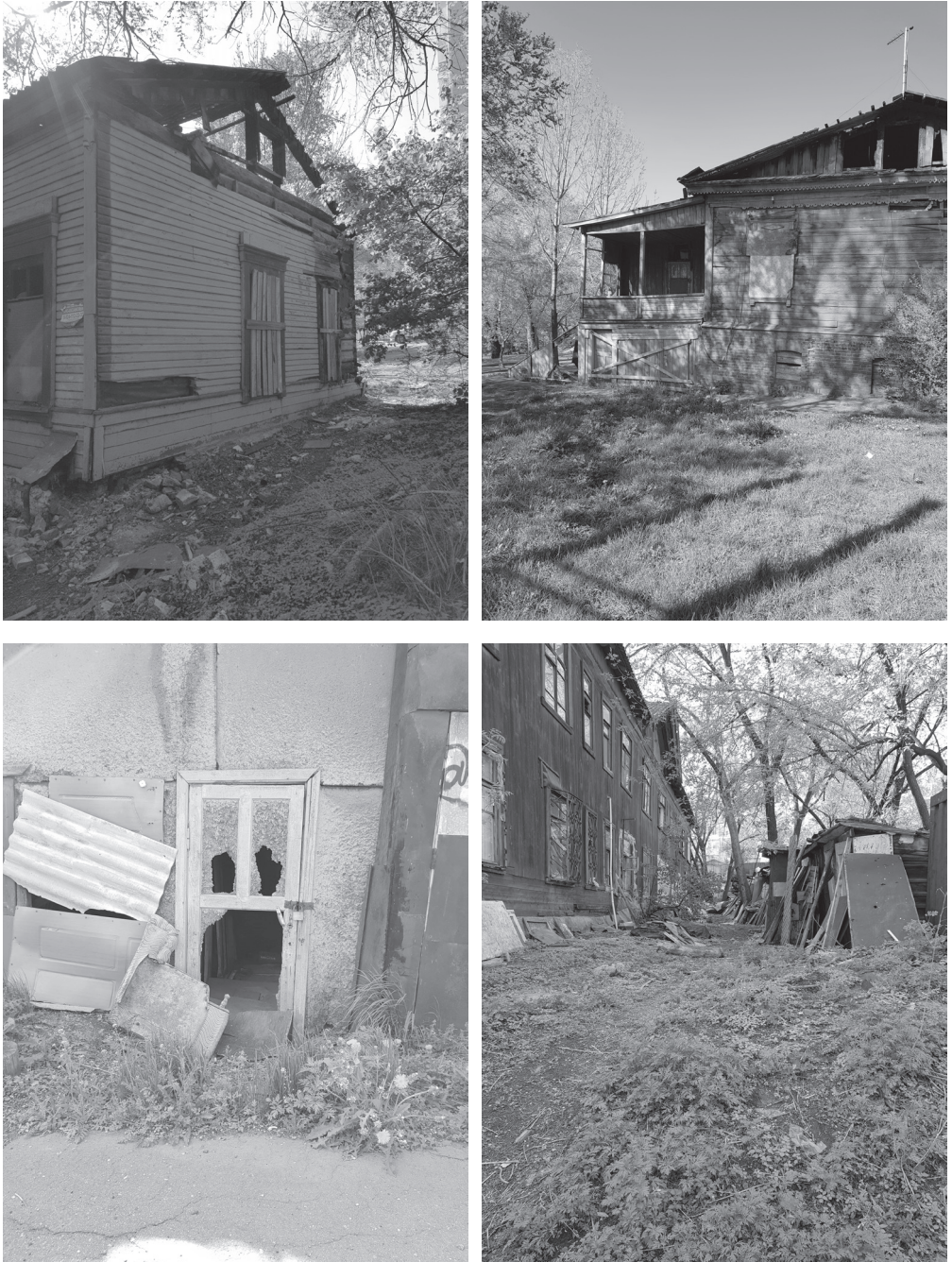

Рис. 6. Установленные временные стоянки "городских собирателей".
Источник: из авторских фотоматериалов полевых исследований весной-осенью 2020 г.

ных веранд с центральных улиц города (части столов, сломанных стульев, облицовочные материалы).

В бытовом оформлении временных жилищ абсолютно отсутствуют какие-либо формы благоустройства местности, а все объекты представляют собой остатки собранных с улиц ресурсов. В большей степени такие временные жилища пустуют: в дневное время обитатели находятся на работе или заняты прочими делами, в холодные же времена года они проживают в обычных до-

мах наряду с другими горожанами, что также неоднократно проговаривалось в части интервью с представителями группы "собирателей".

"Городские собиратели" не видны обычным горожанам т.к. ассоциируются с бездомными и бродягами. Для властей, статистов и силовиков "собиратели" не отличимы от попрошаек и околоскриминальных элементов. В реальности же члены этой группы образуют свое сообщество, определяющее их поведение, сценарии выживания и образ жизни, абсолютно выпадающий как по форме, так и по содержанию и структуры реального и видимого города.

Заключение

Выявленные группы "земледельцев" и "собирателей" реализуют изжившие себя в современном городе сценарии, одни из которых уже присутствовали ранее, а другие возникли в постсоветских условиях. Трансляция опыта местности и памяти сообщества у группы "земледельцев" выполняет роль преобразования физического пространства через социальные и культурные каналы, сохраненные из прошлой эпохи. Для группы "земледельцев" характерны модели поведения и организации быта жителей города до урбанизации 1960–1970-х гг., когда главной ценностью был земельный участок неподалеку от дома, способный дать некоторую стабильность и обеспечить продовольствием. Транслируя подобные негородские практики, члены указанной группы физически проживают в городских квартирах, являясь членами местного сообщества. Но с точки зрения доминирующего дискурса о городском, "земледельцы" лишь условно являются горожанами. Вопреки устойчивым ценностям урбанизма, главным ресурсом для них остается земля не в качестве капитала, а в качестве средства самообеспечения.

Вторая выделенная нами группа ("собиратели") воспроизводят модели поведения нетипичные ни для жителей "видимого города", ни для понимания явлений "бездомного", "бедного" или какой-то другой группы в рамках устоявшегося дискурса о городе. Насколько позволяет судить наш материал, члены этой группы живут в городе и пользуются им как ресурсом. Они контактируют с горожанами, производят собственное городское пространство, лишь частично пересекающееся с "видимым" городом, и не являются веберийскими париями в чистом виде.

Выявленные нами группы позволяют предложить тезис о существовании в современном российском городе спектра "невидимых" групп, реализующих собственные наборы практик взаимодействия с городским пространством. Такие практики имеют устойчивые пространственные воплощения, складывающиеся в "невидимые" городские ландшафты. Последние существуют параллельно репрезентируемому городу, оставаясь невидимыми для власти, медиа, обывателей. Такой взгляд позволяет говорить о заметно большей гетерогенности современного российского города, чем представляет его образ, формирующийся в пространстве отечественного академического текста.

Литература

1. Агафонова А. Реляционный подход в городских исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 13. № 4. С. 96–110.
2. Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003. № 12. С. 81–122.
3. Вагин В.В. Российское городское пространство: попытка осмысления / В.В. Вагин, А.Ф. Чешкова, С.Ю. Барсукова, и др. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 165 с.
4. Врублевский А. В. Хабаровск шестидесятых: Время надежд. Хабаровск: РИА Юпитер, 2013. 176 с.
5. Варыгина А. А., Кей Р. Восприятие бедности в малом городе России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 555–568.
6. Глазычев В. Л. Глубинная Россия. М.: Новое издательство, 2005. 325 с.
7. Григоричев К. В. "Частный сектор" российских городов: от наследия советской урбанизации к "внутреннему пригороду" // "Пригородная революция" в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 22–26.
8. Каганский В.Л. Постмодерн. Ландшафт. Искусство // География искусства. 2011. Вып. 6. С. 223–237.

9. Ковалевский А.В., Бляхер Л.Е. Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 120–127.
10. Колесниченко К.Ю. Роль военнослужащих в социально-демографических процессах на российском Дальнем Востоке в 30-е – 90-е гг. XX века // Полития. 2016. № 1. С. 408–410.
11. Колосницына М. Г., Филиппова А. В. Детские пособия и бедность в России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С.118–153.
12. Кордонский С. Г. Административно-территориальная структура России и ее ресурсно-сословная природа // Мир России: Социология, этнология. 2009. Т. 18. № 3. С. 3–38.
13. Кордонский С. Г. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 1. М.: Аргус, 1995. С. 47–74.
14. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37–67.
15. Мкртчян Н. В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития. Вып. 22. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 197–214.
16. Мотрич Е.Л. "Социальное качество населения Дальнего Востока" // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 1. С. 11–30.
17. Нефедова Т., Трейвиш А. Города и веси: поляризованное пространство России // Демоскоп Weekly, [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema01.php> (дата обращения: 16.11.2020).
18. Овчарова Л.Н. Бедность в России // Мир России. Социология. Этнология. 2001. № 1. С. 171–178.
19. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
20. Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.
21. Шматко Н. А. Габитус в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 59–69.
22. Штейнберг И. Сельская "прибедненность", бедность и нищета в социальных сетях межсемейных обменов // Индекс Журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://index.org.ru/journal/21/shberg21.html> (дата обращения: 16.11.2020).
23. Ярошенко С. "Новая бедность" в России после социализма // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2010. № 2. С. 221–251.
24. Beigulenko, Yana. Homelessness in Russia: The Scope of The Problem and the Remedies in Place // Homelessness: Exploring the New Terrain. Bristol, U.K.: Policy Press, 1999. 280 p.
25. Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris: Minuit, 1979. 500 p.
26. Durkheim, E. The Rules of Sociological Method. New York: The Free Press, 1982. 462 p.
27. Edin, Kathryn, and Laura Lein. Making ends meet: How single mothers survive welfare and low-wage work. New York: Russell Sage Foundation, 1997. 342 p.
28. Farias I., Bender T. Urban Assemblages. How Actor-Network Theory Changes Urban Studies. London: Routledge, 2010. 352 p.
29. Harvey D. Social justice and the city. Athens: University of Georgia Press, 1973. 368 p.
30. Lefebvre H. The production of space. Malden MA: Blackwell, 1991. 464 p.
31. Lewis O. La vida: A Puerto Rican family in the culture of poverty. New York: Random House, 1966. 669 p.
32. Lynch K. The Image of the City. The M.I.T. Press, 1960. 194 p.
33. McCann E., Ward K. Mobile Urbanism: Cities and Policymaking in the Global Age // Urban Geography. 2011. № 33. P. 158–169.
34. Newman, Katherine S., Rebekah Massengill. The texture of hardship: Qualitative sociology on poverty 1995–2005 // Annual Review of Sociology. 2005. № 32. P. 1–24.
35. Small, Mario Luis, David J. Harding, Michele Lamont. Reconsidering culture and poverty // ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2011. № 629. P. 6–27.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Agafonova A. Relyatsionnyj podkhod v gorodskikh issledovaniyakh // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 2015. Т. 13. № 4. С. 96–110.
2. Barsukova S.Yu. Setevaya vzaimopomoshh' rossijskikh domokhozyajstv: teoriya i praktika ehkonomiki dara // Mir Rossii. 2003. № 12. С. 81–122.

3. Vagin V.V. Rossijskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya / V.V. Vagin, A.F. Cheshkova, S.Yu. Barsukova, i dr. M.: Mosk. obshhestv. nauch. fond, 2000. 165 s.
4. Vrublevskij A. V. Khabarovsk shestidesyatykh: Vremya nadezhd. Khabarovsk: RIA Yupiter, 2013. 176 s.
5. Varyzgina A. A., Kej R. Vospriyatie bednosti v malom gorode Rossii // Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki. 2014. T. 12. № 4. S. 555–568.
6. Glazychev V. L. Glubinnaya Rossiya. M.: Novoe izdatel'stvo, 2005. 325 s.
7. Grigorichev K. V. "Chastnyj sektor" rossijskikh gorodov: ot naslediya sovetskoj urbanizatsii k "vnutrennemu prigorodu" // "Prigorodnaya revolyutsiya" v regional'nom srece: periferijnye gorodskie territorii na postsovetskom prostranstve. Ulan-Udeh: BNTS SO RAN, 2019. S. 22–26.
8. Kaganskij V.L. Postmodern. Landshaft. Iskusstvo // Geografiya iskusstva. 2011. Vyp. 6. S. 223–237.
9. Kovalevskij A.V., Blyakher L.E. Dal'nevostochnaya migratsiya: osobennosti interpretatsii na primere kejsa Khabarovskogo kraja // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2020. № 3. S. 120–127.
10. Kolesnichenko K.Yu. Rol' voennosluzhashchikh v sotsial'no-demograficheskikh protsessakh na rossijskom Dal'nem Vostoke v 30-e – 90-e gg. KHKH veka // Politiya. 2016. № 1. S. 408–410.
11. Kolosnitsyna M. G., Filippova A. V. Detskie posobiya i bednost' v Rossii // EHkonomicheskaya politika. 2017. T. 12. № 4. S.118–153.
12. Kordonskij S. G. Administrativno-territorial'naya struktura Rossii i ee resursnoslovnaya priroda // Mir Rossii: Sotsiologiya, ehnologiya. 2009. T. 18. № 3. S. 3-38.
13. Kordonskij S. G. Postperestroechnoe ehkonomicheskoe prostranstvo. Transformatsii administrativnogo rynka // Inoe. KHrestomatiya novogo rossijskogo samosoznaniya. T. 1. M.: Argus, 1995. S. 47–74.
14. Mareeva S. V., Tikhonova N. E. Bednost' i sotsial'nye neravenstva v Rossii v obshhestvennom soznanii // Mir Rossii: Sotsiologiya, ehnologiya. 2016. T. 25. № 2. S. 37-67.
15. Mkrtchyan N. V. Problemy ucheta naseleniya otdel'nykh vozrastnykh grupp v khode perepisi naseleniya 2010 g.: prichiny otklonenij poluchennykh dannyx ot ozhidaemykh // Demograficheskie aspekty sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya. Vyp. 22. M.: MAKSS Press, 2012. S. 197–214.
16. Motrich E.L. "Sotsial'noe kachestvo naseleniya Dal'nego Vostoka" // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2012. № 1. S. 11–30.
17. Nefedova T., Trejvish A. Goroda i vesi: polyarizovannoe prostranstvo Rossii // Demoskop Weekly, [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema01.php> (data obrashheniya 16.11.2020).
18. Ovcharova L.N. Bednost' v Rossii // Mir Rossii. Sotsiologiya. EHtnologiya. 2001. № 1. S. 171–178.
19. Rodoman B.B. Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii. Smolensk: Ojkumena, 1999. 256 s.
20. Urri Dzh. Mobil'nosti / Per. s angl. A. V. Lazareva. M.: Praksis, 2012. 576 s.
21. Shmatko N. A. Gabitus v strukture sotsiologicheskoy teorii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 1998. № 2. S. 59–69.
22. Shtejnberg I. Sel'skaya "pribednennost'", bednost' i nishheta v sotsial'nykh setyakh mezhsemejnykh obmenov // Indeks Zhurnal [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://index.org.ru/journal/21/shberg21.html> (data obrashheniya 16.11.2020).
23. Yaroshenko S. "Hovaya bednost'" v Rossii posle sotsializma // Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanij. 2010. № 2. S. 221–251.
24. Beigulenko, Yana. Homelessness in Russia: The Scope of The Problem and the Remedies in Place // Homelessness: Exploring the New Terrain. Bristol, U.K.: Policy Press, 1999. 280 p.
25. Bourdieu P. Le Sens pratique. Paris: Minuit, 1979. 500 p.
26. Durkheim, É. The Rules of Sociological Method. New York: The Free Press, 1982. 462 p.
27. Edin, Kathryn, and Laura Lein. Making ends meet: How single mothers survive welfare and low-wage work. New York: Russell Sage Foundation, 1997. 342 p.
28. Farias I., Bender T. Urban Assemblages. How Actor-Network Theory Changes Urban Studies. London: Routledge, 2010. 352 p.
29. Harvey D. Social justice and the city. Athens: University of Georgia Press, 1973. 368 p.
30. Lefebvre H. The production of space. Maden MA: Blackwell, 1991. 464 p.
31. Lewis O. La vida: A Puerto Rican family in the culture of poverty. New York: Random House, 1966. 669 p.
32. Lynch K. The Image of the City. The M.I.T. Press, 1960. 194 p.
33. McCann E., Ward K. Mobile Urbanism: Cities and Policymaking in the Global Age // Urban Geography. 2011. № 33. P. 158–169.
34. Newman, Katherine S., Rebekah Massengill. The texture of hardship: Qualitative sociology on poverty 1995–2005 // Annual Review of Sociology. 2005. № 32. P. 1–24.

35. Small, Mario Luis, David J. Harding, Michele Lamont. Reconsidering culture and poverty // ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2011. № 629. P. 6–27.

Ковалевский А. В., Иванова А. П. Ландшафты нужды: городские земледельцы и собиратели.

Исследования "невидимой стороны" отечественных городов часто происходят фактически случайно, т.к. в академическом дискурсе подобный объект до сих пор не стал очевиден. Данная работа в этом смысле не стала исключением. В ходе своих исследовательских проектов, авторы затрагивают совершенно неизученную часть одного из крупнейших поселений Дальнего Востока России – Хабаровска. В пространстве города (физическом и социальном) обнаруживаются совершенно неочевидные сообщества, функционирующие по собственным правилам. В ходе исследовательской работы авторы рассматривают несколько из таких сообществ "невидимого города": описывают их состав, историю появления и основные паттерны поведения. Обследуемые сообщества, пусть и будучи "выпадающими" из общей сложившейся "на бумаге" социологической структуры, являются частью населения города. Работа является способом легитимизации феномена "невидимых групп" в отечественном городе и началом для дальнейших исследований в указанной проблематике.

Ключевые слова: *невидимый город, выпадающие сообщества, социология города, Хабаровск, социальная стратификация*

Kovalevskij A. V., Ivanova A. P. Landscapes of Destitution: Urban Farmers and Urban Gatherers.

Investigations of the "invisible side" of domestic cities often happen by chance, because such an object has not yet become evident in academic discourse. This work is no exception. In the course of their research projects, the authors touch upon a completely unexplored part of one of the largest settlements in the Russian Far East - Khabarovsk. In the space of the city (physical and social), completely non-obvious communities are found, functioning according to their own rules. The authors consider several of these communities of the "invisible city": they describe their composition, history of appearance and basic patterns of behavior. The surveyed communities "falling out" from the general "paper structure" of society, but remain part of the city's population. This paper is a way to legitimize the phenomenon of "invisible groups" in a domestic city and the beginning for further research in this area.

Key words: *"invisible city", "falling out" communities, sociology of the city, Khabarovsk, social stratification*

Для цитирования: Ковалевский А. В., Иванова А. П. Ландшафты нужды: городские земледельцы и собиратели // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 30–46. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/30-46

For citation: Kovalevskij A. V., Ivanova A. P. Landscapes of Destitution: Urban Farmers and Urban Gatherers // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 30–46. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/30-46

УДК 316.47

Бляхер Л. Е.

"Придорожная экономика" как форма выживания малых городов юга Дальнего Востока России

Сегодня неравенство между различными территориями, в зависимости от их близости к центру или удаленности от него, климатических условий и наличия/отсутствия уникальных природных ресурсов достаточно очевидно. Однако еще более явное неравенство выстраивается между жителями крупных городов и мегаполисов, обладающих доступом к большему числу высокооплачиваемых рабочих мест, социальной и досуговой инфраструктуре более высокого качества, и жителями малых городов и поселков [7, с. 7–22]. Если крупный город, сам по себе, выступает источником определенного рода благ (доступ к более высокому уровню медицинского обслуживания, образования, индустрии досуга и т.д.), то на долю малых городов остается только функция "узла сетей" [9]. Более плотная коммуникация здесь выступает самостоятельным ресурсом, который более или менее успешно задействуется агентами, не только с целью перераспределения достаточно ограниченного объема наличных благ, но и создания пространства возможностей для обретения некоторого объема дополнительных благ. Особенно это характерно для городов восточной части страны. Здесь крупнейшие города традиционно выполняли не только функцию "узла сетей" и пространства распределения наиболее дефицитных благ, но и были "имперскими городами", центрами власти [15, с. 103–119], получая за выполнение этой функции от федерального центра дополнительные бонусы.

Малые города в советский период, чаще всего, представляли собой поселения при конкретном производстве (железнодорожной станции, заводе, воинском соединении). Обслуживание этого градообразующего объекта и составляло смысл их существования с точки зрения государства [10]. По мере того, как (если) падало значение объекта с точки зрения государства, снижалось и его готовность поддерживать малые города.

Жители последних, по сути, существуют в режиме выживания с использованием всех "подручных" инструментов, не делая особых различий между практиками легальными, полуполюгальными и совсем нелегальными. Часто подобное выпадение хозяйственного анклава и населяющего его сообщества ("культурный ландшафт" в трактовке В.Л. Каганского [8]) за пределы институционализированных систем трактуется через понятие "маргинальность" [17]. Соответственно, предметом внешнего (исследовательского, административного) интереса становится то, как вернуть "маргиналов" в пространство институционализированного культурного ландшафта. Однако, здесь мы имеем несколько более сложную систему.

Будучи зачастую даже совсем нелегальными для государственного взгляда, эти виды деятельности оказываются вполне легитимными и для местных жителей, и, часто, для местных "проверяющих" органов. По существу, возникают две альтернативные институциональные системы. Первая система, государственная, бюрократическая, поддерживается правовыми нормами, всеобщими правилами деятельности. Вторая – культурными представлениями, сложными механизмами "обычного права", опытом выживания сообщества [13]. Первая система обладает подавляющим силовым ресурсом, вторая обходится ресурсом моральным, выстраивая на его основе тактику противостояния легальности [18]. Точнее, выстраивается система, позволяющая продолжать "кормящие" виды деятельности, избегая излишне пристального

© Бляхер Л. Е., 2020

БЛЯХЕР Леонид Ефимович, д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). **E-mail:** leonid743342@mail.ru

взгляда проверяющих органов. Такую систему социальных и хозяйственных связей, формирующуюся вокруг "придорожной экономики", находящуюся большей частью за пределами легального поля, мы и предполагаем рассмотреть в настоящей работе.

Достаточно серьезным источником ресурсов для выживания "придорожных" городов и поселков выступает федеральная трасса. Хозяйственные связи, так или иначе опосредованные дорогой, но укорененные в местном сообществе и обозначены термином "дорожная экономика". Наличие на трассе постоянно и достаточно интенсивного движения, а значит, потенциальных потребителей услуг, приводит к формированию вдоль трассы достаточно сложной и разветвленной инфраструктуры, в рамках которой возникает и существует не менее разветвленная система промыслов [2, с. 43–45], составляющих зачатую основную форму занятости для местного населения. Подобную инфраструктуру и связанные с ней промыслы местного населения для федеральной трассы Хабаровск – Владивосток мы и попытаемся описать.

Выбранная для изучения дорожная артерия является с одной стороны, элементом инфраструктуры единственного доступного туристического маршрута для многих жителей Дальнего Востока России, а с другой, так же выполняют функцию инфраструктуры транзита для различных бизнес-сетей. Существует и реликтовая (прежде, основная) загрузка трассы, связанная с перегонем купленных в Приморье подержанных японских автомашин в другие регионы страны. Соответственно, различаются три основных потока: туристы, дальнобойщики и перегонщики.

Понятно, что на различных участках трассы ситуация и направления хозяйственной активности населения несколько различаются. В качестве географического объекта, наиболее типичного для организации "придорожной экономики" нами был выбран город Дальнереченск (Приморского края). Материалом для анализа выступает наблюдение и две серии неформализованных биографических интервью, собранных автором в 2016–2017 гг. и в 2019 г. в городе Дальнереченске. Всего 26 интервью. В качестве респондентов были выбраны участники "придорожной экономики" (владельцы придорожных гостиниц, торговых точек и кафе, продавцы стихийных рынков, производители товаров, потребители).

Город Дальнереченск расположен на трассе "Хабаровск – Владивосток". В 400 км от Владивостока и в 357 км от Хабаровска на излучине трех рек – Усури, Большая Уссурка и Малиновка. Население города по данным государственной статистики 25 480 человек [14]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. население города составляло 27604 человека [10]. Хотя в сравнении с другими муниципальными образованиями отток населения из Дальнереченска не столь интенсивен [10], он имеет место. Имеет место и старение населения города. Последнее сказывается и на составе респондентов. При том, что в работе мы не стремились к социально-демографической репрезентативности, большая часть респондентов, да и просто встреченных жителей города, относились к старшим возрастным группам.

Отбор респондентов строился по методике "снежного кома": предшествующий респондент, отобранный в ходе включенного наблюдения, давал рекомендацию к последующему. В статье не ставилась задача описать все виды неформальной занятости жителей города, определить их статистическую значимость в общей структуре занятости. Строго говоря, антропологический подход, используемый здесь, не дает такой возможности, не ставит подобную задачу. Наша задача была в том, чтобы описать практики неформальной занятости, детерминированные наличием дороги, как ресурса, продемонстрировать работу этих практик. В этом плане город Дальнереченск выступает достаточно показательным территориальным объектом.

Через город проходит Дальневосточная железная дорога. Кроме того, через город от федеральной трассы ответвляется автодорога, ведущая к популярному в регионе санаторию и дому отдыха "Усури". По информации, полученной от респондентов, все это делало теневые промыслы населения, ориентированные на дорогу и туристов (дальнобойщиков, пассажиров железной дороги и т.д.), хоть и не основной, но значимой формой получения дополнительного дохода еще в поздние советские годы. Однако, как свидетельствуют респонденты, в советский период существовал достаточно широкий спектр

возможностей для вполне официальной занятости (работа на железнодорожной станции, обслуживание воинских частей, многочисленные лесопилки и предприятия лесопереработки и т.д.).

На сегодня большая часть этих рабочих мест исчезла. Надежды на стремительное развитие лесопереработки в городе, возникшие в начале XXI века тоже не оправдались.

"Из города все уезжают. Работы нет. Денег у людей тоже нет. Раньше тут много что было. Одних военных частей здесь знаешь, сколько стояло. При каждой части вольнонаемные были. Лесопилки стояли кругом. И нормально так люди на них зарабатывали. Мебель делали сами. Сегодня ничего не осталось. Иностранцы, москвичи все скупили, а потом, когда поняли, что больших бабок не будет, просто бросили. На остатках сейчас и живем" (мужчина, 58 лет, бывший работник мебельной фабрики, интервью 2016 г.).

Достаточно коротким был и "челночный" период в городе. Уже к середине "нулевых", по словам респондентов, большая часть "челночных" торговых точек исчезает.

"Я, считай, что все 90-е семью кормила. Сначала сама все возила, "кирпичей" нанимала. Потом стали девчонки мне возить. А я уже здесь в магазине все продавала, на трассе, на рынке. Сейчас все сворачивается. Раньше у людей больше денег было. И разница в цене была такая, что, считай, там почти даром берешь, а здесь уже цену дают. Теперь бывает, что у нас китайка стоит дешевле, чем в Китае. Я больше года крутилась, все надеялась, что выплыву. Потом позакрывала все" (женщина, 57 лет, предприниматель, интервью 2016 г.).

Соответственно, возрастает роль занятости, которая прежде имела статус "дополнительной", так или иначе связанных с "придорожной экономикой". Сама "придорожная экономика" оказывается достаточно сложно организованной системой. Конечно, она обслуживает отмеченные группы, участвующие в транзите по федеральной трассе. Однако есть у нее и дополнительные функции. Возникающая здесь система позволяет соединить легальные формы хозяйственной деятельности и многочисленные промыслы населения, протекающие за пределами государственного взгляда и контроля.

В этом плане достаточно важен круг объектов, обладающих статусом легальности. Именно эти элементы, как правило, "видят" и изучают исследователи [3]. Это кафе, столовые, магазины, гостиницы, ориентированные на весь спектр потребителей на трассе. Прежде всего, на дальнобойщиков и прочих участников логистических схем местного и регионального бизнеса ориентированы гостиницы, часто расположенные при кафе или магазинах. Некоторые из них включают в себя станции техобслуживания, автомойки и тому подобный сервис, ориентированный на автомобилистов. В одном случае, речь шла о целостном комплексе, включающем в себя широкий спектр услуг для машины и водителя, а также услуги "досуга".

"Нормально там все. И машину обслуживают, сохраняют, и ночевать, если что, есть где. Не пять звезд, но белье чистое, душ есть. Что еще нужно? На первом этаже кафе. Также нормально. Сытно и не дорого. Если совсем припрет (смеется), так и это организуют. Я там всегда останавливаюсь, когда из Владика еду или из Находки" (мужчина, 39 лет, дальнобойщик).

Уровень легальности подобных "точек" тоже различался. Однако наличие какой-то регистрации, пусть не всегда полностью соответствующей всем видам хозяйственной активности, отмечено во всех случаях.

"У меня на все есть бумажки, ну, разрешения, лицензии. Сейчас без этого нельзя. Проверяющих, как собак нерезаных. Понятно, что в жизни все немного иначе, чем в правилах. Но, думаю, что это нормально. И проверяющие это тоже понимают. Просто нужно берега видеть. Тогда все будет нормально" (женщина, 51 год, хозяйка кафе).

Но гораздо значимее для нас то, что подобные "точки" выступают центрами притяжения самых различных видов неформальной хозяйственной активности. По существу, не только каждая легальная структура, но и каждое легальное рабочее место, становится формой соединения промыслов и "видимого" хозяйства. Причем, формой, как следует из интервью, устраивающей и власть, и население.

Сами промыслы достаточно разнообразны. Самый укорененный: домашнее приготовление еды "на продажу". О нем упоминают респонденты еще в отношении советской эпохи. В тот период такая торговля домашней едой (пирожки, вареники, кондитерские изделия, салаты, домашние котлеты и т.д.) осуществлялась на железнодорожной станции и автостанции. Сегодня эта форма частично остается, но ее значение снижается.

"На станции стало не очень интересно продавать. Поезда пассажирские или очень рано или очень поздно. Торговли совсем мало. На автостанции лучше. Но тоже не очень. Народ больше стал на своих машинах ездить. Вот мы и стали с кафе работать, с гостиницами. Они у нас хорошо берут" (женщина, 59 лет, работа на дому).

Не менее активно функционируют домашние подворья. Отмечалось выращивание овощей на продажу, разведение свиней, домашней птицы, продажа молока и домашней молочной продукции. Все это тоже активно включается в обслуживание транзитных потоков. В меньшей степени оно функционирует во "внутренних сетях" города в качестве элемента соседских обменов и, еще меньше, в качестве товара для продажи на "внутреннем рынке".

"Мы мясо уже лет десять в (название кафе) продаем. И им хорошо. Они это без наценки получают, все свежее, свое. Как проводят? Не знаю. Не моя головная боль. И мне нормально. Одну свинку для себя держу. На мясо, на колбаски. Одну для детей. Они у меня в Хабаровске. Остальное продаю, или на корм мяню. Он тоже не бесплатный. Нормально так живем" (мужчина, 49 лет, житель пригородного села).

Если в первом случае, мы имеем, практически, "цех" ресторана или кафе, вынесенный на "удаленную работу", то во втором варианте речь идет о поставщиках, услуги которых оказываются дешевле и качественнее, чем услуги легальных поставщиков. В крупных городах такой "аутсорсинг" не особенно распространен в силу того, что легальные поставщики достаточно быстро и эффективно "мобилизуют закон", организуют проверки с целью устранения конкурентов из "серой зоны". В малом городе такой вариант развития событий не очень реален.

"Ну, как сказать, город не большой у нас. Все всех знают. Стукачей всяких, сильно крученных или сильно правильных, как и везде, не любят. У вас, в Хабаровске или во Владивостоке им легко спрятаться. Типа, я не я, хата не моя. А у нас такой долго здесь не протянет. Люди не допустят. Поэтому у нас и менты совесть имеют. Где-то возьмут себе. Это понятно. Но, чтобы закрыли кого за то, что он свое продает, я такого не помню" (мужчина, 53 года, работник железнодорожной станции, интервью 2016 г.).

Поставщиками для кафе и придорожных магазинов выступают и охотники, рыбаки, собиратели дикоросов. Реже они сами становятся продавцами. Но такое совмещение воспринимается как менее выгодное и более опасное. В этом случае, нужно самому организовывать взаимодействие с проверяющими, что не всегда удается. Однако торговлю на стихийных рынках упоминали почти все респонденты.

Отдельная тема – пасеки. Уникальное место с обилием воды и разнотравья, лесных урочищ, минимальным контролем, создает условия для развития этого промысла. Отмечались и "передвижные пасеки" (с установкой ульев на машинах), и стационарные пасеки, расположенные в пригородных деревнях. Сбыт меда налажен гораздо шире, чем в иных промыслах. Конечно, он поставляется в придорожные кафе, магазины на трассе. Частично продается, или обменивается "внутри" сообщества. Но в интервью упоминались регулярные поставки в Хабаровск и Владивосток, в санаторий "Уссури". Судя по интервью, в этом промысле задействована значительная часть населения.

В советские годы одной из специализаций района выступала деревообработка. После неудачных попыток реанимировать отрасль в начале "десятих" годов легальное производство почти исчезло. Но остается на сохранившихся мощностях "серое" производство со сложной системой заказов и сбыта. Частично местные изделия попадают на прилавки магазинов. Туда же поставляются и остатки "челночных" поставок. Но в массе структура сбыта иная.

Собственно, наиболее сложная система возникает именно в сфере сбыта результата работы промысловиков. Разные модели отличаются уровнем легальности, масштабом, выгодой и т.д.

Во-первых, деятельность работников придорожных кафе, гостиниц, магазинов оказывалась гораздо шире, чем номинальная. Так, официантка в кафе предлагала клиентам мед, орехи, женьшень и тому подобные продукты местных промыслов. При этом, продавалось не только "свое", то есть продукция семейного подсобного хозяйства, но и "соседей" и "друзей". В интервью с дальнобойщиками отмечалось, что в ряде случаев администратор гостиницы выступал в роли сутенера и даже (в одном случае) содержателя подпольного казино. Легальное рабочее место становится пространством наиболее комфортного для сторон соединения сети промыслов и потребителей, участников дорожного транзита.

Во-вторых, значимыми центрами концентрации промыслов становятся и сами учреждения. Формой снабжения этих точек (в интервью отмечались мясо, рыба, продукция огородничества, мед, молоко, некоторые готовые кондитерские изделия) оказывались местные жители. Эти закупки, как правило, не фиксировались в бухгалтерии, проходили мимо налогообложения. Да и сама закупочная цена для предприятия оказывалась существенно ниже, чем рыночные цены в регионе. Значимость такой экономии отмечали все респонденты, участвующие в этом сегменте. При этом, такая форма взаимодействия была выгодна и самим поставщикам, поскольку цена здесь была выше, чем цены, предлагаемые официальными скупщиками "из городов" (Владивостока и Хабаровска). Их "накрутки", связанные с гораздо более высоким уровнем легальности, и делали местную продукцию, не говоря о поставляемой из далека, неконкурентоспособной. В интервью отмечался устойчивый характер подобных взаимодействий, которые длятся уже многие годы. Семейные хозяйства, специализирующиеся на пчеловодстве, свиноводстве, огородничестве, сборе дикоросов, производстве кондитерских изделий, выступают неформальными "цехами" легальных элементов придорожной инфраструктуры.

Правда, работают они, как правило, не на одну "точку", а на несколько. При этом функцию "контроля качества", на которую ссылаются сторонники государственного подавления подобных форм деятельности [6], здесь выполняет репутация. Человек, поставивший откровенно некачественный товар, автоматически вылетает из круга социально-экономических контактов. О такой форме контроля упоминается в нескольких интервью. При этом совершенно не исключаются спорадические закупки у иных местных жителей: рыболовов, владельцев подсобных хозяйств, сбывающих свои излишки.

В-третьих, ассортимент местных магазинов также существенно пополняется за счет поставок от местного населения. По словам продавцов, местный мед, дикоросы, копченая рыба и тому подобные продукты пользуются устойчивым спросом.

Тем самым, круг лиц и домохозяйств, связанных с этой частью придорожной экономики оказывается достаточно широким. Это и работники (формально нанятые и теневые) упомянутых предприятий, поставщики продуктов и товаров в кафе и магазины. Отчасти в этот круг вовлекаются и водители, проезжающие по трассе. Они выступают далеко не только потребителями предлагаемых услуг.

Как показывают интервью, определенную часть потока (в интервью – четверть) составляют постоянные люди. В прежние годы, по словам респондентов, самым устойчивым контингентом трассы выступали перегонщики подержанных японских автомобилей. Сегодня наиболее стабильными участниками движения становятся дальнобойщики. Хотя, в некоторых случаях в этом качестве выступают даже "туристы". Поскольку подобное движение повторяется годами, между водителями и участниками придорожных форм хозяйственной активности складываются устойчивые связи. Так, в интервью отмечалось, что подобным участникам движения при обслуживании "верят в долг". В некоторых случаях кормят бесплатно. При этом, сами водители выступают поставщиками или перевозчиками товаров из крупного города (Хабаровска или Владивостока). Их услуги тоже далеко не всегда оплачиваются деньгами. Часто это только "дружеская услуга". Такая услуга может быть достаточно значимой (захватить несколько ящиков товара, передать товар в город, перевезти деньги и т.д.).

Для понимания значимости этих коммуникаций следует описать еще один значимый элемент местного сообщества – уехавшие в большой город

дети, земляки. Конечно, они, прежде всего, бенефициарии продукции родительских домохозяйств, но не только. В ряде интервью упоминались их вполне хозяйственные функции. Дело в том, что, по словам респондентов, уехавшие "в город" бывшие жители Дальнереченска (как правило, речь шла о Хабаровске и Владивостоке) не выпадают из местной коммуникации. Они приезжают с детьми на летний отдых, получают "из дома" продукты, являющиеся серьезным подспорьем при адаптации к новым условиям. Само наличие общины "своих" в этих городах является важным и мощным ресурсом вживания в другую жизнь. Но и для оставленной малой родины такие общины являются ресурсом. В одном из интервью упоминалась практика (по словам респондента, распространенная и устойчивая практика) изготовления "элитной мебели" на заказ из комплектующих, изготовленных промышленниками в Дальнереченске. Возникает, своего рода, распределенная мануфактура, большая часть элементов которой находятся "в тени". В условиях возрастающего давления государства на бизнес, такая форма оказывается вполне эффективной [15]. Значимы такие "удаленные партнеры" с высоким уровнем доверия ("свои") и для торговли медом, объемы производства которого выше, чем может потребить местное сообщество и придорожная экономика. Спорадически встречаются и иные формы взаимодействия. Водители (чаще всего, дальнбойщики) и становятся связующим звеном, обеспечивающим удаленные транзакции с минимальными для участников издержками.

Впрочем, не исключена и "работа на рынок" без наличия устойчивых контрагентов. Часть водителей уже сами, по собственной инициативе начинают привозить товары из крупных городов, имеющие устойчивый сбыт в городе, в том числе, в заведениях придорожной экономики. В двух интервью речь шла и о приобретении продуктов местного населения с установкой на перепродажу. Правда, здесь водители вступают в конкуренцию со скупщиками, целенаправленно приобретающими продукцию местных промыслов для торговли в городах.

Кроме стационарных объектов придорожной инфраструктуры значимыми ее элементами становятся стихийные точки продаж продукции местных промыслов. Чаще всего, подобные объекты располагаются вблизи стационарных точек, мест традиционных остановок (у родника, у остановки и т.д.). Предметом продажи на стихийных точках выступают продукты местных промыслов и еда. Часто происходит частичная институционализация таких стихийных точек торговли. Скажем, в интервью упоминались места, где "самые вкусные пирожки" или "самые вкусные вареники".

Нелегальность подобных торговых точек порождает достаточно сложную систему взаимодействия с местными проверяющими и контрольными органами, систему оповещения о проверках. Отсутствие легального оформления, как и наличие широкого спектра неформальных практик для легальных предприятий выводят эту хозяйственную активность за пределы видимости государственной статистики [1]. Тем не менее, именно эта активность позволяет не только выживать местному населению, но и обслуживать движение по федеральной трассе, порождает систему самообеспечения, без которой выживание населения в малых городах было бы проблематичным.

Такая система самообеспечения, связанная с трассой, но использующая и ресурсы местного хозяйства, и транзитные потоки, и удаленные связи, для которой дорога выступает не просто поставщиком покупателей, но именно коммуникативной артерией, обладает серьезным отличием от системы, выстраиваемой в "больших городах".

Большой город выстраивает сложную систему доступа к дефицитным благам, отсекающую некоторую часть горожан от этого "распределительного центра". Собственно, по поводу доступа к тем или иным городским ресурсам и ведется "борьба за город", описанная Д. Харви [16]. Отсекаемая от ресурсно-центра группа и воспринимается в качестве маргиналов.

В этом плане все или большая часть социального пространства города Дальнереченска оказывается маргинальной. Однако, представляется, что это не совсем так. Действительно, распределяемый "городской" ресурс здесь совсем незначителен. Но возникает иной ресурс, который нам представляется уместным назвать сетевым ресурсом, возникающим в процессе функционирования социальных сетей [4]. В этом плане сила "слабых связей" тем

выше, чем больше участников вовлечено во взаимодействие. Выстраиваемая система ориентирована не на отсечение и распределение, а на объединение социальных агентов различного типа. При этом коммуникация в отличие от классических институциональных моделей не становится безличной, сохраняет лично окрашенный образ коммуникации. Причина проста, система эта базируется на личном доверии, на превращении "чужого" в "своего". И маргинальной она оказывается с точки зрения только одного агента – государства.

До тех пор, пока государство остается основным источником распределяемых благ эта система пребывает на периферии социального мира. Но уже сегодня хозяйственная активность все более переносится из города в пригород [5]. По мере того, как ресурсы государства все более стягиваются к мегаполисам, а число агентов, допущенных к ним, сокращаются, усложняются и сами условия доступа, альтернативная система становится все более привлекательной.

Литература

1. Бляхер Л.Е. Стратегии выживания в условиях кризиса. Предприниматели Дальнего Востока и не только. М.: Страна ОЗ, 2017. 179 с.
2. Валиев В.Х., Блаженкова Н.М. Придорожный сервис: зона отчуждения // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2015. № 2, С. 43–45.
3. Гайле А.О., Иванов А.В. Оценка инфраструктуры придорожного сервиса для повышения качества услуг и безопасности перевозок // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2018. № 1 (43). С. 34–40.
4. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
5. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Отгиск, 2013. 248 с.
6. Дугарова Г.Б., Богданов В.Н. Анализ состояния придорожного сервиса в Иркутской области // ЭКО. 2015. №2 (488). С. 117–126.
7. Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания. // Журнал "SPERO". № 9, осень-зима 2008. С. 7–22.
8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
9. Кастельс М. Власть коммуникации/ Пер. с англ. Н.М. Тылевич (под науч. ред. А.И. Черных). М.: ГУ ВШЭ, 2016. 563 с.
10. Микрюков Н.Ю. Монопрофильные поселения России в системах городского расселения // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 99–107.
11. Официальный сайт Дальнереченского городского округа. URL: <http://dalnerokrug.ru> (дата обращения: 20.02.2020).
12. Плюснин Ю.М. "Свой" и "чужие" в русском провинциальном городе // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. XXII. № 3. С. 60–93.
13. Шанин Т. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
14. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2013 года. М.: Федеральная служба государственной статистики Росстат, 2013. 528 с.
15. Bliakher L. The Function of an Imperial Centre for the Former Imperial Periphery (the Cases of Independent Tajikistan and the Russian Far East) // Centres and Peripheries in the Post-Soviet Space. Bern • Berlin • Bruxelles • New York • Oxford • Wien: PETER LANG, 2020. P. 103–119.
16. Harvey D. The Right to the City // Richard Scholar (ed.), Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83–103.
17. Renfrew D. "We Are Not Marginals" The Cultural Politics of Lead Poisoning in Montevideo, Uruguay // Latin American Perspectives. 2013. Issue 189. Vol. 40. No. 2. P. 202–217.
18. Scott J.C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Blyakher L.E. Strategii vyzhivaniya v usloviyakh krizisa. Predprinimateli Dal'nego Vostoka i ne tol'ko. M.: Strana OZ, 2017. 179 s.
2. Valiev V.KH., Blazhenkova N.M. Pridorozhnyj servis: zona otchuzhdeniya // Aktual'nye problemy ehkonomiki, sotsiologii i prava. 2015. № 2, S. 43–45.
3. Gajle A.O., Ivanov A.V. Otsenka infrastruktury pridorozhnogo servisa dlya povysheniya kachestva uslug i bezopasnosti perevozok // Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa. 2018. № 1 (43). S. 34–40.
4. Granovetter M. Sila slabykh svyazey // EHkonomicheskaya sotsiologiya. 2009. T. 10. № 4. S. 31–50.
5. Grigorichev K.V. V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda. Irkutsk: Ottisk, 2013. 248 s.
6. Dugarova G.B., Bogdanov V.N. Analiz sostoyaniya pridorozhnogo servisa v Irkutskoj oblasti // EHKO. 2015. №2 (488). S. 117–126.
7. Zubarevich N.V. Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie regionov: mify i realii vyravnivaniya. // Zhurnal "SPERO". № 9, osen'-zima 2008. S. 7–22.
8. Kaganskij V.L. Kul'turnyj landshaft: osnovnye kontseptsii v rossijskoj geografii // Observatoriya kul'tury. 2009. № 1. S. 62–70.
9. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii/ Per. s angl. N.M. Tylevich (pod nauch. red. A.I. Chernykh). M.: GU VSHEH, 2016. 563 s.
10. Mikryukov N.Yu. Monoprofil'nye poseleniya Rossii v sistemakh gorodskogo rasseleniya // Regional'nye issledovaniya. 2015. № 3 (49). S. 99–107.
11. Ofitsial'nyj sayt Dal'nerechenskogo gorodskogo okruga. URL: <http://dalnerokrug.ru> (data obrashheniya: 20.02.2020).
12. Plyusnin Yu.M. "Svoi" i "chuzhie" v russskom provintsial'nom gorode // Mir Rossii: Sotsiologiya, ehtnologiya. 2013. T. XXII. № 3. S. 60–93.
13. Shanin T. Velikij neznakomets. Krest'yane i fermery v sovremennom mire. Moskva: Progress-Akademiya, 1992. 432 s.
14. Chislennost' naseleniya Rossijskoj Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2013 goda. M.: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki Rosstat, 2013. 528 s.
15. Blyakher L. The Function of an Imperial Centre for the Former Imperial Periphery (the Cases of Independent Tajikistan and the Russian Far East) // Centres and Peripheries in the Post-Soviet Space. Bern • Berlin • Bruxelles • New York • Oxford • Wien: PETER LANG, 2020. P. 103–119.
16. Harvey D. The Right to the City // Richard Scholar (ed.), Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83–103.
17. Renfrew D. "We Are Not Marginals" The Cultural Politics of Lead Poisoning in Montevideo, Uruguay // Latin American Perspectives. 2013. Issue 189. Vol. 40. No. 2. P. 202–217.
18. Scott J.C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. New Haven: Yale University Press, 1993.

Бляхер Л. Е. "Придорожная экономика" как форма выживания малых городов юга Дальнего Востока России.

В статье дается описание особого рода "периферийных" хозяйственных практик, складывающихся в малых городах Дальнего Востока, расположенных на трассе "Хабаровск – Владивосток", детерминированных фактом наличия дороги ("придорожная экономика"). Эмпирическим материалом для описания выступают две серии неформализованных интервью, собранных автором в 2016–2017 и в 2019 гг. в городе Дальнереченске, расположенном на трассе. Выбор города Дальнереченск в качестве основного территориального объекта связан не только с тем, что город расположен вдоль автомобильной трассы и железной дороги, но и с тем, что здесь "придорожная экономика" оказывается одной из немногих форм выживания. В статье предлагается описание и анализ основных хозяйственных практик, связанных с дорогой, состав участников этих практик.

Ключевые слова: *придорожная экономика, Дальнереченск, неформальные практики, пространство промыслов, формы выживания, институционализация.*

Bliakher L. E. "Roadside Economy" as a Form of Survival of Small Towns in the South of the Russian Far East.

The article describes a special of "peripheral" economic practices that are developing in small towns of the Far East located on the Khabarovsk – Vladivostok highway, determined by the presence of a road ("roadside economy"). The empirical material for the description is two series of informal interviews collected by the author in 2016–2017 and 2019 in the city of Dalnerechensk, located on the highway. The choice of the city of Dalnerechensk as the main territorial object is connected not only with the fact that the city is located along the highway and the railway, but also with the fact that here the "roadside economy" is one of the few forms of survival. The article offers a description and analysis of the main economic practices associated with the road, the composition of the participants in these practices.

Key words: *roadside economy, Dalnerechensk, informal practices, craft space, forms of survival, institutionalization*

Для цитирования: Бляхер Л. Е. "Придорожная экономика" как форма выживания малых городов юга Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 47–55. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/47-55

For citation: Bliakher L. E. "Roadside Economy" as a Form of Survival of Small Towns in the South of the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 47–55. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/47-55

УДК 316

Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С.

Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска

Введение: пространственная маргинальность и городская семиотика

Маргинальность, как ни парадоксально, является нормой для крупных человеческих поселений, хотя бы в силу их постоянной изменчивости [11], входящей и исходящей миграции. Город, сложная социально-пространственная структура [15], не меняется как единое целое [25]. Трансформации в разной степени затрагивают различные городские районы, хотя бы в силу серьезных отличий в их пространственной организации.

Территории, которые из-за своей специфики меняются быстрее остальных и, как следствие, выпадают из контекста остального города, рассматриваются здесь как проявление пространственной маргинальности. По аналогии с социальной маргинальностью, переходным состоянием между разными социальными категориями, маргинальные пространства оказываются на границе между разными состояниями городской среды, между различными коллективными и индивидуальными проектами ее прошлого и будущего [5; 21; 29; 39].

В пример "пространственной маргинальности" можно привести "частный сектор", районы, подпадающие под программы развития застроенных территорий, памятники архитектуры, стоящие на дорогой земле в центральных районах. Все эти территории упоминаются в городских нарративах в связи с многочисленными конфликтами за "право на город", их объединяет отсутствие единой мемориальной конвенции, определяющей связанные с ними смыслы и функции. Если смотреть на город как на сложную семиотическую систему, в которой функции и облик материальных объектов определяется коллективной договоренностью относительно связанных с ними смыслов, то пространственная маргинальность будет аналогом "пустого знака" в коммуникации. Различные социальные акторы будут связывать разные значения с одной и той же территорией или одним и тем же зданием, конкуренция проектов, воспоминаний и смыслов будет воплощаться в постоянных конфликтах за "право на город" [39].

Отсутствие смысловой коллективной конвенции может в равной степени воплощаться как на пространственной структуре территории, так и на ее репрезентациях в городских нарративах – публичных высказываниях и интервью горожан. Пространственная маргинальность в этом случае будет означать "пограничное" состояние территории между разными проектами прошлого, будущего, разными "образами города". Как мы можем увидеть на примере Москвы [1], Иркутска [31] и Красноярска [30], еще одним признаком пространственной маргинальности может быть изменчивость территории по сравнению с другими городскими пространствами.

© Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С., 2020

ТИМОШКИН Дмитрий Олегович, канд. социол. наук, научный сотрудник лаборатории исторической и политической демографии Иркутского Государственного Университета (г. Иркутск), старший преподаватель кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: dmtrtim@gmail.com

ПЧЕЛКИНА Дарья Сергеевна, аспирант кафедры культурологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: pchelkina.ml@mail.ru

Цель исследования заключалась в том, чтобы определить специфические визуальные маркеры "маргинальных" городских пространств, на примере Красноярска. Для этого предполагалось, основываясь на результатах серии полужоформализованных интервью с жителями, выделить ряд территорий, подходящих под категорию пространственной маргинальности, и провести там наблюдения.

Фокус на визуальной составляющей обусловлен значимостью зрительных образов во взаимодействии человека и места [16]. Интерпретируя визуальные образы, человек фактически читает город, определяя содержание и функции места, выбирая, как ему действовать. Важнейшую роль при этом играет архитектура, определяющая пространственную структуру места. "Язык архитектуры" основывается на типе конструкции сооружений, масштабе здания и объектов, особенностях художественного оформления. Попадая в незнакомое пространство, человек анализирует его, основываясь на главных физических ориентирах: сторонах света, собственном положении в пространстве, выделяя знакомые формы, связанные с определенным набором эмоциональных и социальных контекстов. Так из материальности, как рукотворной, так и естественной, рождается набор субъективных интерпретаций, основываясь на которых, осуществляется выбор тактики взаимодействия с местом.

Архитектура, подобно театральным декорациям, задает границы спектра интерпретаций места, очерчивает круг возможных значений, которые человек может с ним связать, позволяя читать городское пространство. Вопросы "Почему сооружение X так выглядит?", "Что оно для меня значит?", "Какие эмоции и ощущения вызывает?" и т.п. приводит к дифференциации пространств в зависимости от того, как их можно использовать и какие чувства они вызывают. Так, в сочетании материальности и множества ее субъективных прочтений рождается "образ города" во всем многообразии составляющих его уникальных мест

Восприятие архитектурных объектов многомерно: считываются цвета, особенности конструкции, контекст, в который помещены объекты, их соотношение с окружающей застройкой и окружающей средой. В этот процесс вмешивается множество переменных: утро и вечер, характер освещения, задымление, новизна построек, близость дорог – все это влияет на возможности и результаты считывания среды, на ясность восприятия, легкость ориентации и даже на субъективное ощущение защищенности.

Направления семиотико-герменевтической интерпретации архитектуры, "чтение города" [4] и "архитектурная герменевтика" [13; 19] рассматривают место как совокупность знаков и символов, выраженных в пространственных формах, которые вызывают ассоциации с разными социальными смыслами. Гармоничность, чувство цельного, простота форм, непрерывность, пропорциональность, использование доминант, ясность соединения [24] – всё это является в архитектурной герменевтике знаками, которые, как предполагается, в одинаковой степени доступны наблюдателю.

Познание города становится возможным во многом благодаря этим стереотипным построениям: идеальные образы "города будущего", "города прошлого", "городского центра" или "торгового квартала", существуя одновременно в головах архитекторов и наблюдателей, находят свои воплощения в зданиях и инфраструктуре, делая их принципиально читаемыми. Складываясь во "фразы", здания, архитектурные ансамбли, связки архитектуры и окружающей среды позволяют наблюдателю ориентироваться в пространстве и понимать, как "здесь" нужно повести себя [16].

"Чтение" схем реальности, заложенных в городских территориях пространственных и временных координат, становится ключевым механизмом при исследовании человеком города. Объект соотносится с функцией, причисляется к определенной категории, в результате чего появляется связка: пространство – функция – действие. Визуальное восприятие является одним из важнейших компонентов этого процесса [7, с. 83], ведь именно зрение в первую очередь позволяет читать заложенные в единстве архитектуры и "естественного" пространства смыслы [12]. Таким образом, рассуждать о "пространстве маргинальности", не принимая во внимание визуальную составляющую, весьма сложно.

Анализируя результаты наблюдений, мы обратимся к понятию хронотопа, ключевого в семиотике, подразумевая под этим пространственные и временные координаты, которые, соединяясь в сознании наблюдателя, приобретают социальный смысл [38]. Мы будем фиксировать элементы историко-бытийного и профанного хронотопов, наблюдая за объектами, находящимися в пределах обозначенных респондентами территорий. Это позволит выделить ряд визуальных маркеров, определяющих специфическое восприятие исследуемых территорий.

Бытийный хронотоп позволяет увидеть в городском пространстве следы и признаки, связывающие объект с определенным фрагментом "холодной", коллективной памяти. Профанный хронотоп – еще более субъективная категория, подразумевающая восприятие объекта здесь и сейчас, понимание его текущего состояния и функций. Иными словами, бытийный хронотоп является хронологией изменений места как совокупности социальных и пространственных категорий, профанный – текущее положение дел. Собственно, соединение исторического контекста, существующего как коллективное воспоминание о месте с восприятием его здесь и сейчас, можно назвать производством пространства [15].

Мы предполагаем, что пространственная маргинальность будет возникать в момент несогласованности или противоречий между двумя хронотопами, когда коллективная память и профанное входят в противоречие, из-за чего объект или пространство, в которое он вписан, будет отличаться от других локальностей, в которых такого противоречия наблюдаться не будет. Пространственная маргинальность будет возникать в тех местах, где "закономерная связь пространственно-временных координат" [37] будет нарушена, что, в свою очередь, будет приводить к искажению региональной идентичности [21] к возникновению разлома [35] между привычным городским порядком вещей и времени [3; 5; 10; 21; 23; 29; 40]. В этом смысле маргинальность пространства будет соответствовать характеристикам, выделенным классиками для маргинальности социальной.

Разрыв в "настоящем": визуальность Красноярского городского фронта

На первом этапе исследования мы расспрашивали жителей Красноярска о том, какие городские пространства кажутся им наиболее подходящими под определения "пограничный", "маргинальный", "быстро меняющийся". Многие респонденты упоминали районы малоэтажной застройки в вернакулярном центре и вблизи к нему. В частности, называли улицы Ленина, Карла Маркса, проспект Мира, улицы Ады Лебедевой, Вейнбаума, районы "частного сектора" – Николаевку и Покровку. Часть респондентов наделяет характерными чертами весь вернакулярный центр. Кто-то выделяет отдельные улицы и проспекты, например – Мира, Ленина, Декабристов, реже – отдельные здания. Упомянутые территории схожи в одном: они заняты малоэтажными деревянными домами, как советской, так и дореволюционной постройки. Любопытно, что те же территории часто попадают в городские медиа, в связи с теми или иными чрезвычайными происшествиями, которые можно назвать "быстрой изменчивостью": пожарами, городскими конфликтами, "войнами памяти", насильственным переселением и сносом домов [22; 28, с. 36].

"Маргинальные" территории, фигурирующие в интервью, почти не связаны с административным зональным делением города, чаще представляя собой "вернакулярные районы" [32]. Их границы могут быть определены рельефом, ярким контрастом между архитектурными стилями, субъективным ощущением выпадения из временной структуры города. Некоторые из них имеют четкие визуальные границы, отделяющие их от пространства главных улиц. Здесь может быть гораздо более густая растительность, деревянные заборы или установленные городской администрацией "звуковыми барьеры". В Красноярске серые металлические ограждения могут считаться одной из специфических черт "маргинальных" пространств: перед прошедшей в 2019 году универсиадой такими заборами обносили районы "частного сектора", в том числе – упомянутую выше "Николаевку" либо с целью скрыть малоэтажную жилую застройку от глаз гостей, либо чтобы оградить население от шума проезжающих мимо машин.

Типичным маргинальным пространством в пределах вернакулярного центра можно назвать деревянные одноэтажные жилые дома 20/1 и 22, расположенные на пр. Мира, одной из главных пешеходных зон, узла мобильностей и городской событийности [2, с. 36]. Дома находятся в центре квартала и окружены "домом семейных торжеств", почтой, полицией, жилыми пятиэтажными домами советской постройки. В непосредственной близости находится Благовещенская церковь (расположена на пересечении улиц Ленина и 9 января, замыкает квартал) и относящиеся к ней постройки.

Дом семейных торжеств является памятником архитектуры, который молодожены выбирают как подходящий событию праздничный антураж на свадебных фотографиях. Когда супруги спускаются с лестницы ЗАГСа, фотографы стараются снимать их так, чтобы дома 20 и 22 и прилегающий к ним двор либо не попадали в кадр, либо чтобы они были размытыми, так как визуально их обветшалые фасады контрастируют с дворцом бракосочетаний.

Здания воспринимаются углубленными в центр квартала, во дворы. Несмотря на то, что застройка в этом районе не слишком плотная, не имеет большого количества высоких преграждающих объектов (заборов, решеток и т.п.), здания расположены таким образом, что визуально они недоступны с главной улицы из-за сравнительно небольшой высоты и объемов. Чтобы обойти дома и рассмотреть их, нужно проникнуть вглубь дворов, немного отдалившись от центральной улицы. За обращенными к главной улице фасадами открывается локальный микромир – палисадники, заборы, теплицы, будки с собаками – при проникновении в который возникает ощущение вторжения в чужое пространство

Архитектурная среда здесь стилистически неоднородна, однако колористически она составляет целостный образ: здания ЗАГСа и Благовещенской церкви окрашены в бело-желтый цвет, переключаясь архитектурными элементами в конструкции (колонны, наличие купола, которые доминируют окружающей среде) и оформлением акцентных элементов, "хрущевки" также созвучны друг другу. Взаимодействие с окружающей средой показывает наложение нескольких временных пластов – старинные деревянные дома соседствуют с автостоянками, на ветхих крышах установлены спутниковые антенны, и т.п. Элементы современного города лишь усиливают контраст между старым деревом и новыми технологиями, кажется, что материальные предметы в пространстве существуют в разных фрагментах истории. Здесь иной вид проживания социального времени: трансформация, редукция исторического прошлого. Территория домов 20/1 и 22 воспринимается как контрастирующая с окружающим архитектурным ландшафтом не только по высоте и объемам, но и по своему типу. Образ этих построек отсылает к избе – типичному для русского народного зодчества постройке.

Дом № 20 – двухэтажный многоквартирный дом, типичный для соцгородов-новостроек, что в большом количестве возводились для рабочих. В доме № 22 несколько квартир, окна первого этажа практически на уровне земли. Его объемно-планировочная схема проста – соединение нескольких одинаковых объемов правильных геометрических форм. Для малоэтажной застройки дом довольно большой – напоминает скорее общественное сооружение, нежели жилое. Композиция статична, она состоит из кубовидных объемов, которые соединяются балконными пролетами и коридорами. Различается оформление уличных и дворового, входного, фасадов. Решение дворовых фасадов плоскостное – простейший архитектурный ритм создается за счет чередования оконных проемов и стен, благодаря чему им свойственна строгость облика.

Деревянный дом в своей конструктивно-планировочной основе, как было сказано выше, отсылает к традиционному крестьянскому жилищу. По конструкции деревянные избы просты, ясны, удобны: "элементы дома строились под прямым углом: вдоль и поперек стен, подчиняясь форме сруба и конструкции соединения дерева" [9, с. 49].

В начале прошлого века такие дома не выделялись из архитектурной панорамы города – они составляли большинство жилой застройки Красноярска (после прихода советской власти и последовавшей за ним разработки проектов по переустройству города проспект стал прирастать каменными домами средней этажности) [8]. Однако в современном состоянии, на фоне отреставрированной церкви и отремонтированного ЗАГСа, деревянные постройки,

выглядят инородными. При этом обе постройки и прилегающие к ним территории контрастируют с окружающей их архитектурной средой, но не друг с другом. Смотрятся потрепанно, но при этом сохраняют "лицо" благодаря четкости и ясности композиции, симметричности, кубовидности объемов.

Небольшие детали, фрагменты материальной составляющей данной локальности, контрастируют между собой. В домах разные окна – стеклянные и стеклопакеты, некоторые забраны решетками, некоторые открыты. Разобщенность оформления окон вкупе с обшарпанными стенами, обнажением нескольких слоев краски разных лет, вида балконов с сушащимся бельем создает ощущение девиантного пространства, несмотря на то, что фасады украшены вывесками вполне серьезных организаций – стоматологической клиники, общества слепых, почты, отделения полиции.

Вывески контрастируют с несколько архаичным обликом дома, несмотря на то, что они могут быть восприняты как отсылка к традиции размещения в старом городе на первых этажах торговых пространств [9, с. 65]. С другой стороны, многочисленные бумажные объявления о продаже вещей, о помощи наркоманам и алкоголикам, как нечто чужеродное не воспринимаются. Они, скорее, выглядят еще одним визуальным маркером маргинального пространства, которые можно встретить и в других городах [31].

Описываемая территория одновременно интегрирована и исключена из городского центра: символически, за счет вызываемых ее визуальностью ассоциаций, она скорее относится либо к советской слободе, либо к еще более отдаленному прошлому городского центра, когда большинство построек здесь были из дерева. С другой стороны, она физически находится в пределах вернакулярного центра. Возникает вопрос о причинах такого противоречия – почему именно здесь, в центре, подобные локальности воспринимаются как нечто несвойственное его пространственно-временной структуре? Возможным ответом на него может быть продвигаемый влиятельными группами образ центра современной, чистой, идеально упорядоченной территории, где нет места для теплиц, палисадников и старых деревянных фасадов. Центр – един и не терпит "чужеродных" вкраплений.

Другие маргинальные территории центра имеют те же визуальные маркеры, что и описанные выше двор и деревянные дома, окруженные каменными зданиями. Пространства носят следы локальных практик обустройства жителями: цветники, импровизированные детские площадки, сушилки для белья – все это выглядит нетипичным для центра города-миллионника, но вполне нормальное для "советской слободы". Маргинальные пространства парадоксально полны визуальных свидетельств обширных возможностей местных жителей по редактированию места и его маркированию как частного. Однако многочисленные упоминания в городских медиа о разворачивающихся здесь городских конфликтах, вынужденных переселениях и застройке коммерческой недвижимостью, выверенными с транслируемым городскими политическими режимами образами "прошлого", говорят о легкости отчуждения этих возможностей.

Дворы воспринимаются жителями как часть частного пространства дома и находящиеся в нем квартиры, о чем они уведомляют гостей. Подобные территории могут быть скрыты от глаз случайных прохожих за заборами и старыми фасадами деревянных домов, внутренности – заросшие дворы, старинные почтовые ящики, теплицы – открываются в тот момент, когда начавшиеся процессы редевелопмента уничтожают часть ранее закрывавших территорию заборов или фасадов, выставляя на всеобщее обозрение частные пространства. Следы подобных вторжений можно наблюдать, например, на улице Декабристов в Красноярске, они приводят к устранению границ частного, позволяя даже случайному наблюдателю заглядывать в разоренные дома.

В иных районах, которые воспринимаются как часть вернакулярного центра, где деревянная застройка занимает большие пространства, напротив, преграды могут воздвигаться городскими властями, стремящимися скрыть маргинальную зону от посторонних глаз. Так, например, в период универсиады, частный сектор за пределами центра и не реставрированные дома в центре, скрывали под яркими баннерами. Скрытыми они остаются и по сей день, и если наблюдатель не имеет цели найти что-либо за каменными фасадами

парадной линии центральных улиц или не живет в одном из таких старых дворов, то вряд ли он когда-нибудь обратит на них внимание.

Свет полностью меняет восприятие фронтальных локальностей. Днем они выглядят как пространство, концентрирующие нетипичные для центра предметы и практики (вроде огородничества, водяных колонок, цветников, скотоводства). В ночное время из-за малого количества фонарей, черных пятен окон, изъянов фасадов, растительности, углубленности внутрь квартала создается субъективное чувство связанной с ним скрытой угрозы: многочисленные закрытые или заколоченные ставни окон, забытые двери, таблички и надписи, уведомляющие о злых собаках и частной собственности, порождают при входе в маргинальное пространство ощущение вторжения в "чужое" место.

В дневном свете благодаря материалу построек – дерево и светлый камень – визуальный облик гармоничен с окружающей средой. Зелень в палисадниках, небесно-голубые рамы наличников, теплая гамма краски стен вписывают постройку в пространство старого, давно ушедшего и более "зеленого" города, в более "природный" фон. Днем пространство кажется укрывным, тихим, приватным уголком частного посреди огромной перспективы публичного. Обилие предметов, характерных для города прошлого, старая застройка, дворы и цветники, в контрасте с находящимися в непосредственной близости новостройками и новыми практиками освоения территории, позволяют наблюдателю увидеть время, увидеть город как непрекращающийся процесс.

В центральных районах города визуальность маргинального пространства подчеркивается очевидной сменой "естественной" истории, комплекса существовавших десятилетиями практик и образов на искусственно созданную "историю, какой она должна быть". Программы редевелопмента предполагают не только замену фасадов, наличников, кровли, асфальтирование дворов, но и изменение функций пространства с жилой на коммерческую. На место памяти приходит искусственно созданная "история", которая с помощью косметического ремонта интегрируется в образ "городского центра, каким он должен быть" в представлении влиятельных групп [31].

В тот момент, когда строительные работы закончены, прежние жители изгнаны с территории и заселились новые, ситуация маргинальности, "пограничья", исчерпывает себя: прежнее состояние территории ликвидировано, и на ее месте возникло что-то новое. Формально и то, и другое состояние территории объединяет историко-бытийный хронотоп: оба могут считываться как "историческая застройка", подчеркивающая древность города, утверждающая его связь с прошлым. Хотя фактически перестроенные кварталы ничего общего кроме названий с прошлым уже не имеют. Носители памяти о прошлом либо вымерли, либо изгнаны, локальные пространственные практики уничтожены, здания перестроены.

Представляется, что неперменной частью облика маргинальных территории становится контраст между материальными объектами, относимыми к разным историческим периодам. Еще один контраст, рождающий представление о городской маргинальности – между объектами архитектурно-средового пространства и окружающей застройкой. Зонирование таких мест устроено или сложилось с течением времени и событий, происходящих в жизни города, таким образом, что визуально они нивелируются иной застройкой современными и старыми каменными домами, памятниками, инфраструктурой.

Перемещаясь всё дальше от центральных улиц, можно увидеть, как "скрытые" маргинальные пространства выходят наружу, составляя первую линию застройки вполне респектабельных, но уже не настолько "центральных" улиц. Здесь они уже не представляют контраста, их перестают сгнестаться и прятать за заборами и баннерами. Так, на улице Ады Лебедевой высотные новостройки соседствуют с грязными, погружившимися в землю домами, покрытыми разноцветной рекламой, и такой пейзаж уже воспринимается как вполне закономерное воплощение города, но уже никак не его скрытая изнанка.

В романе Чайна Мьевиля "Город и город" говорится о двух городах-государствах, существующих в одной и той же точке пространства и времени. Постороннему наблюдателю может показаться, что город всего один, однако материальность, законы и социальные практики при ближайшем рассмотре-

нии принадлежат к разным городам, парадоксально находящимся в одном и том же месте, в разных реальностях. Местные жители верят, что рождаются в разных физических реальностях, которые, по воле случая, накладываются друг на друга, и эту веру поддерживают в них суровые репрессии и специальное искусство "не-видения" зданий и улиц, по общему согласию относящихся к городу-соседу. Избирательная вынужденная слепота, искусство "не-видеть" и делает возможным сосуществование двух разных пространств, которые посторонний различить не сможет.

Представляется, что образ как нельзя лучше подходит для описания городских маргинальных пространств. Эти территории существуют как живые следы более не существующих в коллективном воображении городов, как прошлое, миф, прорывающийся через ткань города современности. Конечно, запрета на их "обнаружение" нет, однако нельзя не заметить, что и в медийной повестке дня, и в интервью эти территории упоминаются как нечто неправильное, несоответствующее, временное. Возможно, именно в этом кроется причина того, что респонденты, отвечая на вопросы о том, где, по их мнению, можно встретить "городскую маргинальность", чаще всего упоминали центр. Центр воспринимается как витрина, "эталон" города "каким он должен быть", поэтому любое несоответствие образу здесь выглядит более контрастным, нежели в других территориях.

Заключение

Рассмотренные территории можно назвать естественным "местом памяти" [20]: визуальные контрасты и исторический контекст позволяют наблюдателю становится очевидцем того, как меняется город. Являясь воплощением изменчивости сами по себе, (старые, покосившиеся от времени фасады, ржавчина, практики, которые нетипичны для современного центра) они демонстрируют ее особенно ярко, контрастируя со следующими поколениями городских пространств, окружающих их со всех сторон. Они становятся спонтанными музеями, сохранившими фрагменты старой текстуры городов.

Время здесь воспринимается иначе, нежели в соседних кварталах. По каким-то причинам (например, из-за присвоения целым архитектурным комплексам статуса памятников архитектуры или из-за упрямства, платежеспособности и организованности местного сообщества, не желающего отдавать свои дома под снос) этих территорий не коснулись процессы, изменившие соседние локальности центра. Здесь остались предметы и практики, более характерные для городских окраин или для города прошлого. Любой посетитель, пробежав взглядом по фасадам и осколкам отживших укладов вроде старинных почтовых ящиков, может расширить образ города, придав ему, помимо пространственного, еще и временное измерение.

При этом места выбиваются из контекста городского центра, архитектурных ансамблей, пешеходных потоков, времени. Маргинальные территории воспринимаются не только как чужеродный "нормальной" пространственно-временной структуре города фрагмент за счет необычных для центра города архаизмов, но и как искажение самой идеи европейского города как территории безопасности и предсказуемости [11]. Предположительно, именно консервативность подобных территорий становится причиной того, что здесь разворачиваются городские конфликты. И социальная, и материальная структура данных территорий делает их более уязвимыми перед атаками городских влиятельных групп, которые видят здесь лишь ресурс – свободную землю. Редевелопментские программы обращаются в первую очередь именно к деревянным кварталам, что приводит к массовой и зачастую вынужденной миграции и снижению способности местного населения контролировать собственное будущее. Городские воротилы реализуют здесь свои проекты, пользуясь весьма сомнительными методами и молчалием администраций¹.

Визуально это проявляется в появлении в таких кварталах строительной техники, разрушающей устоявшуюся структуру пространства, брошенных домов, из которых покинувшие их жильцы даже не смогли вывезти мебель.

¹ См., например, историю городского конфликта вокруг сноса старинного "казачьего" квартала в Красноярске: URL: <https://prmira.ru/article/vsederzhateli-krasnoyarska-aleksandr-baranov-istoriya-pensionera-iz-sosen-kotoromu-ochen-mnogoe-dolz/>

Возможно, именно интерес городских политических режимов [14] к подобным территориям, обусловленный простотой реализации принятых в корпоративных интересах законодательных новелл [34], становится причиной частых упоминаний деревянных кварталов как "пограничной" зоны в СМИ.

Маргинальными становятся не только те места, где позиция влиятельных групп еще не реализована, фрагменты "естественной" городской истории не уничтожены полностью, которые не переработаны влиятельными группами в парадные места памяти. Аналогичная судьба ожидает те, что переработаны и интегрированы в образ "современного центра": общественность начинает оспаривать их "историчность", вновь исключая их из повседневности города. Маргинальные территории, возникающие на визуальном контрасте с "правильным" городом, не просто усиливают его пространственную и социальную гетерогенность. Фактически такие локальности создают временную перспективу городского ландшафта, совмещая пространственную, социальную и темпоральную переходность.

Литература

1. Абрамова С.В. Московская реновация: анализ российских СМИ" // Вестник Института социологии РАН. 2018. № 4(9). С. 156–169.
2. Ансимова И.М. Улицы Красноярска рассказывают... Красноярск: ПИК "Офсет", 2013. 276 с.
3. Багдасарова Я. Автоэтнография: исследователь в роли "антропологизируемого" // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Серия 12: Психология, социология, педагогика. № 2. С. 134–145.
4. Барабанов А.А. Чтение города: семиотика пространства. Екатеринбург: Архитектон, 1999. 687 с.
5. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
6. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
7. Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма. СПб.: Симпозиум, 2004. 478 с.
8. Гевель Е. В. Образ города в Красноярском урочище. Красноярск: Версо, 2012. 224 с.
9. Горбачев В.Т. Архитектура сибирских городов XIX – начала XX века (опыт малоэтажного строительства). Санкт-Петербург: Коло, 2016. 152 с.
10. Готлиб А. С. Автоэтнография (разговор с самой собой в двух регистрах). (Часть I) // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2004. № 18. С. 5–16.
11. Дживелегов А.К. Средневековый город в Западной Европе. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1902. 248 с.
12. Ибрагимов И.А. Системы ориентации в городском пространстве // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ. 2009. № 2. С. 48–51.
13. Капустин П.В. Знак и символ в архитектурном пространстве. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. 132 с.
14. Ледяев В.Г. Социология власти: теория городских политических режимов" // Социологический журнал. 2006. № ¾. С. 46–68.
15. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
16. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
17. Логунова Е.Н. Особенности формирования визуального образа крупного города (на примере Красноярска). [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.krasu.ru/handle/2311/7593> (дата обращения: 24.09.2019).
18. Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.
19. Морозов И.В. Мир архитектуры в контексте гуманитарной культуры: Архитектурная герменевтика. [Электронный ресурс] URL: <https://www.disscat.com/content/mir-arkhitektury-v-kontekste-gumanitarnoi-kultury-arkhitektur-germenevtika> (дата обращения: 28.09.2019).
20. Нора П. Франция – память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 328 с.
21. Панарина Д.С. Граница и фронт как фактор развития региона и/или страны. // История и современность. 2015. № 1 (21). С. 15–41.
22. Пузанов К.А. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–37.
23. Рогозин Д.М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т.14. № 1. С. 224–273.

24. Саймондс Дж. О. Ландшафт и архитектура. М.: Издательство литературы по строительству, 1965. 193 с.
25. Селиванова А.Н. Постконструктивизм. Власть и архитектура в 1930-е годы в СССР. М.: БуксМАрт, 2019 г. 320 с.
26. Склабан И.А., Серебрянникова О.А. Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1 (19). С. 65–74.
27. Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв.ред. А.П.Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
28. Степанова С.А. Динамика визуального образа города (на примере г. Хабаровска). [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamika-vizualnogo-obraza-goroda-na-primere-g-khabarovska> (дата обращения: 10.09.2019).
29. Тёрнер Ф. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
30. Тимошкин Д. Вас здесь больше не живет: внутренняя колонизация и городские политические режимы Иркутска и Красноярска в городских медиа. // Полития. 2020. №1 (96). С. 98–116.
31. Тимошкин Д., Григоричев К. "Не-место" вне времени: неопределенность как специфика существования локальностей постсоветского города (на примере Иркутска) // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 118–140.
32. Трофимов А., М. Шарьгин и Н. Исмагилов. "Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы" // Географический вестник. 2008. № 1. С. 5–12.
33. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства М.: Новое литературное обозрение. 2011. 520 с.
34. Трутнев Э.К. Вопросы технологии перевёртывания смыслов посредством псевдозаконодательства о градорегулировании. [Электронный ресурс] URL: <https://urban.hse.ru/mirror/pubs/share/357575454.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
35. Уллоа И.К. Действуя в реальности внутри разлома Реального: об альтернативной агентности городских совместностей // Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка. М.: НЛЮ, 2020. С. 173–197.
36. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012. 336 с.
37. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
38. Федоров В.В. Архитектурный хронотоп в определении границ настоящего // Пространство и время. 2015. № 1. С. 151–155.
39. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: НЛЮ, 2018. 440 с.
40. Хромых А. С. Проблема "сибирского фронта" в современной российской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5 (106). С. 106–112.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abramova S.V. Moskovskaya renovatsiya: analiz rossijskikh SMI" // Vestnik Instituta sotsiologii RAN. 2018. № 4(9). S. 156–169.
2. Ansimova I.M. Ulitsy Krasnoyarska rasskazyvayut... Krasnoyarsk: PIK "Ofset", 2013. 276 s.
3. Bagdasarova Ya. Avtoehtnografiya: issledovatel' v roli "antropologiziruemogo" // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2008. Seriya 12: Psikhologiya, sotsiologiya, pedagogika. № 2. S. 134–145.
4. Barabanov A.A. Chtenie goroda: semiotika prostranstva. Ekaterinburg: Arkhitekton, 1999. 687 s.
5. Basalaeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 2. S. 46–49.
6. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 s.
7. Ben'yamin V. Sharl' Bodler. Poet v ehpokhu zrelogo kapitalizma. SPb.: Simpozium, 2004. 478 s.
8. Gevel' E. V. Obraz goroda v Krasnoyarskom urochishhe. Krasnoyarsk: Verso, 2012. 224 s.
9. Gorbachev V.T. Arkhitektura sibirskikh gorodov XIX – nachala XX veka (opyt malohtazhnogo stroitel'stva). Sankt-Peterburg: Kolo, 2016. 152 s.
10. Gotlib A. S. Avtoehtnografiya (razgovor s samoj soboj v dvukh registrakh). (Chast' I) // Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M). 2004. № 18. С. 5–16.
11. Dzhivelev A.K. Srednevekovyj gorod v Zapadnoj Evrope. SPb.: Brokgauz-Efron, 1902. 248 s.
12. Ibragimov I.A. Sistemy orientatsii v gorodskom prostranstve // Akademicheskij vestnik URALNIPROEKT. 2009. № 2. S. 48–51.

13. Kapustin P.V. Znak i simbol v arkhitekturnom prostranstve. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet, 2008. 132 s.
14. Ledyayev V.G. Sotsiologiya vlasti: teoriya gorodskikh politicheskikh rezhimov" // Sotsiologicheskij zhurnal. 2006. № ¾. S. 46–68.
15. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. M.: Strelka Press, 2015. 432 s.
16. Lynch K. Obraz goroda. M.: Strojizdat, 1982. 328 c.
17. Logunova E.N. Osobennosti formirovaniya vizual'nogo obraza krupnogo goroda (na primere Krasnoyarska). [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://elib.krasu.ru/handle/2311/7593> (data obrashheniya: 24.09.2019).
18. Medvedev I.R. Razreshenie gorodskikh konfliktov. M.: Infotropik Media, 2017. 372 s.
19. Morozov I.V. Mir arkhitektury v kontekste gumanitarnoj kul'tury: Arkhitekturnaya germeneytika. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.dissercat.com/content/mir-arkhitektury-v-kontekste-gumanitarnoi-kul'tury-arkhitektur-germeneytika> (data obrashheniya: 28.09.2019).
20. Nora P. Frantsiya – pamyat'. SPb.: Izd-vo Sankt–Peterburgskogo universiteta, 1999. 328 s.
21. Panarina D.S. Granitsa i frontir kak faktor razvitiya regiona i/ili strany. // Istoriya i sovremennost'. 2015. № 1 (21). S. 15–41.
22. Puzanov K.A. Territorial'nye granitsy gorodskikh soobshhestv // Sotsiologiya vlasti. 2013. № 3. S. 27–37.
23. Rogozin D.M. Kak rabotaet avtoehtnografiya? // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2015. T.14. № 1. S. 224–273.
24. Sajmonds Dzh. O. Landshaft i arkhitektura. M.: Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, 1965. 193 s.
25. Selivanova A.N. Postkonstruktivizm. Vlast' i arkhitektura v 1930-e gody v SSSR. M.: BuksMArt, 2019 g. 320 s.
26. Sklaban I.A., Serebryannikova O.A. Territorial'naya identichnost' kak faktor sotsial'nogo uchastiya: pokolennyj kontekst // Idei i idealy. 2014. T. 2. № 1 (19). S. 65–74.
27. Sotsial'no-ehkonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy / Otv.red. A.P.Gor'kin. Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 s.
28. Stepanova S.A. Dinamika vizual'nogo obraza goroda (na primere g. Khabarovska). [EHlektronnyj resurs] URL: <https://www.dissercat.com/content/dinamika-vizualno-obraza-goroda-na-primere-g-khabarovska> (data obrashheniya: 10.09.2019).
29. Tyorner F. Frontir v amerikanskoj istorii. M.: Ves' mir, 2009. 304 s.
30. Timoshkin D. Vas zdes' bol'she ne zhivet: vnutrennyaya kolonizatsiya i gorodskie politicheskie rezhimy Irkutsk i Krasnoyarska v gorodskikh media. // Politiya. 2020. №1 (96). S. 98–116.
31. Timoshkin D., Grigorichev K. "Ne-mesto" vne vremeni: neopredelennost' kak spetsifika sushhestvovaniya lokal'nostej postsovetskogo goroda (na primere Irkutsk) // Antropologicheskij forum. 2018. № 39. S. 118–140.
32. Trofimov A., M. Sharygin i N. Ismagilov. "Territorial'naya identifikatsiya v geografii i vernakulyarnye rajony" // Geograficheskij vestnik. 2008. № 1. S. 5–12.
33. Trubina E.G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. 520 s.
34. Trutnev E.H.K. Voprosy tekhnologii perevyortyvaniya smyslov posredstvom psevdozakonodatel'stva o gradoregulirovanii. [EHlektronnyj resurs] URL: <https://urban.hse.ru/mirror/pubs/share/357575454.pdf> (data obrashheniya: 20.04.2020).
35. Ulloa I.K. Dejstvuya v real'nosti vnuti razloma Real'nogo: ob al'ternativnoj agentnosti gorodskikh sovmestnostej // Urban commons. Gorodskie soobshhestva za predelami gosudarstva i rynka. M.: NLO, 2020. S. 173–197.
36. Urri Dzh. Sotsiologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M.: Vysshaya shkola ehkonomiki, 2012. 336 s.
37. Ukhtomskij A. A. Dominanta. SPb.: Piter, 2002. 448 c.
38. Fedorov V.V. Arkhitekturnyj khronotop v opredelenii granits nastoyashhego // Prostranstvo i vremya. 2015. № 1. S. 151–155.
39. KHarvi D. Sotsial'naya spravedlivost' i gorod. M.: NLO, 2018. 440 s.
40. KHaromykh A. S. Problema "sibirskogo frontira" v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 5 (106). S. 106–112.

Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска.

В статье анализируется визуальный облик городской пространственной маргинальности. Под этим понимаются территории, представленные в нарративах как выпадающие из города как целостной, определяемой мемориальными конвенциями семиотической системы. В фокусе исследования оказались локальности в центральных районах Красноярска, застроенные деревянными жилыми домами, остатками "советских слобод", памятниками архитектуры. Они нередко описываются как зоны городских конфликтов, "войн памяти", несоответствующие образу "современного города". Цель статьи: основываясь на результатах включенного наблюдения в "маргинальных" территориях Красноярска и интервью выделить визуальные элементы пространственной маргинальности. Исследование построено на методах визуальной антропологии, семиотическом анализе архитектуры.

Ключевые слова: образ города, пространственная маргинальность, семиотический анализ архитектуры, память

Timoshkin D. O., Pchelkina D. S. Vulnerable archaism: the visual nature of "frontier" urban spaces in Krasnoyarsk.

The article analyzes the visual image of the "frontier" localities of Krasnoyarsk. "Urban frontier" here refers to territories that, for various reasons, fall out of the overall urban spatial and temporal structure. This is either due to the rapid changes in the appearance and social landscape taking place here, or, on the contrary, due to the preservation of practices and architectural solutions typical of the distant past. These are mainly places in the central districts of the city that are built up with low-rise, wooden residential buildings: the remains of "Soviet settlements", localities occupied by architectural monuments. The purpose of the article is to analyze the visual appearance of the "frontier" territories of Krasnoyarsk, identifying markers that distinguish them from the context of the city center. It was supposed to consider the architectural and environmental space of the "urban frontier", highlighting the key elements that form its image. The research is based on the method of semiotic analysis of architecture, visual observation and semi-formalized mini-interviews with residents of Krasnoyarsk. The conceptual framework was "image of the city" by K. Lynch and "places of memory" by P. Nora.

Key words: city image, visual identity, frontier, semiotic analysis of architecture, memory

Для цитирования: Тимошкин Д. О., Пчелкина Д. С. Уязвимый архаизм: облик маргинальных пространств Красноярска // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 56–66. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/56-66

For citation: Timoshkin D. O., Pchelkina D. S. Vulnerable archaism: the visual nature of "frontier" urban spaces in Krasnoyarsk // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 56–66. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/56-66

Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования

Продолжая традицию обсуждения методологических проблем регионоведения, осенью 2020 г. редакция журнала инициировала проведение круглого стола, посвященного некоторым аспектам теоретической, эмпирической и практической работы с таким сложным, многомерным объектом нашей науки как регион. Мы предложили дальневосточным исследователям, представителям разных дисциплин, в заочной форме кратко высказаться по сформулированным редакцией общим вопросам. Представляем вниманию читателей первые ответы участников круглого стола, к обсуждению обширного проблемного поля которого в дальнейшем мы надеемся вернуться вновь.

1) Какие подходы и теории вы считаете наиболее актуальными и перспективными для региональных исследований?

Бляхер Л.Е.: Термин "регион" предельно многозначен. Он активно используется в географии, политологии, экономике, антропологии, социологии и смежных науках. В силу этого попытка выработать универсальное определение концепта (сущностное, философское) представляется избыточной. Поэтому, говоря о подходах и теориях, необходимо прежде всего определить, в рамках какой дисциплины мы собираемся осуществлять изучение данного объекта. В противном случае мы будем иметь не столько факт, сколько артефакт, искусственно сконструированный объект со слабо фальсифицируемым (в смысле процедуры фальсификации К. Поппера) содержанием. Для тех исследовательских задач, которые я стараюсь решить в своих студиях, актуальны два дисциплинарных взгляда, в целом тесно связанные друг с другом. Во-первых, социологический взгляд, исходящий из традиции интеракционизма (А. Шюц). Регион – это ограниченная территория, внутри которой присутствует некоторое представление о единстве населяющего его сообщества (дальневосточники, сибиряки, уральцы и т.д.), а коммуникация осуществляется проще и интенсивнее, чем за границами региона. В этом плане социологическая интерпретация концепта (предложенный вариант не является единственно возможным) тесно связана с политологической, хотя и не совпадает с ней. С политологической точки зрения содержание концепта "регион" совпадает с делением страны на крупные административные образования (штаты, земли, губернии и т.д.). В принципе, административные границы в своей природе гораздо более случайны, чем социальные или природно-географические. Однако сам факт их наличия начинает влиять на тип и характер расселения ("региональные" границы, как правило, менее заселены), на плотность

© Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф., 2020

БЛЯХЕР Леонид Ефимович, д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (*г. Хабаровск*). **E-mail:** Leonid743342@mail.ru

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д-р геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru.

КИРЕЕВ Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** kuznetsov.2012@mail.ru

ЯРУЛИН Илдус Файзрахманович, д-р полит. наук, директор Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (*г. Хабаровск*). **E-mail:** iarulin@mail.ru

дорожной сети и т.д. Соответственно, постепенно возникают условия, когда внутри административных границ общение проще, чем за их пределами (см. А.Ф. Филиппов о границе и С.И. Каспэ об отношениях "центр-периферия"). Тем самым случайный артефакт (административная граница) становится фиксируемым научным фактом. При этом стоит четко осознавать, что процесс этот длительный. Мгновенное изменение административных границ не ведет автоматически к изменению социальных и пространственных характеристик изучаемого сообщества.

Демьяненко А.Н.: В настоящее время не приходится говорить о какой-либо теории или методологическом подходе, которые могли бы претендовать на универсальность даже в рамках отдельных дисциплин. Пространственный поворот (spatial turn) в социальных дисциплинах, как и "пространственная наука" в экономике (У. Айзарда), несомненно, стимулировали повсеместный интерес к региональным исследованиям. Это, в свою очередь, стимулировало, с одной стороны, появление новых теоретических концепций (теория полей П. Бурдьё, структуриации общества Э. Гидденса, мобильностей Д. Урри), а с другой – переосмысление классических теорий (экономического ландшафта или, иначе, экономического района, агломерационных эффектов, теории центральных мест, локационных теорий). Наконец, следует вспомнить, что и география человека (human geography) не осталась в стороне от вызова постмодерна, откликнувшись не только концепцией пространственно-временной географии Т. Хёгерстранда, но и новой городской географией (Д. Харви, Н. Трифт), а также концепцией вернакулярных районов. К этому следовало бы добавить теоретические построения А. Лефевра (производство пространства) и Ф. Перру (поляризованное развитие). Но, думаю, достаточно и перечисленных выше теорий для того, чтобы прийти к заключению, что поиски какой-то особо актуальной и особо перспективной, а тем более пригодной на все случаи жизни теории для региональных исследований – дело мало-перспективное. Скорее всего, степень актуальности и перспективности теорий и подходов определяется, с одной стороны, целями региональных исследований, а с другой – состоянием объекта исследований.

Киреев А.А.: Думаю, что наиболее актуальный для региональных исследований подход давно известен, но все еще не реализован, особенно на российском материале. Чаще всего этот подход именуют функционализмом. Его сердцевину составляет совокупность родственных по проблематике, но парадигмально очень разных (позитивистских, марксистских, структуралистских) центр-периферийных концепций – от классических (В. Кристаллера, Э. Шилза) до более поздних (теории "полюсов роста", "кластеров", "зависимости", "мир-системы" и др.). Концептуальная схема функционального взаимодействия центра и периферии – это эффективное средство объяснения общественно обусловленной неоднородности географического пространства, возникновения, развития и распада регионов. Анализ последствий точечных, в т.ч. политически мотивированных, "инъекций" ресурсов, проблем появления новых центров и новых периферий не менее важен для изучения дифференциации современного российского пространства, чем более востребованный на сегодня "ареальный" подход к районированию.

Ярулин И.Ф.: Одним из наиболее интересных представляется подход финского географа А. Пааси, который утверждает, что регионы должны рассматриваться как социальные конструкты, создаваемые посредством "исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и надеются значениями более или менее связанные материальные и символические миры". В таком качестве регионы могут быть определены, многократно интерпретированы, оспорены. Конструирование и институционализация регионов и региональной идентичности – это социальный процесс. Устойчивость региональных границ, согласно А. Пааси, зависит от интегрированности различных переменных (идентичности, культуры, институциональной структуры, политической мобилизации, коллективной солидарности, административных границ, географического положения региона).

2) Какие теоретико-методологические проблемы изучения регионов, с вашей точки зрения, требуют первоочередного внимания?

Бляхер Л.Е.: Одной из основных методологических проблем, вытекающих из сказанного выше, является проблема осознания полидисциплинарного и "зонтичного" характера концепта "регион". В чем состоит проблема? С одной стороны, термин "регион" – это именно вводимый с исследовательскими целями искусственный конструкт, объединяющий под собой, как под "зонтиком", качественно различные представления об объекте изучения. В этом плане, важнейшей методологической задачей в каждом конкретном исследовании выступает определение той дисциплинарной и методологической традиции, в рамках которой изучается регион. С другой стороны, сам факт нахождения этих традиций под одним "зонтиком" отнюдь не безобиден. Имеет место взаимовлияние не только методологических подходов, но и самих феноменов. Региональный дискурс начинает формироваться спецификой физического пространства (расселение, дорожная сеть, наличие поста ГИБДД "на выезде"), историческими компонентами, создающими ощущение единства (совместно прожитая история), социальными и политическими характеристиками. Четко определить формы и механизмы междисциплинарного взаимодействия, не утрачивая представления о различии – не менее значимая методологическая проблема.

Демьяненко А.Н.: Я не очень понимаю, что есть "теоретико-методологические проблемы". По моему разумению, есть проблемы теоретические, а есть методологические. Будучи экономистом-географом, я могу, насколько хватает моих сил, судить о таковых в экономике и географии. По большей части перечисленные выше теории могут быть полезны при исследовании пространственных социальных и экономических систем; проблема в том, что выявить, какие из них могут быть адекватными конкретным исследовательским задачам, непросто. И непросто еще и потому, что большинство этих теорий опирается на исследования пространственных систем, сложившихся в обществах, весьма непохожих на российское. Как тут не вспомнить тезис К. Полањи: "Нет общества, есть общества".

Что касается проблем методологических, то среди таковых, на мой взгляд, первостепенное значение приобретает поиск применения теории сложных систем, как, впрочем, и теории комплексности, в исследовании не только *проблем в регионах* (чем обычно занимается большинство исследователей-регионалистов), но и *проблем регионов* (что встречается много реже).

Киреев А.А.: В регионоведении сегодня существует проблема, которая одинаково остра и в теоретическом, и в прикладном плане. Это проблема мнимых или фиктивных регионов. Если регион был первоначально выделен как некий ареал, как пространственный континуум распространения определенного качества (например, лесная или степная зона), или как географическая рамка для решения ряда практических задач (федеральный округ), то насколько правомерно экстраполировать такой регион на качественно иные слои социально-географической реальности, наделять его универсальной объектностью или даже субъектностью? Для того чтобы регион не стал слишком эластичной метафорой и предметом бесконечной словесной игры (как это произошло с АТР), его научный и практический статус (тип) должен быть четко определен. Кроме того, необходима методика, позволяющая оценить меру реальной "толщины", многослойности конкретного региона, обоснованность его претензий на интегральную, универсальную общественную значимость. Такую методику, в частности, стоило бы применить к некоторым субъектам РФ.

Ярулин И.Ф.: К настоящему времени мы имеем все наслоения, вытекающие из разного понимания понятия "регион". Это видно и на понятийном уровне, когда мы не можем различить, о чем говорим, произнося слово "регион", и на уровне тех процессов, которые описываются в той или иной концепции регионов. Очень важный феномен, связанный с характеристикой регионов, – "плавающие границы". Можно сказать: "культурный регион", "экономический регион", "административно-политический регион" – все эти формулировки имеют право на существование. Мы определяем композицию региона по типу деятельности. Но когда мы начинаем проводить границы регионов, то замечаем, что культурные, экономические, технологические про-

странства не совпадают. Деятельностная характеристика регионов предполагает "плавающие границы".

3) Считаете ли вы возможным дать общее содержательное определение концепта "регион"? Каково отношение этого концепта к категории "пространство"?

Бляхер Л.Е.: Такое определение совершенно необходимо для каждой конкретной задачи. Без него полемика неизбежно сведется к бесконечному спору о словах с постоянной подменой содержания исследуемого феномена. Вместе с тем попытка дать единое и общее определение понятия "на все времена" представляется мне не только избыточной, но и вредной. Причина такого утверждения состоит в том, что в рамках каждой дисциплины образование понятия связано с процессом абстрагирования от каких-то несущественных в данном случае проявлений. В пространстве общего (для всех) концепта эти стороны явления неизбежно актуализируются. Соответственно, усложняется без необходимости и сам объем понятия, и его структура. И, что самое печальное, предельно усложняется процесс его исследования, способ формулирования задачи.

Демьяненко А.Н.: Скорее всего, общепринятого определения понятия "регион" нет, да и нет в этом потребности. Что же касается соотношения понятий "регион" и "пространство", то здесь все просто: регион – часть пространства. Другое дело, что очень часто в региональных исследованиях имеет место подмена понятий, когда регионы, выделенные по одним основаниям (например, единицы административно-территориального деления), используются в анализе экономики и иных пространственных проекций отдельных подсистем общества.

Киреев А.А.: В общем виде регион есть качественно специфическая часть пространства, логически следующий (видовой) уровень его деления. Мне кажется, что такой способ субординации категорий "пространство" и "регион" пригоден и для социальных, и для естественных наук. Куда сложнее построить единую таксономию пространственных единиц, нижележащих по отношению к "региону". Или, по крайней мере, сопоставить по масштабам (рангам) выделяемых пространственных единиц те таксономии, которые уже созданы в разных дисциплинах. Между тем в целях управления такое сопоставление крайне необходимо.

Кузнецов А.М.: Да, такое определение возможно, но только оно будет зависеть от реального состояния региона: является ли он сугубо административно-территориальным образованием или же в нем действительно существует взаимосвязанность отдельных его компонентов.

Ярулин И.Ф.: Понятие "регион" многозначно, не является универсальным, рассматривается и определяется авторами с разных точек зрения: географической, экономической, административно-территориальной, политической, социально-культурной и правовой. Свообразны исследования новосибирской социально-экономической школы, где регионом считается пространство – экономическое, культурное, ментальное и политико-административное. Сибирская школа определяла понятие регион как "условную общность людей, ощущающих принадлежность к данной общности".

Согласно точке зрения профессора Дортмундского университета Л. Рэмхельда, "регион" – это супертермин, включающий в себя ряд основополагающих признаков: определенную территорию, население, общность истории, природных условий, решаемых проблем. Все же остальное зависит от исследователя. Если он больше заинтересован в изучении экономических аспектов, то он будет тяготеть к рассмотрению региона через призму имеющихся там хозяйственных связей. Если же более важным представляется этнокультурное измерение, то регион анализируется с точки зрения той территории, на которой проживает определенная этническая группа. Возможно и комбинированное использование критериев, если сама задача носит комплексный характер.

4) Какое определение понятия "регион" вы используете в своих исследованиях? Является ли это определение внутридисциплинарным или наддисциплинарным (общенаучным)?

Бляхер Л.Е.: Выше я попытался дать одно из возможных (рабочих) определений региона. Как видно из этой попытки, определение это явно выражено внутридисциплинарное. Конечно, в ходе исследования ученый неизбежно будет обращаться к внешним факторам, которые так или иначе влияют на характеристики выделенного и определенного им феномена. Скажем, наличие горного ландшафта с затруднением общения с внешним миром неизбежно будет влиять на уровень автономности сообщества, которому мы приписали статус регионального. Представляется, что определение региона в рамках конкретной исследовательской задачи не только внутридисциплинарно, но и уникально, поскольку именно это сочетание внешних факторов возникает именно здесь. Другой вопрос, что такое определение необходимо для того, чтобы избежать упомянутого риска бесконечного спора о словах.

Демьяненко А.Н.: Обычно термин "регион", как и производные от него, я использую в том случае, когда нет необходимости или возможности определить, обладает ли исследуемый объект системными качествами или нет. Впрочем, нередко термин "регион" использую как синоним единицы административно-территориального деления.

Киреев А.А.: Поскольку я занимаюсь проблемами на стыке политологии, социологии и экономики, то стараюсь придерживаться следующего определения, которое считаю рамочным для этих дисциплин. Регион – это первопорядковая единица социально-географического (глобального или национального) пространства, обладающая качественными отличиями от внешней среды и внутренней связностью. Коллизия, однако, в том, что обычно соответствие определенной территории (административно-территориального образования) понятию "регион" приходится принимать априорно, на веру, следуя политико-правовым документам и научной традиции. Даже в региональных исследованиях конкретный регион как предзаданный объект изучения редко проблематизируется.

Кузнецов А.М.: Это понятие я практически не использую, либо ориентируюсь на сложившееся официальное описание, например, Дальневосточного федерального округа.

Ярулин И.Ф.: Существует социологическое определение: "Под регионом мы понимаем социологическую квалификацию той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления. Регион есть естественноисторическое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих там людей" (С. Барзилов, А. Чернышев).

5) Какими методами может быть выявлено существование региона? Как можно определить расположение его границ?

Бляхер Л.Е.: Представляется, что в рамках тех задач, которые я стараюсь решать в отношении явлений, описываемых понятием "регион", ключевым критерием выступает наличие дискурса самоописания (регионального дискурса) в исследуемом сообществе. Географические, экономические и исторические особенности, а также факт наличия административных границ для выделения региона является в этом случае второстепенным. Он задает "потенциальный регион", то есть эта выделенная нами (или выделенная "стационарным бандитом" – государством) территория и населяющее ее сообщество может быть регионом. Но станет им только тогда, когда возникнет региональный дискурс, отличный от иного регионального дискурса, различающий агента в отношении "свой/чужой".

Демьяненко А.Н.: Методы могут быть самими различными, и их выбор определяется целями исследования. Так как по большей части я имею дело с пространственными экономическими и социальными системами, то всякий раз стараюсь придерживаться того принципа, согласно которому искать точ-

ных и однозначных границ такого рода систем, дело безнадежное уже в силу того, что границы этих систем не только отличаются высоким уровнем динамизма, но и проницаемостью.

Киреев А.А.: Выявить существование региона – значит идентифицировать его качественную определенность, целостность. Это можно сделать различно, имея в виду разную степень глубины анализа и неодинаковую зрелость самих регионов. Самый простой (и наименее надежный) вариант – зафиксировать пространственные пределы количественного диапазона регионобразующих признаков (цен, верований, результатов голосования и т.п.). При этом границей региона будет место достижения количественными значениями заданных признаков порогового уровня. Другой способ – подтвердить тесноту связей между элементами региона, например, измерив корреляцию между экономическими и социальными параметрами относимых к нему поселений либо оценив статистическую сопряженность атрибутируемых данному региону потоков: товарных, транспортных, миграционных, информационных... Третий способ, пригодный для наиболее зрелых случаев, – обнаружить конституирующий регион замкнутый контур функциональных зависимостей, территориально обособленный цикл воспроизводства.

Кузнецов А.М.: Существование региона можно выявить системным подходом, который должен показать уровень организованности этого явления.

Ярулин И.Ф.: Американская исследовательница А. Маркузен определяет регион как синтетическое понятие, как компактное территориальное сообщество, которое исторически эволюционирует, обладает физическим содержанием, социоэкономической, политической и культурной средой, а также пространственной структурой, отличной от иных регионов и территориальных единиц. При таком подходе именно региональная идентичность рассматривается как своеобразный ключ к пониманию границ региона. Традиционно регион определялся как некое пространство, заключенное в определенные территориальные рамки, имеющие собственные границы. Без границы как без формы, посредством которой происходит различие или дифференциация, не может быть и того, что обретает себя и воспроизводит свою суть и форму благодаря границе. По словам Н. Лумана, "сохранение границ <...> является сохранением системы". Граница в таком контексте становится центральным моментом порождения региона и появления регионального сообщества.

Граница между регионами не обязательно является объективно очевидной, разделяемой всеми региональными субъектами, и часто вообще существует как "воображаемое" явление. Однако, по словам В.А. Тишкова, несмотря на то, что границы локальных пространств аморфны и пересекаются между собой, они все же существуют "в коллективном, групповом сознании и нередко специально, прямо или косвенно, поддерживаются или закрепляются в общественном сознании заинтересованными в их сохранении местными элитами".

6) Считаете ли вы системность необходимым признаком региона?

Существуют ли эмпирические индикаторы, позволяющие зафиксировать системность изучаемого региона?

Бляхер Л.Е.: Системность в определении понятия "регион" необходима только в рамках философской исследовательской задачи (из области формальной логики). В рамках любой позитивной науки наличие системности будет предполагать сильнейшее насилие над материалом и усложнение исследовательской задачи без необходимости, в угоду "терминологическому пуританству".

Демьяненко А.Н.: Нет, не считаю. Что же касается вопроса об индикаторах, то таковые устанавливаются исходя из принятых в рамках конкретного исследования целей. Естественно, что цели исследования не берутся из воздуха, их постановка всегда предполагает, что исследователь развивает и/или усиливает объяснительные и прогностические возможности той или иной теоретической модели, либо ставит под сомнение таковые.

Киреев А.А.: Региональная система – это высшая форма бытия региона. Судя по всему, большинство номинальных регионов не отвечают требованиям системности. Это образования типа неструктурированных ареалов (агрегатов), либо типа констелляций, радиальных или сетевых структур, лишенных

саморегуляции и самореференции. Они могут достичь системного статуса, но такой исход не предопределен. Что касается эмпирических индикаторов системности региона, то самый наглядный из них – это длительная устойчивость данного социально-географического образования и особенно его способность к регенерации (самособиранию) после видимого распада. Однако доказательно утверждать о системности региона можно только после выявления механизма его функционирования и воспроизводства, будь то энергопроизводственный, политико-управленческий или иной цикл или же их комплекс.

Кузнецов А.М.: Как уже отмечалось, системность – это не главное состояние региона. Что же касается эмпирических индикаторов, то это самый сложный вопрос, который требует сопоставления характеристик значительного числа регионов с определением их фактического состояния. В итоге результат может совершенно не оправдать затраченных усилий.

7) Каков общий механизм связи региона с суб- и надрегиональными пространственными образованиями (системами)?

Как соотносится этот функциональный механизм с понятиями "адаптация", "интеграция" и "конфликт"?

Бляхер Л.Е.: Думается, единого механизма связи между суб- и надрегиональными образованиями не существует хотя бы потому, что речь идет о качественно различных феноменах. Особенно в том случае, когда объект исследования определяет себя в рамках социологии. Субрегиональные образования (местные сообщества) структурируются с помощью персональных, личных связей и контактов. Эта связь наиболее сильная, обладающая самым высоким уровнем межличностного доверия. Навязанная институциональная структура для таких образований часто бывает избыточной и даже смертельно опасной. Дискурса самоописания здесь может и не возникать. Он складывается естественно: все нормальные люди делают так, а те, кто делает иначе, или не нормальные, или не люди. При этом региональная идентичность сохраняется, но актуализируется только в ходе коммуникации с внешними участниками (другое локальное сообщество внутри региона, агент другого регионального сообщества). Иными словами, на уровне локального (субрегионального) сообщества работают антропологические процессы.

Региональное сообщество – первый уровень воображаемого сообщества. Именно поэтому в качестве ключевого индикатора я выделил наличие дискурса самоописания (социальной идентичности). В противном случае не очевидно, что речь идет о региональном сообществе. Такой дискурс и задает формы взаимодействия с субрегиональными образованиями. Локальные идентичности включаются в него, получая возможность расширить коммуникацию в пространстве, где межличностный уровень доверия неизбежно снижается.

В отличие от регионального уровня, где формирование регионального дискурса возможно посредством конструирования (управление), но происходит только тогда, когда это конструирование признается подлинным самим сообществом, надрегиональный уровень требует "силового оператора", власти. Он тоже "воображаемое сообщество", но поддерживается не только гуманитарными, но и силовыми инструментами. От того, гуманитарные или силовые инструменты преобладают в структуре власти ("общественное благо" или страх наказания), будет зависеть тип взаимодействия с регионом. Соответственно, если вернуться к "зонтичному" характеру термина, то на надрегиональном уровне ведущей дисциплиной оказывается политология, а ключевой проблемой – проблема власти.

Взаимодействие же между уровнями, как представляется, будет связано в варианте субрегиональных образований с со-бытием в едином смысловом пространстве, а в варианте надрегионального уровня с конфликтом между стремлением государственной (политической) власти к построению гомогенности и стремлению регионального сообщества к отстаиванию отличий. Уровень конфликта здесь связан со способностью центра власти согласиться с существованием автономного анклава и степенью сформированности регионального самосознания.

Демьяненко А.Н.: Если речь идет о сложных пространственных системах, то, скорее всего, мы имеем дело с мультиплексными отношениями, то есть многосторонними и многоуровневыми. В этом случае вместо подчинения

высшей инстанции "регионы" руководствуются определенными, всеми разделяемыми правилами игры (rule-oriented behavior), которые регулируют их реакцию на действия других агентов или на изменения среды. Как-то так, во всяком случае, в теории.

Киреев А.А.: Говорить об упорядоченном механизме связи изучаемого региона с регионами выше- и нижележащего уровня можно только при условии, если все эти регионы являются системами из одной иерархии. В этом случае их связь может иметь форму обмена, интенсивность которого будет варьировать от "интеграции" до "дезинтеграции". При этом регионы несистемного типа или регионы из других системных иерархий по отношению к данной региональной системе будут играть роль среды, к которой она "адаптируется". Формы этой адаптации многообразны: они могут быть направлены на структурирование или дезорганизацию среды как мирным, так и конфликтным путем.

Кузнецов А.М.: Общего механизма подобного рода не существует, а адаптация, интеграция или конфликт характеризуют реальное состояние таких связей.

8) Каковы движущие силы региональной динамики? Какие факторы обуславливают преобладающую – циклическую, линейную, нелинейную – форму этой динамики?

Бляхер Л.Е.: Представляется, что говорить о единой региональной динамике (для всех регионов) достаточно сложно. Динамика регионов зависит от многих факторов, в том числе от особенностей самого региона. Как было отмечено выше, преобладающими здесь выступают гуманитарные факторы. В их число включаются наличие деятелей науки и искусства, способных сформулировать региональный дискурс, привлекательный для подавляющего большинства населения, наличие СМИ и значимых артикуляторов в новых медиа, способных этот дискурс транслировать, уровень мобилизации населения, наличие политических артикуляторов интересов регионального сообщества, сформулированного в пространстве науки и искусства.

Демьяненко А.Н.: Опять-таки, если речь идет о сложных социальных пространственных системах, то их динамика имеет, как правило (но не исключительно), нелинейную форму. То есть изменение свойств или поведенческого паттерна одного из элементов или подсистем, может вызвать цепную и несоизмеримую по масштабам реакцию во всей системе в целом. В свою очередь, нелинейная динамика делает поведение пространственных социальных систем трудно предсказуемым.

Но вряд ли стоит сводить все к нелинейной форме динамики. Дело в том, что никто не отменял влияния на региональную динамику циклических процессов, происходящих не только в обществе (в экономике, в частности), но и в природе. Это касается пространственных систем любого таксономического уровня: от глобального до локального. И если в научном сообществе много и со вкусом говорят о последствиях для общества глобальных изменений климата, то есть циклических процессов в природе, то исследований влияния природных и экономических циклических процессов на региональную динамику на субнациональном, а тем более локальном уровне, явно недостаточно.

Киреев А.А.: Вряд ли у региональной, социально-географической, динамики есть драйверы, принципиально отличные от движущих сил динамики общественной. От последней она отличается, скорее, специфическими физико-географическими ограничителями. Формы же динамики связаны с мерой сложности объекта. Регулярные, упорядоченные циклическая и линейная динамики, а тем более свехупорядоченная нелинейная динамика, могут быть свойственны только высокоорганизованным регионам-системам. Для несистемных (скажем, пионерных) регионов, не обладающих устойчивостью и самодостаточностью, характерна внешне и многосторонне обусловленная колебательная динамика, иррегулярные флуктуации, не ориентированные на какое-либо равновесие.

Кузнецов А.М.: Факторы региональной динамики могут быть различными в зависимости от обстоятельств, как внутренних (экономических, политических, социальных), так и внешних.

9) В какой степени формирование и развитие регионов может быть управляемым? Каковы ведущие субъекты и инструменты конструирования регионов?

Бляхер Л.Е.: Безусловно, политические и административные факторы (наличие силового контроля над артикуляторами, механизм строительства дорожной и коммуникативной сети, жилищного строительства и т.д.) оказывают влияние на формирование региона. Яркий пример – искусственно сконструированный объект "Еврейская автономная область" сегодня обладает вполне выделенными и отличными от других региональных образований интересами. Однако такое влияние эффективно только в том случае, когда признается местным сообществом, *ородняется* им. В противном случае возникают различные имитационные формы, требующие отдельного изучения. Как отмечалось выше, инструментами формирования и развития (неопределенный термин) выступают СМИ и новые медиа, транслирующие или способные транслировать региональный дискурс, агенты, способные его сформулировать.

Демьяненко А.Н.: Если "регион" – это синоним единицы административно-территориального деления, то таковые управляемы. Если речь идет о сложных пространственных системах, то здесь на первый план выходят механизмы самоорганизации.

Киреев А.А.: Как правило, регионы управляются их наименованием, концептуализацией, и шире – дискурсивными практиками. Физическое реструктурирование (не говоря уже о строительстве) региона – это крайне долгий, затратный и труднопредсказуемый по своим последствиям процесс, требующий мощных ресурсных, ценностных и институциональных инструментов, доступных только очень богатым или тоталитарным обществам. Большая же часть актов т.н. регионального строительства и управления осуществляется в "коротком времени" медийной политики и направлена на решение тактических задач – путем создания и трансляции пространственных образов (АТР, ИТР, "Один пояс и один путь") мобилизовать или успокоить население, сплотить союзников и изолировать врагов.

Кузнецов А.М.: Этот процесс может быть управляемым, если принимаемые органами власти разных уровней решения соответствуют реальным условиям. Если эти органы власти имеют четкое понимание целей, которых они пытаются достичь.

Ярулин И.Ф.: Еще не сложилось никакого института регулирования, даже кооперации между различными субъектами Российской Федерации. Даже этот первичный уровень, который является этапом на пути к серьезной постановке вопроса о региональном развитии, еще нами не освоен. На этом фоне правительство ставит вопрос о федеральной региональной политике, и есть основания полагать, что она будет пониматься как политика по отношению к различным субъектам РФ. Реализации этой политики способствовало бы преодоление неопределенности содержания понятия "регион". Рассмотрение понятия "регион" как мощного, но только одного из возможных инструментов системного развития территории сейчас наиболее востребовано. Сторонники наиболее распространенного подхода, ссылаясь на Конституцию РФ, утверждают, что регион – это нынешний субъект федерации. Когда в России мы говорим "регион", мы практически всегда имеем в виду некий субъект РФ. Тогда правомерно задать вопрос: не является ли это умножением сущности без надобности, а также на каком основании, в каких целях и с какими намерениями мы сегодня отождествляем вопросы, связанные с административно-территориальной единицей, с вопросами регионального развития. Отсутствие необходимых различий между административно-территориальной единицей (например, субъектом федерации) и регионом начинает играть против нас. Так, когда мы говорим о союзах и объединениях субъектов РФ (известные ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье", "Большая Волга", Сибирское соглашение" и др.), то сразу же начинаем называть их межрегиональными. Но если оценить их деятельность с точки зрения регионального развития, то мы увидим, что ни одна из них не была ориентирована на экстерриториальные

задачи, развитие совместных проектов, что ассоциации не выполнили ни одну из тех задач, которые были декларированы публично. Деятельность подобного рода образований не привела к тому, чтобы действительно сложились новые связи, создались предпосылки для появления новых регионов в смысле сближения нескольких административно-территориальных образований или их частей. Более того, не сложился устойчивый регион, имеющий общие экономические, культурные, образовательные, человеческие и какие-либо иные ресурсы. Поэтому предлагаемая концепция нового деления территории РФ на 14 макрорегионов справедливо вызывает, мягко говоря, настороженность.

10) Какие типологические различия регионов вы считаете важнейшими?

Бляхер Л.Е.: Представляется, что наиболее значимыми являются два различия. Первое – по уровню сформированности региона. Здесь можно выделить: псевдорегион (симулякр, пример: "Дальний Восток"), регион с формирующимся сообществом и региональным дискурсом (пример – Приамурье, Приморье), сформированный регион (пока в РФ – это только этнические регионы: Татарстан, Якутия, Чечня). Второй параметр различия: внутренние и фронтальные регионы. Остальные характеристики задают местные особенности, но не типологию.

Демьяненко А.Н.: Полагаю, что есть два основных типа. Есть природные пространственные системы, и есть социальные (общественные) системы. Естественно, что в чистом виде ни те, ни другие не встречаются, как правило, имеет место взаимопроникновение.

Киреев А.А.: В российском контексте особенно важным представляется различие номинального (административно-территориального) деления национального пространства и основанных на нем различных пространственных фикций, и его фактической региональной организации. Было бы полезным произвести эмпирическую типологизацию (кластеризацию) фактических регионов РФ – от наиболее зрелых и самодостаточных ядерных регионов-систем до только формирующихся, слабоструктурированных проторегионов-ареалов на периферии российского пространства.

Кузнецов А.М.: Регионы следует различать, прежде всего, по уровню самодостаточности или включенности во взаимодействие с другими регионами.

Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования.

Bliakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., Kuznetsov A. M., Yarulin I. F. Region: problems of conceptualization, identification and construction.

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/67-76

For citation: Bliakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., Kuznetsov A. M., Yarulin I. F. Region: problems of conceptualization, identification and construction // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 67–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/67-76

Жизнь дальневосточных окраин в воспоминаниях Варвары Фёдоровны Духовской

Образ дальневосточного региона – тема, которая становится предметом осмысления во многих современных исследованиях. Политики, путешественники, ученые, предприниматели и другие жители дальневосточной окраины оставили после себя воспоминания, официальные документы, личные письма, а также передали воспоминания об этих местах своим детям и внукам.

Темой этой статьи стал образ дальневосточного региона и взгляд на его судьбу Варвары Фёдоровны Духовской, жены Сергея Михайловича Духовского, генерал-губернатора Приамурского края с 1893 по 1898 гг.

Целью этой статьи является описать восприятие Дальнего Востока на основе воспоминаний В.Ф. Духовской, включающее в себя повседневную жизнь, описание природы этих мест, впечатлений столичных жителей о неустроенности, неудобствах "глуши", а также сочетание европейской и азиатской культур.

В.Ф. Духовская оставила подробные воспоминания, которые рассказывают о её детстве, молодости, путешествиях, замужестве и об одновременно трудном и захватывающем переезде с мужем в Восточную Сибирь. Эти воспоминания В.Ф. Духовской были изданы в Санкт-Петербурге в 1900 г. и переизданы в 2019 г. под названием "Из моих воспоминаний" [4].

К этим воспоминаниям уже обращались некоторые исследователи, например, такие как Г.А. Андриец [1], М.Ф. Бурилова [3], Ф.Б. Шенк [9].

Воспоминания – это специфический исторический источник. Он может помочь историку получить представления о некоторых фактах, которые не могли быть отражены в официальных документах: бытовая сторона жизни, межличностные отношения, радости и трудности, переживания людей, страх, личностные оценки и т.д. Подобные источники очень ценны, потому что позволяют дополнить картину жизни человека в той или иной местности, сложить определенный образ города, понять, что волновало человека. Однако стоит отметить, что воспоминания обладают большой долей субъективности.

Варвара Фёдоровна Духовская, в девичестве Голицына, родилась в 1854 г. в семье князя Фёдора Григорьевича Голицына. Ещё в самом юном возрасте, по её собственным воспоминаниям, у неё появилось желание путешествовать и участвовать во множестве захватывающих приключений.

В дальнейшем так и случилось. До переезда в Восточную Сибирь ей удалось объехать почти всю Европу, побывать на Кавказе, в Тифлисе. Позже Варвара Фёдоровна, сопровождая мужа, совершила два кругосветных путешествия, посетив Египет, Турцию, Америку, Японию, Гонконг, Шанхай, Вьетнам, Сингапур, остров Ява и другие экзотические места. Она прожила три года в Восточной Сибири, в городе Хабаровске, а потом, вслед за мужем, отправилась в Туркестан. Обо всём этом она оставила подробные, во многом очень личные и эмоциональные воспоминания, включающие в себя не только факты, события, но и оценки, рассуждения о судьбе края, жизни людей, а также об изменениях, которые произошли с момента приезда Духовских на Дальний Восток.

"В погоне за разнообразием" (о назначении мужа в Восточную Сибирь)

В воспоминаниях В. Ф. Духовская упоминала, что назначение мужа в Сибирь стало для их семьи новым шагом, который был желанным, особенно на первом этапе – этапе подготовки к предстоящему путешествию. Она отмечает, что они с мужем навели справки у людей, служивших на Амуре. Положение дел их не испугало: "Сведения эти оказались настолько благоприятные, что муж решился написать военному министру своё согласие" [4, с. 373]. Стоит отметить, что в дальнейшем реальность не во всем совпадёт с ожиданиями Варвары Фёдоровны.

Приближение отъезда не могло не нарушить привычного спокойствия. На страницах своих воспоминаний Варвара Фёдоровна без сожаления, но с волнением прощалась с Москвой и готовилась к переменам: "Прощай, Москва! Хорошо, спокойно жилось нам в ней, но я, неблагодарная, рада-радёхонька её покинуть в погоне за разнообразием" [4, с. 376].

Итак, новое место службы Сергея Михайловича Духовского – Хабаровка, впоследствии город Хабаровск. Но на момент назначения Духовского генерал-губернатором Восточной Сибири этому месту ещё не был присвоен статус города.

Путь к новому дому лежал через Америку. В первое путешествие этот путь занял почти два с половиной месяца (с 5 июня по 16 августа 1893 г.), включая необходимые остановки, смены кораблей, деловые встречи Сергея Михайловича и знакомство с местным колоритом.

"Каторжная страна или заколдованное царство, заснувшее непробудным сном" (жизнь в Восточной Сибири: чувства и переживания)

Безусловно, жизнь в только что образованном и ещё "диком" крае не могла с первых дней быть комфортной и похожей на жизнь в Москве и Санкт-Петербурге. Варвара Фёдоровна в воспоминаниях подробно описывала свои чувства и переживания, а также трудности, с которыми ей, её семье и всему новому населению приходилось сталкиваться.

Её первые дни в Восточной Сибири, во Владивостоке и Хабаровке были наполнены новыми встречами, официальными визитами и приёмами. Местные жители старались принять их максимально радушно и отдать новому "управляющему" все необходимые почести. На пристани Владивостока их ждали начальники всех местных частей, хлебом-солью встретил городской голова, "войска стояли шпалерами на пристани до самого собора, пристань устлана коврами" [4, с. 421].

Здесь описаны и впечатления от города Владивостока, который стал первым пунктом на пути знакомства с этим краем: корейцы и китайцы "с башенкой волос на макушке", город убран флагами, масса людей на пристани, другие люди смотрят в окна в бинокли, кричат "ура!", играет военная музыка [4, с. 421].

Впоследствии жена генерал-губернатора всё свободное время отдаст благотворительности, образованию и культуре. Но нельзя не отметить, что в большинстве своём записи В.Ф. Духовской пронизаны печалью и тоской по былым временам, по культуре европейской части России, по тем типам времяпрепровождения, которые, к сожалению, не доступны в молодых землях. Она будет сравнивать себя со "ссылкой" или же с "птицей, запертой в золотой клетке", заточённой вдалеке от родных мест [4, с. 422]. Княгине будет не хватать прислуги, которая умела быть тактичной и незаметной, люди же, которые в Хабаровске и Владивостоке исполняли эту функцию, Варвару Фёдоровну пугали и нарушали её покой: "До прибытия наших людей муж взял себе в услужение матроса Матюшина с "Манджура"; каждый раз, как он мне отвечает "есть!", так начинает меня тошнить" [4, с. 422]. К тому же почти вся прислуга в крае – это каторжные, многие из которых были сосланы в эти земли из-за убийств.

Через воспоминания Варвары Фёдоровны лейтмотивом проходит мысль о том, что на Дальнем Востоке скучно.

В такие моменты Варвара Фёдоровна отказывается от официальных встреч, называет себя "невидимкой" и вообще не выходит из дома. "Тоска совсем загрызла, похудела я страшно, совсем сон потеряла и попросила морфия" [4, с. 425]. В моменты особенной грусти по прошлой жизни Варвара Фёдоровна отказывается даже от тех редких развлечений и культурных мероприятий, который случаются в Хабаровске: "Всякое напоминание об общественной жизни действует на меня в здешнем заточении очень тяжело" [4, с. 446].

Грусть навеивает не только отсутствие культурной жизни, но и неприглядность климата: сырость, духота, необычность природы: "В июле полили непрерывные тёплые дожди, сырость в воздухе ужасная, волосы, лицо, платье – всё влажное. После дождя здесь совсем не чувствуется свежести воздуха, всё так же парит, и зелень и цветы не издают никакого аромата – вот уж действительно, каторжная страна!" [4, с. 468].

Природа кажется жене генерал-губернатора "мертвенной", "безжизненной". Возможно, именно поэтому Варвара Фёдоровна, подводя итог своим словам, называет это место "заколдованным царством, заснувшим непробудным сном" [4, с. 456].

К тому же В.Ф. Духовская отмечает, что здешняя природа, климат пагубно влияют на неподготовленного человека. Возможно, отчасти преувеличивая, она пишет, что "климат здешний очень старит, одному полковнику я дала все восемьдесят лет, а ему оказывается только сорок пять" [4, с. 423]. Это мнение подтверждается и в других источниках, отчетах губернаторов, врачей, воспоминаниях современников: "Особенности местного климата поражали приезжих. М.Г. Гребенщиков, посетивший Владивосток середине 1880-х гг., <...> воспроизводит один из мифов, составляющих образ Владивостока – пьянство и климат вели к более частным "умопомешательствам" во Владивостоке, чем в Европейской части России" [6, с. 110–111].

Интересно то, что в воспоминаниях Варвары Фёдоровны молодой край предстает разным и очень неоднородным, наполненным контрастами. Эти контрасты касаются многих вещей, в том числе диссонанса между жизнью людей. С одной стороны, край кажется печальным, бедным, каторжным, вечно голодным по причине того, что поставки и собственное производство ещё не налажены. Но с другой стороны, многие из приезжих, занимавших высокие чины, пытаются повторить здесь ту жизнь, которую вели в центральной России. Варвара Фёдоровна описывает дом тюремного инспектора: это, с одной стороны, островок цивилизации, с другой, место, которое плохо вписывается в окружающую обстановку. "Дом Каморского довольно большой, стоит высоко на горе, окружен бараками каторжных и модельным домом. Обстановка дома Каморского роскошная; любезный Хозяин позаботился также о том, чтобы придать уют нашему помещению: на своём туалетном столе увидела я флакон духов, носящих название "Bouquet de l'amour" [4, с. 431]. Все же это желание окружать себя комфортом и красотой кажется Варваре Фёдоровне естественным, хотя и не вписывающимся в местные реалии. В её воспоминаниях так выглядит ещё одна особенность этих мест.

Говоря об общем восприятии дальневосточных земель, стоит обратить особое внимание, какое удивление и интерес у европейского человека вызывает столкновение Востока и Запада, свойственное для Хабаровска и Владивостока. В.Ф. Духовскую приводят в восторг, например, китайские праздники, очень непохожие на традиционные русские или европейские: фейерверки, цветные фонарики, плывущие по реке огоньки, огромное количество людей, драконы: "Китайский праздник прошёл также очень оживленно ночью, при полной луне, китайцы спускали с крутой юры на Амур несколько тысяч плавающих огоньков всех цветов радуги; вся набережная китайской слободки ярко была иллюминирована и пускались ракеты" [4, с. 524].

Вместе с тем она отмечает, что близкая жизнь с китайским населением – это далеко не вечный праздник. Традиции их непонятны, порой пугают, многие из китайцев совершенно бедны и живут в условиях, непригодных для нормальной жизни: "Производилась перепись хабаровских жителей, и оказалось, что много китайцев живут на лодках, не имея никакого пристанища" [4, с. 529]. Это огорчает жену генерал-губернатора.

Любопытно и обнадеживающе то, что, в конечном счете, после поездки в Петербург и по возвращении в Восточную Сибирь, Варвара Фёдоровна скажет,

что всё же она возвращается домой: "Я приезжаю домой, в среду знакомых мне приветливых лиц" [4, с. 522].

**"Приходится, увы! жить здесь задним числом..."
(о трудностях жизни в Приамурском крае)**

В воспоминаниях Варвары Фёдоровны очень ярко показана жизнь человека, привыкшего к цивилизации и культурным мероприятиям, а на Дальнем Востоке дела обстояли иначе. Воспоминания позволяют сложить обширное представление о том, с какими трудностями, опасностями и неожиданностями сталкивался "человек цивилизации".

В первую очередь, эти трудности связаны с удаленностью края. В.Ф. Духовская на протяжении всего своего пребывания во Владивостоке, Хабаровске непрерывно говорила именно об этом. Самым сложным для неё оказался информационный вакуум. Книг здесь было не так уж много, библиотеки наполнялись за счёт подарков императора и работы равнодушных граждан, но их количество было несравнимо с тем, что она видела на "родине".

Жена генерал-губернатора и другие горожане страдали из-за проблем с корреспонденцией. К примеру, газеты приходили с опозданием в несколько месяцев, но получение их все равно становилось для людей большим событием. Вот что Варвара Фёдоровна Духовская пишет о радости получения новостей: "До пяти часов я не выходила из спальни, всё читала газеты и журналы, присланные сюда (*прим. авт.* село Николаевское) из Хабаровки на наше имя, но новости, почерпнутые из них, были новостями два месяца тому назад; приходится, увы! жить здесь задним числом..." [4, с. 428].

Ещё одной проблемой являлись письма. К сожалению, местные жители не только с опозданием узнавали о событиях центральной России и мира, но и с переменным успехом могли связаться со своими близкими, друзьями и коллегами. Почта из России приходила три раза в месяц, "часто случается, что старая почта приходит после новой" [4, с. 441]. В.Ф. Духовская, сетуя на эту особенность жизни, порой упоминала и отчасти комичные (хотя больше, конечно, грустные) истории. Например, "Адъютант мужа Алсуфьев, пробывший больше года в командировке, только вернувшись в Хабаровку, узнал, что Корф умер и у него теперь новый начальник" [4, с. 445]. Разумеется, спасали телеграммы, но все же многие известия терялись и безнадежно опаздывали.

Морское сообщение, а точнее его нерегулярность, также виделась Варваре Фёдоровне причиной множества неудобств. Её воспоминания омрачены долгими и мучительными странствиями корабля "Нижний Новгород", на котором в июне 1893 г. в Восточную Сибирь отправились люди и вещи Духовских. Путь этого корабля был весьма затянувшимся. Судя по записям Варвары Фёдоровны, корабль достиг Владивостока только 15 октября 1893 г. [4, с. 443], успев до окончания сообщения в этом году. Варвара Фёдоровна же уже готовилась к тому, что "Нижний Новгород" не успеет, а это означало бы то, что на зиму они остаются без теплой одежды.

Не хватало жителям городов и самых обычных продуктов. К таким товарам относилась вся молочная продукция, которая, если и имелась, то стоила крайне дорого. Поэтому такой, казалось бы, простой вопрос как наличие молока приходилось решать сложными способами. Варвара Фёдоровна рассказывает о том, что им привезли "из Благовещенска двух коров с телятами, так как здешние коровы без телят не доятся, но молока дают они очень мало" [4, с. 438].

Трудности жизни на Дальнем Востоке были связаны не только с тем, что эти земли очень удалены от центра страны, но и с тем, что они очень молоды, не развивались на протяжении веков для того, чтобы к концу XIX в. стать комфортными для проживания человека. Например, в крае не было лошадей, подходящих для упряжки. Передвигаться между станциями в повозке было опасно, так как все лошади собраны по разным крестьянским дворам, обучены для других целей, а сами крестьяне "понятия не имеют, как запрягать тройку" [4, с. 430]. Подходящей амуниции для лошадей попросту не было.

Сложны передвижения не только за пределами города, но и в самом городе. Хабаровские дороги В.Ф. Духовская называла "убийственными": они не мощены, в ямах, по обеим сторонам их овраги, освещения нет. Из-за таких дорог она "всякий раз донельзя взвинчивает себе нервы" [4, с. 441].

Необычной жизнь на Дальнем Востоке была ещё и потому, что непривычной казалась природа. В ней таились опасности, к которым человек из европейской части России не был готов. Одной из таких опасностей был, конечно, амурский тигр. В.Ф. Духовская считала, что по этой причине передвигаться между станциями в экипаже достаточно опасно [4, с. 427]. А вот железная дорога в этом смысле казалась безопасной. Природа Восточной Сибири преподносила и другие неприятные сюрпризы: например, в марте 1894 начались лесные пожары близ Хабаровска. Духовская отмечает, что "весь горизонт от них был в огне" [4, с. 453].

К сожалению, жизнь здесь усложнялась не только дикими животными, особенностями климата, отсутствием развлечений и предметов первой необходимости. На территориях, близких к границе с Китаем, существовала ещё одна страшная угроза – хунхузы, китайские бандиты. В воспоминаниях многих очевидцев или же потомков местных жителей тех лет хунхузы представлены как страшная опасность, банды жестоких, кровавых преступников, готовых грабить и убивать кого угодно, включая женщин, детей и стариков [2; 8; 10; 11]. В записках же Варвары Фёдоровны события, связанные с хунхузами, показаны в несколько ином, отчасти романтическом ключе. О хунхузах она говорит, что это "большею частью китайские солдаты, бежавшие во время японской войны" [4, с. 520], которые были хорошо вооружены и нападали большими группами. Говоря о грабежах, Варвара Фёдоровна использует слова "пошालивать", а также отмечает, что бандиты эти всё же избегали убийства русских граждан, поскольку понимали, что за это им "несдобровать" [4, с. 521].

Отмечает В.Ф. Духовская и то, что пойманных хунхузов не щадили. Приговор этим преступникам выносила китайская сторона, местные власти лишь брали их под стражу. В дневниках упоминается, что после поимки 17 хунхузов в Восточную Сибирь прибыл китайский генерал Джао-Мян и палач. Приговор был следующим: "всем пойманным хунхузам будет отрублена голова" [4, с. 521]. Антигуманность этих мер огорчила Варвару Фёдоровну.

"Я чувствовала себя уже более оперённой" (общественная деятельность)

Проживая на Дальнем Востоке, Варвара Фёдоровна принимала активное участие в общественной и культурной жизни. Основной её сферой деятельности являлись образование и воспитание детей. Она посещала учебные заведения в городах и решала "детские" вопросы в самом Хабаровске. Варвара Фёдоровна стала почётной попечительницей хабаровского женского училища, познакомилась с руководителями учебных заведений, внимательно осматривала классы, встречалась с учениками, контролировала постройку новых учебных зданий и процесс переименования училищ в гимназии. Благодаря глубокой заинтересованности генерал-губернатора в вопросах образования Варваре Фёдоровне удалось получить ежегодные пособия для хабаровского женского училища, в котором "все учительницы преподают безвозмездно" [4, с. 439].

В.Ф. Духовская занималась открытием интерната для девочек на 22 места [4, с. 440] и участвовала в строительстве детского приюта, собирала пожертвования на это доброе и нужное дело [4, с. 461].

После открытия приюта Варвара Фёдоровна пристально следила за его жизнью, писала о количестве детей в нём, подробно рассказывала о некоторых из них, а также описывала условия в этом месте: "Дети сами прибирают комнаты, стирают бельё и присматривают на кухне; по выходе из приюта у них по крайней мере будет готовый кусок хлеба, и всякий с удовольствием наймет их в прислугу" [4, с. 527]. На основе этих записей можно сделать вывод, что жена генерал-губернатора была искренне заинтересована в этом вопросе, а также в том, что жизнь в Восточной Сибири постепенно становилась комфортнее, безопаснее для жителей, который чувствовали социальную защищённость.

Интересовала её и медицина. Причины тому были весьма очевидны: "В крупных городах, таких как Владивосток, Благовещенск и Хабаровск, отмечался высокий уровень заболеваний и смертности; большинство горожан проживали в антисанитарных условиях, обыватели не поддерживали свои

дворы в чистоте и порядке; многие улицы не соответствовали техническим и санитарным нормам" [5, с. 77]. Первым важным предложением в этой сфере стало открытие психиатрической лечебницы. "Так счастлива я, что желание моё помочь больным начинает осуществляться! Внемя моей просьбе, городской голова собрал в несколько дней пять тысяч рублей на постройку дома для призрения умалишенных" [4, с. 425].

Наряду с этим осуществлялось строительство дома для инвалидов. Это дело Варвара Фёдоровна называет "богоугодным". Она говорила, что происходит это благодаря "великому князю Александру Михайловичу, который пожертвовал навсегда своё годовое офицерское жалованье" [4, с. 461]. После открытия данное заведение сразу стало домом для 10 инвалидов. В.Ф. Духовская написала о некоторых из них: "Одному из них 109 лет, но на вид не более 70, выглядит он моложе своих товарищей, совсем ещё бодрый, живой и ходит один по улицам" [4, с. 465]. Подобные записи свидетельствуют о её личной заинтересованности этим вопросом.

Очень много В. Ф. Духовская писала о благотворительности, которой она и её единомышленники занимались, готовя те или иные культурные мероприятия.

Варвара Фёдоровна была председателем драматического кружка, с её участием проводились заседания музыкального общества. Она в пользу благотворительного общества лично участвовала в концертах: играла на мандолине и выступала в музыкальном квартете [4, с. 449]. Участие в подобных концертах принимало большое количество горожан, Варвара Фёдоровна называла их "здешние музыкальные силы": непрофессиональные артисты поют, играют на скрипке, рояле, виолончели, читают стихи, есть даже хор [4, с. 523–524].

Все эти занятия бесспорно нравились ей, отвлекали её от тоски по дому, помогали найти своё место в этих землях и, самое главное, делать жизнь местного населения лучше. Постепенно многочисленные заседания стали нормой для Духовской. "Я чувствовала себя уже более оперённой" [4, с. 439], – говорит она о своей общественной работе.

"Большой выбор парижских шляп" (о досуге в дальневосточных городах)

На страницах воспоминаний В.Ф. Духовской рассказывается о развлечениях, которыми занимали себя жители, а также об инфраструктуре, которая постепенно становилась удобной для людей. Это свидетельствует о том, что привычный образ города второй половины XIX в. менялся. Говоря о привычном образе, мы понимаем следующее описание, сформированное на основе воспоминаний: "Скука пронизывала досуг обывателей, из-за немногочисленности образованного общества круга общения был весьма ограниченным, новых тем для разговоров практически не было, новости из западных регионов доходили медленно и успевали устаревать. Имевшиеся в частных руках книги и газеты перечитывались по несколько раз. Увлечения: охота, природа, тайга, сплетни, карты, выпивка" [7, с. 146–147].

В.Ф. Духовская же подробно рассказывала о танцах, концертах, общественных встречах и магазинах. Отмечала, что постепенно в городах появлялись удобные общественные пространства, например, военное собрание во Владивостоке: "помещение огромное, с чудной библиотекой и читальней" [4, с. 425]. Упоминала Варвара Фёдоровна и об образовательных мероприятиях, в частности, о заседаниях географического клуба в Хабаровске. Они многочисленные: "Члены совета сидят за столом, а слушатели размещаются в нескольких рядах стульев" [4, с. 462].

На реке Амур устраивались общественные купальни, ещё купальня была в артиллерийском лагере.

Особенное внимание жены генерал-губернатора привлекает Городской сад Хабаровска, который "становится всё красивее", он огорожен, в нём установлены солнечные часы, "два раза в неделю в павильоне играет оркестр и поет хор песенников" [4, с. 468]. Это свидетельствует о том, что поселения на Дальнем Востоке все больше приобретали облик настоящих городов, в которых появлялись места без четкой прагматической цели (как школы и больницы), а необходимые лишь для красоты и эстетического удовольствия.

Для В.Ф. Духовской, как и для других жителей, важна была такая часть жизни города, как магазины. Население Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. очень страдало от недостатка почти всех товаров. Но магазины постепенно начали появляться. Вот что о хабаровских магазинах пишет Варвара Фёдоровна: "Лучшие магазины здесь – Чурина, Богданова, Плюснина, Эмери и китайца Тифон-тая: в них всё можно достать, начиная с гвоздя и вплоть до дамской шляпки, имеются также закуски и колониальный товар" [4, с. 441].

Разумеется, для людей, которые не привыкли к малолюдной, почти затворнической жизни, важен тот факт, что на Дальнем Востоке постепенно появляется не только культурная жизнь, но и возникает возможность вспомнить о таком немаловажном явлении цивилизованной жизни, как мода. Поэтому любые поставки красивой одежды вызывают оживление определенной части населения: "Экономическое общества" только получило большую партию товаров прямо из-за границы: между ними много есть модных дамских вещей. Товары были выставлены несколько дней в зале военного собрания; на этой выставке перебивало почти все хабаровское дамское население, и я в том числе" [4, с. 524]. Иными словами, счастье горожанина – это очень важная составляющая развитых земель. При защите границ, постройке дорог, больниц, школ, важных с точки зрения политики международных союзов не стоит забывать, что для полноценной жизни ещё обязательно нужен "большой выбор парижских шляп" в магазине Чурина, где и цены сравнительно невысокие [4, с. 524].

Заключение

Воспоминания В.Ф. Духовской "Из моих воспоминаний" представляются нам очень важным источником, в котором сохранилось восприятие Дальнего Востока.

На основании этого источника мы можем сформировать образ молодых дальневосточных земель, возникающий на страницах воспоминаний.

Этот образ получился противоречивым.

С одной стороны, мы видим неустроенные, отдаленные земли, оторванные от центра империи (невозможность получения своевременной информации и корреспонденции, отсутствие привычного досуга, товарный дефицит и пр.) и порой пугающее столкновение западной и восточной культур.

С другой же стороны, жена генерал-губернатора описывает быстрое развитие городов: появление общественных центров, парков, собраний, творческих объединений, магазинов и т.д. А это, в свою очередь, дает стимул для развития личности и определяет роль жены чиновника: активное участие в жизни региона, благотворительность, попечительство образования и здравоохранения.

На страницах этой книги раскрываются и личностные качества жены генерал-губернатора: иногда меланхоличность, равнодушие к чужому горю, заинтересованность в развитии инфраструктуры, образования и честность в описании жизни Дальнего Востока конца XIX в.

Воспоминания В.Ф. Духовской являются уникальным источником информации о повседневной жизни дальневосточного региона в период его становления. Эта тема, безусловно, интересна не только для региональных исследователей, но и для широкого круга читателей.

Литература

1. Андриец Г.А. Участие женщин в культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX в.) / Г.А. Андриец // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 256–263.
2. Бринер Р. Империя и одиссея. Бринеры в Дальневосточной России и за её пределами. Владивосток: Валентин, 2016. 368 с.
3. Бурилова М.Ф. Общество старого Хабаровска: (конец XIX – начало XX вв.): [по семейным фотоальбомам и прочим раритетам] / [предисл. В. Сысоева ; вступ. ст. Т.Я. Иконниковой] Хабаровск : РИОТИП, 2007. 528 с.
4. Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний / Варвара Фёдоровна Духовская. М.: "Захаров", 2019. 576 с.
5. Ланкина Ю.С. Санитарно-гигиеническое состояние городов юга Дальнего Востока России как элемент повседневной жизни обывателей в конце XIX – начале XX вв. / Ю.С. Ланкина // Власть и управление на Востоке России. 2012. № 4 (61). С. 77–84.
6. Позняк Т.З. Образ Владивостока в представлении современников во второй половине XIX – начале XX в. / Т.З. Позняк // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 3 (30). С. 109–119.
7. Позняк Т.З. Общественный досуг горожан на дальневосточной окраине во второй половине XIX – начале XX в. / Т.З. Позняк // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2013. № 1. С. 146–155.
8. Шевелев О.В. Бухта Витязь и другие истории. Дневник моей юности. Владивосток. Тихоокеанское издательство "Рубеж", 2013. 272 с.
9. Шенк Ф. Б. "Я так устала быть перелетной птицей": Имперское пространство и имперское господство в автобиографии российской дворянки / Ф. Б. Шенк // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. № 2. Т. 14. С. 40–50.
10. Янковская М.М., Янковская М.Ю. Янковская В.Ю. Шорохи прошлого: дневники, мемуары, письма. Владивосток. Тихоокеанское издательство "Рубеж", 2017. 632 с.
11. Янковский М.Я., Янковский Ю. М., Янковский В.Ю. Нэнун. Дальневосточная одиссея. Владивосток: Рубеж, 2012. 640 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Andriets G.A. Uchastie zhenshhin v kul'turnoj zhizni gorodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) / G.A. Andriets // Rossiya i ATR. 2014. № 3 (85). S. 256–263.
2. Briner R. Imperiya i odysseye. Brinnery v Dal'nevostochnoj Rossii i za eyo predelami. Vladivostok: Valentin, 2016. 368 s.
3. Buriilova M.F. Obshestvo starogo Khabarovska: (konets XIX – nachalo XX vv.): [po semejnym fotoal'bomam i prochim raritetam] / [predisl. V. Sysoeva ; vstup. st. T.Ya. Ikonnikovoj] Khabarovsk : RIO TIP, 2007. 528 s.
4. Dukhovskaya V.F. Iz moikh vospominanij / Varvara Fyodorovna Dukhovskaya. M.: "Zakharov", 2019. 576 s.
5. Lankina Yu.S. Sanitarно-gigienicheskoe sostoyanie gorodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii kak ehlement povsednevnoj zhizni obyvatelej v kontse XIX – nachale KHKH vv. / Yu.S. Lankina // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2012. № 4 (61). S. 77–84.
6. Poznyak T.Z. Obraz Vladivostoka v predstavlenii sovremennikov vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. / T.Z. Poznyak // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2014. № 3 (30). S. 109–119.
7. Poznyak T.Z. Obshestvennyj dosug gorozhan na dal'nevostochnoj okraine vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. / T.Z. Poznyak // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2013. № 1. S. 146–155.
8. Shevelev O.V. Bukhta Vityaz' i drugie istorii. Dnevnik moej yunosti. Vladivostok. Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2013. 272 s.
9. Shenk F. B. "Ya tak ustala byt' pereletnoj ptitsej": Imperskoe prostranstvo i imperskoe gosподstvo v avtobiografii rossijskoj dvoryanki / F. B. Shenk // Vestnik Yu-zhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2014. № 2. T. 14. S. 40–50.
10. Yankovskaya M.M., Yankovskaya M.Yu. Yankovskaya V.Yu. Shorokhi proshlogo: dnevniki, memuary, pis'ma. Vladivostok. Tikhookeanskoe izdatel'stvo "Rubezh", 2017. 632 s.
11. Yankovskij M.Ya., Yankovskij Yu. M., Yankovskij V.Yu. Nehnuni. Dal'nevostochnaya odysseye. Vladivostok: Rubezh, 2012. 640 s.

Боровик Е. А. Жизнь дальневосточных окраин в воспоминаниях Варвары Фёдоровны Духовской.

Статья посвящена образу дальневосточного региона в воспоминаниях Варвары Духовской, жены генерал-губернатора Приамурского края. Цель статьи – описать восприятие Дальнего Востока на основе данного источника: повседневная жизнь "окраины", описание природы этих мест, впечатления столичных жителей о новых землях, а также сочетание европейской и азиатской культур. Делается вывод о противоречивости образа этих мест. С одной стороны, неуютность и неудобства ввиду молодости и отдаленности региона. С другой стороны, быстрое развитие населенных пунктов и большой потенциал для реализации профессиональных и личностных качеств человека.

Ключевые слова: *Приамурский край, окраина империи, города, образ города, повседневная жизнь горожан*

Borovik E. V. The life of the Far East in the memoirs of Varvara Dukhovskaya.

The article is devoted to the image of the Far Eastern region in the memoirs of Varvara Dukhovskaya, the wife of the Governor-General of the Amur territory. The purpose of the article is to describe the perception of the Far East: the daily life of the "outskirts", a description of the nature of these places, the impressions of the resident capitals about the far new lands and the combination of European and Asian cultures. The image of these places is contradictory. On the one hand, the Far East is uncomfortable and unsettled. On the other hand, the rapid development of settlements and a great potential for the realization of professional and personal qualities of a person.

Key words: *Amur Territory, the outskirts of the empire, cities, the image of the city, daily life*

Для цитирования: Боровик Е. А. Жизнь дальневосточных окраин в воспоминаниях Варвары Фёдоровны Духовской // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 77–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/77-85

For citation: Borovik E. V. The life of the Far East in the memoirs of Varvara Dukhovskaya // Oikumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 77–85. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/77-85

УДК 947.084:356.132(571.6) "139/1945"

Кондратенко Б. Б.

Основные угрозы безопасности на дальневосточной границе СССР 1939–1945 гг.

В российской историографии тема угроз безопасности на дальневосточных рубежах подробно не исследовалась. В рамках отдельных работ внимание акцентировалось на событиях в Азиатско-Тихоокеанском регионе [1; 7], образовании марионеточного государства Маньчжоу-го и его внешней политике. Рассматривалось влияние паназиатских идей на формирование вооруженных сил Японии [2; 7], строительство оборонительных укреплений в Манчжурии и развертывание войсковых соединений, деятельность разведки и диверсионных групп [4; 10; 11; 12], идеологическая обработка населения [5; 9, с. 26].

Через призму увеличения контингента Квантунской группировки войск в отдельных работах [8, с. 78; 13], а также в коллективной монографии "Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг." рассматривались проблемы обороноспособности Дальнего Востока СССР [6, с. 507, 550, 557, 603, 617], однако детально угрозы безопасности дальневосточных рубежей не освещались. Это связано с ограниченными возможностями использования источниковой базы ведомственных архивов Российской Федерации, где большинство документов засекречены. В данной статье использованы материалы, впервые выявленные в таких архивохранилищах.

На Дальнем Востоке СССР границу охраняли Приморский и Хабаровский пограничные округа со средней численностью 24 тыс. чел. личного состава, 16 пограничных отрядов и отдельные подразделения подчинялись Главному управлению пограничных войск НКВД (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 24, 177, 258; Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 22; Д. 177. Л. 6, 65, 114; Д. 178. Л. 1 4, 89) [3, с. 587].

Угрозы безопасности СССР на дальневосточных рубежах возросли с момента создания марионеточного государства Маньчжоу-го. На его территории строились новые шоссе и железнодорожные дороги, авиа-посадочные полосы, линии телефонной и телеграфной связи, модернизировались ранее возведенные военные объекты, развертывались воинские формирования и проводились крупномасштабные военные учения [13].

В 1940 г. военный бюджет Японии составлял 7947 млн. иен из 10982 млн. иен общего бюджета, в 1941 г. – соответственно 12503 млн. иен из 16542 млн. иен. Имевшаяся ресурсно-сырьевая база метрополии не обеспечивала военные потребности Японии. Стратегические запасы составляли 5674 тыс. тонн нефти, 254,7 тыс. тонн бокситов, 4468 тыс. тонн железного лома и при нормативах потребления в условиях военного времени их хватило бы на один год. Для восполнения нехватки продовольствия Япония импортировала основные продукты питания: риса – 22%, соевых бобов – 72%, сахара – 82% [7, с. 128, 129, 130].

В соответствии с военно-стратегическими задачами принимается экономическая программа, предусматривающая создание ресурсно-производственной базы на оккупированных территориях. В 1943 г. правительство Японии создает "Министерство вооружений". Его задачи заключались в мобилизации населения и организации труда на предприятиях Маньчжоу-го. На производстве была введена система "бутай сосики" – "отрядная организация" от 5 до 10 чел., функционировавшая по армейскому типу (рабочие проходили военную подготовку и зачислялись в резервные боевые соединения), в 1944 г. – про-

© Кондратенко Б. Б., 2020

КОНДРАТЕНКО Борис Борисович, старший лаборант отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: kpe.kob@mail.ru

грамма "трудовой мобилизации", вводился 12–13 часовой рабочий день (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 3)¹

Созданная система эксплуатации населения Маньчжурии способствовала увеличению объемов производства. На оккупированных территориях добывалось 55,6 млн. т угля, 138 тыс. т железной руды, производилось 33,9 млрд. квт. ч. электроэнергии, выплавлялось 4308 тыс. т чугуна, 6480 тыс. т стали, 71,7 тыс. т алюминия, производилась военная техника: танки, самолеты, автомобили и стрелковое оружие. Стратегические ресурсы и сельскохозяйственная продукция вывозились преимущественно в метрополию, но в результате потерь производственных мощностей и японского торгового флота их объемы сократились. Так, по сравнению с 1940 г. более чем в 2 раза уменьшились объемы добычи нефти: с 24113 тыс. баррелей в 1940 г. до 11662 тыс. баррелей в 1943 г. [1, с. 439,441,442].

Потеря запасов сырья грозила Японии экономическим кризисом. В очередной раз стали применяться методы принуждения. Населению стали продавать скот с последующим изъятием на нужды вооруженных сил Японии. Лица, нежелающие участвовать в экстенсивной экономической политике, штрафовались или арестовывались. Ощущалась нехватка продуктов питания, появились антияпонские настроения. Для их предотвращения японское военное руководство и аппарат управления Маньчжоу-го начали переселять жителей приграничья в центральные районы, а на их место заселять резервистов (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 3).

Параллельно с экономическими мерами проводилась подготовка к военным действиям против СССР. Собранные средства направлялись на содержание Маньчжурской группировки войск и строительство объектов военно-стратегического назначения на линии границы с Советским Союзом. В 1941 г. было построено 250 км железнодорожных магистралей, 145 км автомобильно-дорожных сетей с грунтовыми и каменно-бетонным покрытием, отремонтировано 45 км дорожного покрытия Сюньхэ–Цикэ. Рокадная автомобильная дорога связала города Синикаймин, Хума, Жаохэ, Хулинь, Душухэ, Хуттоу. Магистраль имела стратегическое назначение и предназначалась для оперативной переброски войск и грузов. Ранее построенные дорожные сети, связывающие между собой укрепленные районы и узлы сопротивления, пограничные гарнизоны и посты, были отремонтированы, подготовлены для передвижения всех видов боевой техники в любое время года. Аэродромы и авиационные площадки подготовили к размещению самолетов и военных грузов (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 4, 63). Местное население регулярно привлекалось на строительство объектов военного назначения, посещало специальные занятия, где помимо идеологической обработки, отработывались мобилизационные планы. Это значительно расширяло плацдарм для наступления японских войск на советский Дальний Восток.

Одновременно в Маньчжурии велось строительство объектов длительного сопротивления (долговременные и деревоземляные огневые точки) на против советской границы, в сфере ответственности 56-го Бикинского, 75-го Инокентьевского, 63-го Ленинского, 52-го Сахалинского (морского) пограничных отрядов. В частности, на сопредельной стороне 56-го Благовещенского и 77-го Бикинского пограничных отрядов Хабаровского пограничного округа было построено три узла сопротивления на пограничных высотах, с которых хорошо просматривалась линия советской границы, что значительно усложнило её охрану. Строительство военных объектов на пограничных реках создавало препятствие советскому речному судоходству, речные катера подвергались обстрелу и задержанию под предлогом нарушения правил пользования пограничным пространством р. Амур и ее притоков (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 2).

Также производились работы по модернизации существующих объектов сопротивления. Напротив пограничных подразделений на территории Маньчжурии модернизировали 10 узлов сопротивления: (Мачанский, Сахалинский, Ганцинский, Хомоэрцзянский, Сунчжанский, Цикэйский, Тунцянский, Гайцзинский, Вохдальманский, Катонский) (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1.

¹ ЦПА ФСБ РФ – Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Д. 177. Л. 62, 63). На сопредельной стороне участка государственной границы Приморского пограничного округа укрепили ранее построенные узлы сопротивления. Мишанский, Хулинский, Дунинский, Хуньчунский узлы были расширены и превращены в базу для развертывания войск (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 2). Оборонительные сооружения приграничья соединили транспортными путями и коммуникациями, усовершенствовали систему наблюдения за советской стороной.

К 1945 г. на территории Манчжурии вдоль линии государственной границы СССР выстроили 10 укрепрайонов. Кроме того, 7 укрепрайонов (далее УР) прикрывали важные стратегические центры Манчжурии. Каждый УР строился с учетом топографического расположения местности и имел протяженность от 40 до 80 км. и ширину от 12 до 25 км. Система оборонительных сооружений строилась в течение 20 лет, включала в себя закрытые (подземные) военные городки, железнодорожные и автомобильные магистрали которые соединяли крупные стратегические центры с укрепрайонами. Между передовыми объектами обороны Маньчжоу-го были проложены военные пути коммуникаций – траншеи и рвы, которые улучшали взаимодействие между войсковыми соединениями. Крупные пункты обороны были оборудованы казематированными сооружениями. Выстроенная система обороны Манчжурии могла превращаться из оборонительной в наступательную и являлась плацдармом для развертывания войск [12, с. 77].

Строительство оборонных объектов осуществлялось в соответствии с планами агрессии против СССР. Линия укрепрайонов представляла серьезную угрозу для дальневосточных рубежей. С огневых точек осуществляли прикрытие японских разведывательно-диверсионных групп, что упрощало их работу на советской границе и обеспечивало организованный отход после завершения операций. Организованное прикрытие вооруженных групп усложняло советским пограничникам ликвидацию возникшей угрозы. Также из огневых точек, расположенных вблизи границы, регулярно производился ружейно-пулемётный обстрел советской территории и пограничных нарядов.

Разработанный японским генеральным штабом план войны против СССР "Кантокоуэн" ("Особые маневры Квантунской армии") в 1941–1943 гг. не был реализован. Поражение Германии в сражениях под Москвой и Сталинградом, Японии – в Юго-Восточной Азии изменили геополитическую ситуацию: Япония переходит к обороне Манчжурии и продолжает проведение военно-стратегических операций против объединенных сил Соединенных Штатов и Великобритании [7, с. 169,170].

В соответствии с планами изменялась численность и состав военной группировки на территории Маньчжурии. С 1941 г. по 1942 г. только напротив Приморского пограничного округа численность личного состава японских войск увеличилась на 100–150 тыс. чел. Линию границы на сопредельной стороне 57-го Иманского, 69-го Ханкайского, 58-го Гродековского советских пограничных отрядов стали охранять регулярные войска, что позволило увеличить сеть на 59 японо-маньчжурских пограничных полицейских постов (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231 Оп. 1. Д. 128. Л. 2).

В 1942 г. состав японских войск в Манчжурии увеличился на 27 соединений всех родов войск, а 1943 г. в Манчжурии и Корее было сосредоточено 174 соединения (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 61). Напротив Приморского пограничного округа располагалось 15 дивизий численностью 422 тыс. чел. и 24 тыс. чел. маньчжурских войск, 23 бомбардировщика и 12 истребителей. На вооружение поступали новые образцы стрелкового и артиллерийского оружия, самолеты типа "Ш-99", прибывали летчики, получившие боевой опыт (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 1, 166).

Напротив Хабаровского округа было два оперативно-стратегических направления размещения войсковых соединений японских и маньчжурских войск: Сахалинское и Сунгарийское. Напротив участка границы Благовещенского пограничного отряда находилось Сахалинское оперативное направление, где дислоцировалось 17 войсковых соединений, 105 танков и бронемашин, 138 самолетов, 101 000 чел. личного состава, на разграничении участков границы Хабаровского и Забайкальского пограничных округов – Сунгарийское – 9 войсковых соединений, 7 бронемашин, 222 самолета, 212 орудий, 37 000 чел. личного состава. В составе группировки находилось авиазвено,

парашютно-десантный отряд и охранно-обслуживающие части. Бронемашины предназначались для мобильности и обслуживания соединений, тяжелые орудия и понтонные части – для ведения наступательных действий (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 108).

В 1942 г. в Маньчжурии организовались два фронта: Восточно-Маньчжурский штаб в г. Муданьцзян и Северо-Западный штаб в г. Цицикар. Осуществлялась передислокация войск, насчитывающих свыше 700 тыс. личного состава, для пополнения и новых формирований. Происходило перевооружение частей оружием нового образца, производилась замена личного состава погранполицейских постов военнослужащими, прошедшими обучение в специальных школах и учебных пунктах пограничной полиции (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 109).

Рост численности вооружённых сил Маньчжурии и Японии по линии советской границы увеличил уязвимость дальневосточных рубежей в условиях, когда авиация могла оперативно контролировать акваторию Японского и Охотского морей и большие сухопутные участки.

Ситуация изменилась в 1944 г., когда для ведения военных действий в Юго-Восточной Азии из Маньчжурии и Кореи был переброшен ряд крупных боевых соединений. Напротив участка Приморского пограничного округа осталось 9 пехотных и 2 танковых дивизии, 418 тыс. чел. японских и 22 тыс. чел. маньчжурских войск. На сопредельную территорию Хабаровского пограничного округа, прибыла 71-я пехотная дивизия из района близ г. Хуньчунь и на 1 января 1945 г. на Сахалинском направлении дислоцировалось 422 тыс. чел., на Сунгарийском – 64 тыс. (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 237).

Группировка японских и маньчжурских войск вблизи советской границы по своему составу значительно превосходила необходимое количество для оборонительных целей. На оперативных направлениях Приморского и Хабаровского пограничных округов количественный состав группировок существенно не менялся, а на отдельных направлениях на фоне общего сокращения происходил рост.

В 1942–1943 гг. проводились полномасштабные учения, в которых принимали участия все рода войск с привлечением речного флота (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 63). В 1944 г. на приграничной полосе учения проводились малыми группами, осуществлялись тактические занятия. Под предлогом нападения СССР на Маньчжурию, шла усиленная военная подготовка гражданского населения. Для этого из воинских подразделений выделялись инструкторы. Проводилась мобилизация в ряды Маньчжурской армии местного населения (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 237, 238).

Процесс наращивания боевых маньчжурских и японских подразделений был тесно связан с идеологической обработкой населения Маньчжурии против СССР через общества "Се-Хе-Ху" и "РФС–Русский фашистский союз". Проводились митинги, политические акции, на которых идеологи Японии разъясняли сущность Второй мировой войны и необходимость отчуждения территории Дальнего Востока СССР (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 5).

В приграничных районах Маньчжурии создаются подразделения разведки для сбора данных о дислокации воинских частей Красной Армии, состоянии советских укрепрайонов, расположении шоссе и железных дорог, аэродромов и мостов. Жандармерия и пограничная полиция Маньчжоу-го также собирали сведения об экономическом и политическом состоянии дальневосточного региона. В данные подразделения прибыли обученные специалисты, которые готовили разведчиков для сбора оперативной информации в дальневосточной пограничной зоне и передачи её в штаб японской разведки.

Осуществлялась подготовка диверсантов на базе отрядов ОСАНО, который насчитывал в своем составе 850 чел., имел хорошее вооружение и форму Красной Армии. На станции Хондохоцзы дислоцировалась школа юнкеров, выпускавшая каждый год по 50 разведчиков. Особый охранной отряд "Мут" на станции Яблоня западнее г. Муданьцзян с личным составом 40 чел., отряд на станции Вейшахе (90 чел.) готовили диверсантов и резервистов, которые должны были выполнять разведывательно-диверсионные задачи на территории Советского Союза, а в случае начала военных действий – ликвидировать

советские партизанские отряды (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 3, 5, 6).

По неполным сведениям, в 1942 г. на территории Маньчжурии насчитывалось 10 отрядов, сформированных вдоль линии маньчжурско-советской границы преимущественно из коренных малочисленных народов дальневосточного региона и лиц славянской внешности. Имелись и отдельные ударные диверсионные отряды, которые предназначались для захвата и удержания территории на определенное время (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 177. Л. 110).

Отделение военной разведки штаба Японской военной миссии, располагавшееся в г. Харбин, имело два филиала в г. Фуцзянь и г. Тунцзян. Агентами противника велось наблюдение за морскими, железнодорожными перевозками, количеством грузов, передислокацией войск, изучала систему охраны границы, дислокацию и численность пограничных войск, выявляла наличие иностранных воинских группировок на территории Дальнего Востока СССР (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 3).

Основными направлениями разведки являлись участки границы, находившиеся в сфере ответственности 76-го Екатеринбургско-Никольского, 77-го Бикинского и 56-го Благовещенского пограничных отрядов. Советские пограничники старались своевременно реагировать на нарушителей, выявлять среди них агентов и диверсантов. Так, за второе полугодие 1941 г. было выявлено 246 агентов, что составило 32% задержанных нарушителей, в 1943 г. – 85 (26,4%). Отмечался высокий уровень их подготовки для длительной работы на советской территории. Они знали русский язык, отлично ориентировались на местности, легко входили в контакт с местным населением, имели форму Красной Армии, маскировочные средства, большие запасы продовольствия, фотоаппараты высокого разрешения, позволяющие делать снимки местности (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 3; Д. 177. Л. 110).

В 1944 г. выявлено 218 наблюдательных пунктов, располагавшихся вдоль р. Амур, задержано 116 агентов противника, что составляет 38% из общего количества задержанных нарушителей. Их готовили для выполнения частных заданий на заранее определенной территории (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 238, 240). Предписывалось, изучив систему охраны границы, переходить её только в проверенных местах, скрытно и осторожно преодолевать заслоны пограничных войск СССР. Во избежание провала, диверсантам запретили вступать в контакт с местным населением дальневосточного приграничья, которое находилось на учете и все подозрительные контакты которого отслеживались. Они должны были взаимодействовать с ранее внедренными агентами, и осуществлять подрывную деятельность в советском тылу (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 75).

В 1945 г. на территории Маньчжурии был усилен пограничный режим, усилилась разведывательная деятельность. Наибольшую активность проявляла Сахалинская военная группировка, агенты которой были отлично подготовлены, знали топографию местности, владели фотоделом, имели разные виды огнестрельного оружия, знали интересы и потребности местного населения. У каждого задержанного агента имелся характерный набор вещей (бинокль, набор продуктов, компас, карта местности, фотоаппарат, схема передвижения советских пограничных нарядов). Некоторые лица неоднократно пересекали советскую границу на участках 56-го Благовещенского, 76-го Екатеринбургско-Никольского, 75-го Инокентьевского, 77-го Бикинского пограничных отрядов (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 178. Л. 4).

В мае 1945 г. Военной прокуратурой пограничных войск НКВД на Тихом океане были выявлены лица, работавшие с 1942 г. на японскую разведку. Занятые на подсобных работах на станции Гродеково, они отслеживали движение грузов и дислокацию частей Красной Армии в приграничье. Всего военная прокуратура выявила 26 чел. китайской национальности, которые выполняли задания японской разведки (ГАПК. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 16. Л. 137)².

Дополнительную угрозу представляли воздушные бои между США и Японией над акваторией территориальных вод СССР, которые входили в сферу ответственности 60-го Петропавловск-Камчатского (морского) погранично-

² ГАПК – Государственный архив Приморского края.

го отряда. Здесь было зафиксировано 139 нарушений воздушного пространства самолетами США и Японии, 15 самолетов США совершили вынужденную посадку на полуострове Камчатка. Происходили регулярные нарушения морского пространства СССР японскими подводными лодками, фиксировались случаи торпедирования японских рыболовецких судов в советских территориальных водах и у побережья Японии авиацией США. Акватория вблизи территориальных вод СССР контролировалась японскими военными кораблями, что угрожало восточному и западному побережью полуострова Камчатка и морским путям между СССР и США. Советские суда торгового флота, следовавшие Владивосток–Нагаево–США и Владивосток–Петропавловск-Камчатский–США подвергались проверке. Всего за 1943 г. было задержано 18 судов, 5 торпедировано подводными лодками, 4 досмотрено и задержано, 5 остановлено и опрошено (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 172, 242, 243).

Всего в годы Великой Отечественной войны на дальневосточной границе произошло 37 крупных боевых столкновений на сухопутном участке, 64 случая вооруженных столкновений на водном участке, 265 случаев авиационного обстрела приграничной территории Дальнего Востока. Отражали агрессивные действия пограничники своими силами, привлечение регулярных войск ограничивалось действующим договором о нейтралитете. Боевые столкновения носили характер организованного вооруженного нападения. До начала Великой Отечественной войны масштаб таких событий приравнивался к пограничному конфликту и для отражения агрессии привлекались соединения Красной Армии. (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Д. 176. Л. 13, 67; Д. 178. Л. 78; Ф. 231. Оп. 1. Д. 128. Л. 10, 12, 170, 242).

На каждое вооруженное нарушение составлялся рапорт и подавался в Главное управление пограничных войск и в Народный комиссариат иностранных дел. В рапорте отражались обстановка на границе на момент возникновения угрозы; оценка ситуации; причины возникновения угрозы; решения, принятые начальствующим составом округа, отряда, заставы в зависимости от масштаба агрессивных действий; составление плана-схемы на карте участка границы, где была отражена агрессия; привлечение к отражению агрессии других подразделений пограничных войск или привлечение группы войскового прикрытия границы Красной Армии (ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220 Оп. 1. Д. 673. Л. 11). Регулярные нарушения и вооруженные провокации стали основанием для денонсации пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией, а также вступления в войну с Японией.

В годы Второй мировой войны Дальний Восток СССР находился в зоне постоянно нарастающих внешних угроз. Япония создала мощную экономическую и военную базу на территории Манчжурии, завершила строительство транспортной инфраструктуры и линии обороны вблизи государственной границы СССР, которые планировалось использовать как плацдарм для осуществления военно-стратегических планов по захвату Дальнего Востока. Для сбора сведений о дислокации соединений Красной Армии и подразделений пограничных войск регулярно засылались агенты разведки Японской и Маньчжурской военных миссий, использовались подготовленные специалисты. Это обстоятельство увеличивало уязвимость дальневосточной пограничной территории, отражение военной угрозы усложнялось. переброска резервов зачастую была невозможна, пресекать агрессивные действия противника приходилось личному составу пограничных войск Приморского и Хабаровского пограничных округов НКВД СССР и группам войскового прикрытия границы Красной Армии.

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
2. Вооруженные силы Японии. История и современность. М.: Наука, 1985. 326 с.
3. Зайцев Ю.М. Подготовка сопредельной территории Дальнего Востока к войне (1932–1945 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 3. С. 5–14.

4. Горбунов Е.А. Восточный рубеж ОКДВА против Японской армии. М.: Вече, 2010. 464 с.
5. Государственная и квазигосударственная природа Манчжоу-го: исторические очерки. Иркутск, 2016. 254 с.
6. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.- корр. РАН Н.Н. Крадина, отв. ред. Г.А. Ткачева: монография. Владивосток: Дальнаука, 2020. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 3). 944 с.
7. История Второй мировой войны в 12 т. Т. 4 Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии "молниеносной войны". М.: Воениздат, 1975. 536 с.
8. Кулепанов Р.В. Развертывание сил Квантунской армии 1939-1942 гг. как угроза безопасности Советского Дальнего Востока // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 27. С. 78–91.
9. Кулепанов Р.В. Идеологический базис вооруженных сил Императорской Японии. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 26–35.
10. Полутов А.В. Радио разведка Квантунской армии против Дальнего Востока СССР (1932-1945) // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 89–103.
11. Полутов А.В. Деятельность Японской разведки против Тихоокеанского флота ВМФ СССР (1932–1945 гг.) // Материалы 5-й Всероссийской научной конференции. Том V. Проблемы тактики военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии: сборник научных статей. Владивосток: ТОВМИ им С.О. Макарова ВУНЦ ВМФ "ВМА", 2011. С. 22–43.
12. Рунов В.А. Все укрепрайоны и оборонительные линии Второй мировой. М.: 2014. 416 с.
13. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005. 331 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 5. Pobednyj final. Zavershayushhie operatsii Velikoj Otechestvennoj vojny v Evrope. Vojna s Yaponiej. M.: Kuchkovo pole, 2013. 864 s.
2. Vooruzhennyye sily Yaponii. Istoriya i sovremennost'. M.: Nauka, 1985. 326 s.
3. Zajtsev Yu.M. Podgotovka sopredel'noj territorii Dal'nego Vostoka k vojne (1932–1945 gg.) // Rossiya i ATR. 2010. № 3. S. 5–14.
4. Gorbunov E.A. Vostochnyj rubezh OKDVA protiv Yaponskoj armii. M.: Veche, 2010. 464 s.
5. Gosudarstvennaya i kvazigosudarstvennaya priroda Manchzhou-go: istoricheskie ocherki. Irkutsk, 2016. 254 s.
6. Dal'nij Vostok SSSR: 1941–1945 gg. / pod obshh. red. chl.- korr. RAN N.N. Kradi-na, отв. ред. Г.А. Ткачева: monografiya. Vladivostok: Dal'nauka, 2020. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 3). 944 s.
7. Istoriya Vtoroj mirovoj vojny v 12 t. T. 4 Fashistskaya agressiya protiv SSSR. Kra-kh strategii "molnienosnoj vojny". M.: Voennizdat, 1975. 536 s.
8. Kulepanov R.V. Razvertyvanie sil Kvantunskoj armii 1939-1942 gg. kak ugroza bezopasnosti Sovetskogo Dal'nego Vostoka // Trudy Instituta istorii, arkhologii i ehtnografii DVO RAN. 2020. T. 27. S. 78–91.
9. Kulepanov R.V. Ideologicheskij bazis vooruzhennykh sil Imperatorskoj Yaponii. // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2019. № 4. S. 26–35.
10. Polutov A.V. Radio razvedka Kvantunskoj armii protiv Dal'nego Vostoka SSSR (1932-1945) // Rossiya i ATR. 2013. № 3. S. 89–103.
11. Polutov A.V. Devatel'nost' Yaponskoj razvedki protiv Tikhookeanskogo flota VMF SSSR (1932–1945 gg.) // Materialy 5-j Vserossijskoj nauchnoj konferentsii. Tom V. Proble-my taktiki voenno-morskogo flota, voennoj istorii, geopolitiki i voenno-morskoy geografii: sbornik nauchnykh statej. Vladivostok: TOVMI im S.O. Makarova VUNTS VMF "VMA", 2011. S. 22–43.
12. Runov V.A. Vse ukreprajony i oboronitel'nye linii Vtoroj mirovoj. M.: 2014. 416 s.
13. Tkačeva G.A. Oboronno-ehkonomicheskij potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 1941–1945 gg. Vladivostok, 2005. 331 s.

Кондратенко Б. Б. Основные угрозы безопасности на дальневосточной границе СССР 1939–1945 гг.

В статье на основе исследований и материалов пограничного архива ФСБ России отражается процесс нарастания внешней угрозы на дальневосточной границе СССР в 1939–1945 гг. Приводятся данные о развитии военно-стратегического, экономического потенциала на территории Манчжурии. Показан процесс строительства и ремонта военных объектов вблизи советской границы. Раскрывается планирование агрессивных действий на территории Дальнего Востока и Сибири СССР. Описаны подготовительные мероприятия, которые проводились с местным приграничным населением Манчжурии. В заключении к статье представлен обобщающий вывод о факторах угроз безопасности дальневосточных рубежей. Показано, что агрессивные планы менялись в соответствии с геополитической обстановкой до самого завершения Второй мировой войны.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Вторая мировая война, военные угрозы, граница, военная стратегия, пограничные войска, конфликты*

Kondratenko B. B. Main threats to security on the Far Eastern border of the USSR in 1939–1945.

The article on the basis of studies and materials of the border archive of the FSB of Russia reflects the process of increasing external threat on the Far Eastern border of the USSR in 1939–1945. Data are given on the development of military-strategic economic potential in Manchuria. The process of construction and repair of military facilities near the Soviet border is shown. The planning of aggressive actions in the territory of the Far East and Siberia of the USSR is revealed. The preparatory measures that were carried out with the local border population of Manchuria are described. At the end of the article, a promising conclusion is presented on the security threat factors of the Far Eastern borders. It has been proved that aggressive plans changed in accordance with the geopolitical situation until the very end of World War II.

Key words: *Far East, World War II, military threats, security, border, military strategy, border troops, conflicts*

Для цитирования: Кондратенко Б. Б. Основные угрозы безопасности на дальневосточной границе СССР 1939–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 86–93. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/86-93

For citation: Kondratenko B. B. Main threats to security on the Far Eastern border of the USSR in 1939–1945 // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 86–93. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/86-93

УДК 625 (091)(571.12) "1980/1990"

Веселов С. И.

**О некоторых направлениях деятельности
союзных республик СССР в транспортном освоении
Западно-Сибирского нефтегазового комплекса:
организационно-производственный механизм и решение
социально-бытовых проблем (1980-е – начало 1990-х гг.)**

На рубеже 1970–1980-х гг. нефтегазовые ведомства на Севере Западной Сибири столкнулись с довольно острой проблемой – дефицитом автомобильных дорог. Расширение промышленного освоения вновь открытых месторождений и возрастание их удалённости от освоенных центров нефтегазодобычи приводили к эксплуатации промыслов без автодорог с капитальным типом покрытия, что осложняло схемы перевозки работающих вахт и повышало затраты на доставку строительных материалов в условиях бездорожья. Временным решением проблемы выступали грунтово-лежнёвые дороги, которые являлись наиболее дешёвым способом установления транспортного сообщения на месторождениях. Кроме грунтовых дорог, в 1960–1970-е гг. предприятия Минтрансстроя СССР построили 1,8 тыс. км автодорог с твёрдым покрытием [25, с. 328].

Но этой протяженности автодорог было недостаточно в связи с расширением ареала нефтегазового освоения. Вместе с тем сезонный характер эксплуатации грунтовых дорог и зимников, транспортная изолированность городов существенно сдерживали развитие нефтегазовой промышленности на Севере Западной Сибири. Для преодоления вышеуказанной проблемы отраслевые министерства (в первую очередь Миннефтепром и Мингазпром СССР), участвовавшие в создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК), лоббировали вопрос о создании новых автодорожных трестов в структуре Минтрансстроя и привлечения организаций союзных республик СССР. Выиграть в перспективе от этого должна была вся страна и население северных районов Западной Сибири, но создаваемая сеть автодорог мыслилась исключительно как ведомственная, а не общего пользования. Ведомственность в строительстве автодорог и их эксплуатации являлась одной из ключевых особенностей транспортного освоения Севера Западной Сибири.

Как известно, в исследуемый период значительную роль в насыщении трудовыми ресурсами дорожно-строительных организаций ЗСНГК играла внутренняя миграция. Немалый интерес вызывало освоение Севера не только в РСФСР, но и среди населения других союзных республик. Всё это связывалось с высоким уровнем материального вознаграждения, а также реальной возможностью решить жилищную проблему. Определённым запросом являлось желание внести личный вклад в освоение Севера. Ещё одним побудительным мотивом становилась престижность транспортных строек крупнейшего в стране нефтегазового комплекса [2, с. 22–23]. Одновременно рабочие из союзных республик, являвшиеся частью советского народа осознали причастность к "общему делу", что в целом объединяло усилия дорожных строителей Советского Союза. И, несмотря на сложные условия жизни, дополнительно мотивировало рабочих из союзных республик отправляться на Север строить автодороги и устраивать свой быт.

Однако совместная деятельность представителей союзных республик и дорожных строителей Минтрансстроя в транспортном освоении Западной Сибири не являлась предметом самостоятельного исследования. Некоторые аспекты участия белорусских дорожников в строительстве транспортных ком-

муникаций ЗСНГК рассматриваются в коллективном труде "Традиционная культура белорусов во времени и пространстве" [24]. Влияние трудовых миграций на формирование полиэтнического общества в ХМАО анализируется в работе И.Н. Стася [23]. Исключением представляется исследование В.П. Ключевой и Р. Чапайтене, в котором они предприняли попытку осмыслить участие литовских дорожников в освоении ЗСНГК в рамках теории исторической памяти [12]. Поэтому главной целью данной статьи является анализ ключевых направлений деятельности союзных республик в контексте выполнения субподрядных работ для Минтрансстроя СССР.

Привлечение дорожно-строительных организаций союзных республик на Север Западной Сибири имело определённо мобилизационный характер. В конце 1970-х гг. стала очевидна неразрешимость проблемы форсированного создания сети автодорог на нефтепромыслах исключительно силами Минтрансстроя. Эта проблема требовала скорейшего разрешения в связи с падением нефтегазодобычи. Об этом вспоминал Ш.С. Донгарян, бывший заместитель Министра нефтяной промышленности СССР в 1965–1989 гг. [8, с. 110–120]. Прогрессом в данном вопросе стало совещание, проведённое в начале 1980 г. у секретаря ЦК КПСС В.И. Долгих (курировавшего нефтегазовый комплекс. – *Прим. авт.*), в котором принимали участие заместитель Председателя Совета Министров СССР В.Э. Дымшиц, заместители министра нефтяной промышленности В.И. Игrevский, Ш.С. Донгарян, первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г.П. Богомяков, где одной из главных проблем, признавалось отставание в сооружении автодорожных коммуникаций на месторождениях, а также между городами и посёлками. В то время нефтегазовым ведомствам требовалось строить не менее 750 км автодорог в год, а предприятия Минтрансстроя могли ежегодно вводить в эксплуатацию только 170 км [8, с. 112].

Для мобилизации ресурсов в район интенсивного нефтегазового освоения было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1980 г. "О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса" (ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 202–227)¹. Постановление имело более широкую направленность, оно ставило задачу ускорить развитие строительной отрасли нефтегазового комплекса. В том числе определяло в дальнейшем усилить темпы автодорожного строительства на Севере Западной Сибири с вовлечением организаций восьми союзных республик: Советов Министров РСФСР, Украинской, Белорусской, Узбекской, Казахской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР (ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1673. Л. 205).

Основной целью дорожников союзных республик становилось строительство внутрипромысловых автодорог и отдельных участков межпромысловых магистралей для Миннефтепрома СССР. Помимо строительства дорог, представители Литовской и Эстонской ССР участвовали в сооружении жилых домов и реализации градостроительных планов ряда городов Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО): Когалым и Лянтор стали центральной базой литовских и эстонских дорожников на Севере. Одновременно с нефтяниками и газовиками дорожники Украинской и Латвийской ССР стояли у истоков создания некоторых городов и посёлков Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО): г. Ноябрьска и п. Вынгапуровский.

Координирующие функции в строительстве автодорог среди организаций союзных республик возлагались на производственное строительномонтажное объединение (ПСМО) "Запсибдорстрой" Минтрансстроя СССР во главе с А.И. Каспаровым, находившееся в г. Нижневартовске [11, с. 85]. Согласно архивным документам, на 1 января 1981 г. союзные республики сформировали восемь дорожно-строительных трестов и управлений: Совет Министров РСФСР – трест "Сибдорстрой" (г. Тобольск), Совет Министров Украинской ССР – "Укртюмендорстрой" (п. Ноябрьский); Совет Министров Белорусской ССР – "Белнефтедорстрой" (г. Нижневартовск); Совет Министров Литовской ССР – ДСУ-12 (п. Когалым); Совет Министров Латвийской ССР – "Латтюмендорстрой" (п. Вынгапуровский); Совет Министров Эстонской ССР – "Этсургутдорстрой" (п. Пим); Совет Министров Узбекской ССР – "Узтюмендорстрой"

¹ ГАТО – Государственный архив Тюменской области

(п. Нях) (ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6524. Л. 85–88). Для содействия в освоении нефтяных месторождений севера Томской области был организован трест "Казнефторстрой" в системе Минавтодора Казахской ССР [16, с. 11].

В начале 1980-х гг. работа дорожников союзных республик, как и первые крупные стройки Минтрансстрой СССР, начиналась с возведения производственных баз и жилищно-бытовых объектов. Ведомственные посёлки большинства союзных республик формировались централизованно. Местные власти выделяли участки под строительство посёлка, а его дальнейшее развитие и внешний облик во многом зависел от руководителей дорожных ведомств союзных республик.

Трудности становления новых дорожно-строительных предприятий получили заметное отражение в мемуарах строителей автодорог. К примеру, о 1980 г. управляющий трестом "Сибдорстрой" С.С. Шабуров (Минавтодор РСФСР. – *Прим. авт.*) вспоминал, что когда вышел с поезда в Тобольске, то на руках у него имелся только приказ об организации треста [1, с. 460]. Трест "Сибдорстрой" формировался с целью строительства стратегической автодороги Тобольск – Южный Балык, которая открывала путь на Нефтеюганск и Сургут. Из этого следует, что все подразделения треста требовалось за короткое время создать с нуля и укомплектовать кадрами. Содействие в становлении треста оказывал Тобольский горисполком, который разрешил занять бывшее здание общежития Тобольского педучилища под контору треста и место для проживания управленцев треста. Впоследствии трест построил для работников организации 80-квартирный дом [1, с. 460]. По имеющимся данным, большинство рабочих, прибывавших на строительство автомагистрали, было расселено в вагон-домах [17, с. 32].

Жилищно-бытовое обустройство дорожников треста "Узтюмендорстрой" в июле 1980 г. в п. Нях (будущий город Нягань. – *Прим. авт.*) происходило, как и у многих первопроходцев на Севере, с обустройства вагон-городка. В сентябре 1980 г. походно-полевая жизнь некоторых дорожников "солнечной республики" завершилась после окончания строительства четырехквартирного рубленого дома и установки восьми жилых вагончиков [26, с. 25, 28].

Заметно отличало становление ведомственных посёлков дорожных строителей прибалтийских республик. В этом большое значение сыграло стремление партийных функционеров ЦК КП Эстонии своевременно обеспечить дорожников жильём и создать благоприятные условия для выполнения планового задания по строительству автодорог. В августе 1980 г. эстонские власти просили Тюменский обком КПСС посодействовать в ускорении топографической съёмки и сборе данных по инженерной геологии территорий будущих посёлков. Заказчиком строительства посёлков выступал Главтюменнефтегаз, а генподрядчиком – Главтюменнефтегазстрой (ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6883. Л. 89, 91)².

Латвийские дорожники обживались на территории будущего посёлка Вынгапуровский. Как отмечал главный инженер треста "Латтюмендорстрой" О.А. Кронлак, 1981 г. был самым тяжелым для треста. К тому же в первый год работы латвийские дорожники ввели в эксплуатацию 20 км на Холмогорском месторождении, чем продемонстрировали свою выдержку в суровых северных условиях. В решении производственных и бытовых проблем способствовала взаимовыручка дорожников союзных республик и поддержка нефтяников НГДУ "Холмогорнефть". К 1982 г. в посёлке Дзинтари (так его называли латвийские дорожники. – *Прим. авт.*) были построены сборные щитовые дома общей площадью 4600 кв. м., в том числе бытовые и социально-культурные объекты (столовая, клуб, библиотека и т.д.) [15, с. 30].

С целью планомерного установления транспортного сообщения на нефтегазовых месторождениях, Минтрансстрой и объединение "Запсибдорстрой" распределили сооружение отдельных участков промысловых автодорог между организациями союзных республик. В начале 1980-х гг. украинским дорожникам было поручено освоение Карамовского и Муравленковского месторождения, белорусским – Урьевского и Локосовского, литовским – Когалымского и Повховского, латвийским – Холмогорского, эстонским – Лянторского,

² ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической истории Тюменской области

узбекским – Красноленинской группы месторождений. По мере обустройства и завершения строительства внутрипромысловых автодорог организации союзных республик постепенно переключались на новые месторождения.

В 1981–1983 гг. безуспешно выполняли программу транспортного освоения, намеченную постановлением, литовское ДСУ-12 и эстонский трест "Эстсургутдорстрой". Предварительным итогом деятельности эстонских и литовских дорожников стал ввод 160 км промысловых автодорог (ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2635. Л. 54). К особым заслугам литовских дорожников относятся автодороги Когалымского месторождения и мост через р. Ингу-Ягун, который соединил Когалым с железнодорожной станцией [14, с. 1]. Эстонские дорожники также отличились при строительстве промысловых автодорог Лянторского месторождения. А.В. Усольцев, управляющий трестом "Сургутнефтедорстройремонт" в 1984–1995 гг. с некоторой иронией вспоминал, что "мы строили дороги не хуже эстонских (дорожников. – Прим. авт.), может, конечно, вдоль дороги было не так "элегантно", но и темп не эстонский" [13, с. 89]. Справедливости ради отметим, что прибалтийские республики строили в среднем 20–30 км новых автодорог в год, тогда как "Сургутнефтедорстройремонт" только в 1984 г. отремонтировал 465,8 км (АОУДиИОАГС. Ф. 137. Оп. 1. Д. 535. Л. 168)³. Впечатляющие объёмы работ, которые производил трест на восстановлении грунтово-лежнёвых дорог и асфальтировании межпромысловых автомагистралей, тем не менее не отменяют того факта, что автодороги, построенные эстонцами, были намного качественнее в плане благоустройства придорожной территории.

Особое место среди союзных республик занимали белорусские дорожники, которые вели строительство автодорог на месторождениях Нижневартковского района, где к концу 1984 г. было сдано более 200 км автодорог. На фоне общих успехов, белорусские дорожники в феврале 1985 г. пообещали ввести в эксплуатацию последний участок "бетонки" Лангепас – Мегион длиной 4,8 км, который не был предусмотрен планом года [19, с. 2]. Строительство данного участка нижневартковские дорожники передали тресту "Белнефтедорстрой", но по этой автодороге требовалось получить проектную документацию и разрешение на ведение работ в охранной зоне нефтепровода. Но начальник ДСУ-6 треста "Белнефтедорстрой" Г.А. Новиков заявлял, что рабочие и ИТР приложат все усилия для своевременного ввода дороги Лангепас – Мегион в IV квартале года [5, с. 2]. И что удивительно, несмотря на вышеуказанные проблемы, белорусские дорожники сдержали своё обещание. В заключительном квартале 1985 г. автодорога была введена в строй (АОАГН. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 118)⁴.

На территории ЯНАО, которая требовала большего внимания в транспортном освоении, вели сооружение автодорог Украинская и Латвийская ССР. Деятельность дорожников союзных республик постоянно контролировалась партийными властями – Ямало-Ненецким окружкомом КПСС. Активность проявляли партийные руководители из этих республик, которые часто навещали на транспортные стройки. Пристальный контроль со стороны вышестоящих дорожных ведомств и партийных властей округа давал некоторые результаты. В 1983 г. тресты "Укртюмендорстрой" и "Латтюмендорстрой" перевыполнили план строительства автодорог и ввели в эксплуатацию 238 км (ГАСПИТО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1719. Л. 106).

Существенную роль в развитии транспортной инфраструктуры на Севере Западной Сибири играло взаимодействие генподрядчиков и субподрядчиков автодорожного строительства. Координировали деятельность субподрядных организаций союзных республик на местах тресты "Сургутдорстрой" и "Нижневартковскдорстрой". Так, в 1983 г. украинские дорожники объединенными усилиями трестов "Сургутдорстрой" и "Латтюмендорстрой" укладывали железобетонные плиты на автодороге ст. Ноябрьская – товарный парк Холмогорского месторождения. Совместные действия союзных республик и дорожников Минтрансстроя СССР позволили тресту "Укртюмендорстрой" выйти на

³ АОУДиИОАГС – Архивный отдел управления документационного и информационного обеспечения Администрации г. Сургута

⁴ АОАГН – Архивный отдел Администрации г. Нижневартовска

главный транспортный объект – строящуюся автомагистраль Холмогорское – Муравленковское месторождение протяжённостью 35 км и ускорить темпы её сооружения [10, с. 11].

Весомый вклад союзных республик зафиксирован в совершенствовании технологии строительства автодорог. Небезызвестно, что основой транспортных коммуникаций нефтегазовых месторождений в ХМАО и ЯНАО являлись автодороги с железобетонным покрытием. Указанные автомагистрали, состоявшие из земляного полотна, цементного основания и железобетонного покрытия ПАГ-14, относились к III-IV технической категории промышленных путей сообщения. Относительно ускоренное сооружение данного типа автодорог представляло возможность компенсировать сжатые временные рамки строительного сезона (короткое лето и ранние заморозки) на Севере. В начале 1980-х гг. специалисты треста "Этсургутдорстрой" во главе с А.Я. Рачинским внедряли на Лянторском месторождении конструкцию дороги без использования цемента. Технологической основой стал метод строительства основания автодороги с использованием сланцевой золы – отходов сланцевой промышленности, производимой в Эстонии [21, с. 2].

Особенностью узбекских дорожников в сооружении транспортных коммуникаций в районе г. Нягани становилось возведение земляного полотна методом пригрузки и укрепления откосов торфопесчаной смесью. Как и эстонские дорожники, в 1981–1983 гг. специалисты треста "Узтюмендорстрой" использовали в качестве общепринятой конструкции дорожной одежды аэродромные плиты ПАГ-14 или предварительно-напряжённые дорожные плиты ПДН, укладываемые на монтажный слой из цементопеска (АОАГ Нягани. Ф. 86. Оп. 1. Д. 3. Л. 152)⁵. Таким методом были построены автодороги к Ем-Ёговскому и Талинскому месторождениям, а также 20 км бетонки на улицах п. Няг [26, с. 42].

Белорусские дорожники к концу одиннадцатой пятилетки проложили автодороги к шестой очереди знаменитого Саяногорского месторождения [3, с. 125]. При научном сопровождении специалистов "БелдорНИИ" осуществлялась работа по совершенствованию технологических процессов в тресте "Белнефтедорстрой" с целью ускорения темпов сооружения промысловых автодорог [18, с. 11].

Существенно отличало территорию Ямала от Югры ещё более короткий строительный сезон, который накладывал дополнительные ограничения при строительстве автодорог в условиях тундры. Это было связано со сложным рельефом местности Сибирских увалов, отличающимся бугристым торфяным покровом и кочковатой поверхностью. Однако украинские и латвийские дорожники придерживались классической технологии отсыпки земляного полотна автодорог. Это было обусловлено тем, что месторождения в районе г. Ноябрьска находились в зоне тайги, где был более уместен опыт строительства автодорог в ХМАО. Поэтому специалисты треста "Укртюмендорстрой" считали, что выторфовка болот и осадка насыпи на минеральное дно позволяет гарантировать надёжность и устойчивость конструкции автодороги. При этом в зависимости от типа болот, консистенции их минерально-органических составляющих применялись следующие методы посадки насыпи на дно: 1) обычная выторфовка экскаваторами или бульдозерами; 2) с помощью энергии взрыва, когда разрушаются связи в торфяной массе и создаются благоприятные условия для осадки насыпи [10, с. 15–17]. Наконец, латвийские дорожники повсеместно внедряли в конструкцию основания дорожного покрытия нетканые синтетические материалы (дорнит), которые укладывались полосами под швы и края железобетонных плит [15, с. 30].

Как известно, в 1981–1983 гг. объединение "Запсибдорстрой" Минтрансстроя СССР ввело в эксплуатацию 2020 км автодорог для предприятий и ведомств, расположенных на территории ХМАО и ЯНАО [4, с. 91]. И в этом есть большая заслуга субподрядчиков – союзных республик.

Данные из таблицы 1 показывают, что в 1981–1983 гг. почти все союзные республики выполнили задание по строительству автодорог. Из 2020 км автодорог, введенных в строй ПСМО "Запсибдорстрой", по субподряду, союзные республики построили 811,1 км автодорог (40%). В 1981 г. отмечались

⁵ АОАГ Нягани – Архивный отдел Администрации г. Нягани

Таблица 1. Выполнение задания по строительству автодорог союзными республиками на территории ЗСНГК в 1981–1983 гг. (без Казахской ССР)

Название республики	1981		1982		1983		Итого	
	план, в км	факт, в км	план, в км	факт, в км	план, в км	факт, в км	план, в км	факт, в км
РСФСР	40	40	60	60,2	60	60	160	160,2
Украинская ССР	40	42,6	60	60,4	60	60	160	163
Белорусская ССР	30	18,4	60	62,6	60	60,5	150	141,5
Узбекская ССР	20	20,1	40	40,3	40	40,7	100	101,1
Литовская ССР	20	20	30	30	30	30	80	80
Латвийская ССР	20	20	30	30	30	30	80	80
Эстонская ССР	20	20	30	30	30	35,3	80	85,3
Всего по республикам	190	181,1	310	313,5	310	316,5	810	811,1

Источник: составлено на основе: [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2635. Л. 54–57].

некоторые трудности у белорусских дорожников, связанные с недостатком транспорта и несвоевременной поставкой железобетонных плит. Любопытно, что данные по Казахской и Узбекской ССР отсутствуют в отчётах объединения "Запсибдорстрой". По всей видимости, субподрядные работы между этими республиками оформлялись напрямую между Минтрансстроем СССР и Советами Министров указанных республик. Информация о вводе автодорог Узбекской ССР нами обнаружена в фонде треста "Узтюддорстрой" Няганского городского архива.

Высоко оценивали качество дорожно-строительных работ Литовской и Эстонской ССР в производственных объединениях Главтюменнефтегаза. Именно они принимали автодороги в эксплуатацию и были заинтересованы в качественном исполнении подрядных работ. К примеру, в пояснительной записке к бухгалтерскому отчёту объединения "Сургутнефтегаз" за 1983 г. содержатся положительные отзывы о деятельности литовских и эстонских дорожников (АОАГС. Ф. 137. Оп. 1. Д. 406. Л. 189). В 1985 г. специалисты объединения отделинно подчёркивали: "отличного качества строительства автомобильных дорог добились эстонские строители" (АОАГС. Ф. 137. Оп. 1. Д. 662. Л. 252).

К тому же результативность дорожных строителей союзных республик определялась мотивацией и заинтересованностью в освоении "необжитого края". Например, латвийский журналист Илья Дименштейн, вспоминая свою командировку в ЯНАО, отмечал, что латышской насильственно никто не отправлял работать на Север. Желающих трудиться и строить автодороги привлекала не только северная романтика, но и высокий уровень оплаты труда. "Зарботки действительно были хорошие, – пишет И. Дименштейн, – от 800 рублей и выше. Северный коэффициент 1,7 рос каждые полгода" [7, с. 11].

Согласно партийно-правительственному постановлению от 20 августа 1985 г. "О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986–1990 годах", союзным республикам поручалось построить 2150 км автодорог. Более сложное задание получили дорожники Украинской и Белорусской ССР – по 350 км на пятилетку каждой республике, то есть ежегодно предполагалось вводить в эксплуатацию по 70 км автодорог. РСФСР и Казахская ССР – по 300 км (из расчёта по 60 км в год); Узбекская ССР – 250 км (50 км в год); Литовская, Латвийская и Эстонская ССР – по 200 км (40 км в год) (ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 1799. Л. 32об). Архивные документы подтверждают тот факт, что союзные республики в самом начале "перестройки" благополучно выполняли задачи транспортного освоения месторождений. Так, в 1986 г. союзные республики сдали в эксплуатацию 433,7 км автодорог

(при плане 430 км). Однако в 1987 г. они представили к приёмке только 372,1 км (план 430 км) в связи с перебоями в поставках строительных материалов. И всё же программа строительства по объединению "Запсибдорстрой" была выполнена. Введено в эксплуатацию 983 км автодорог (годовой план 946 км), что при общих затратах на подрядные и субподрядные работы составило более 700 млн руб. капитальных вложений (РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 6830. Л. 285)⁶.

Ко второй половине 1980-х гг. дорожные строители некоторых союзных республик создали относительно благоустроенные ведомственные посёлки. Исследователи В.П. Клюева и Р. Чапайтене отмечают положительный опыт литовских дорожников ДСУ-12 в создании благоустроенного посёлка (микрорайона) в черте г. Когалыма [12, с. 44]. Однако "когалымский проект", ставший предметом гордости литовского общества, не был единственным на Севере Западной Сибири. Различные варианты создания и развития ведомственных посёлков в 1980-е гг. продемонстрировали украинские, белорусские, латвийские, эстонские и узбекские дорожники. Следовательно, возникает вопрос о качестве реализации проектов ведомственных посёлков у каждой из республик и трудностях материального обеспечения дорожников на Севере.

Об этом нам говорят материалы местных газет. В заметке газеты "К победе коммунизма" за 1986 г. о посёлке треста "Этсургутдорстрой" говорилось, что он располагался на территории соснового бора, где находились уютные домики голубого цвета, столовая, баня, прачечная, клуб. Журналистку поразило то, что через дорогу в п. Лянторском был один песок, зеленые островки – редкость. А у эстонских дорожников были высажены клумбы цветов, от которых глаз не оторвать. При всём этом они построили теплицу и в свободное время занимались растениеводством. "Увлечлись огородничеством здесь настолько, – отмечалось в газете, – что, загружая в Таллине вагоны дорожными плитами, другими строительными материалами, не забывают они и удобрения прихватить" [22, с. 2].

К 1987 г. специалисты треста "Укртюмендорстрой" в черте г. Ноябрьска построили ведомственный посёлок с центральным отоплением и водоснабжением. На территории посёлка появилась школа, детский сад, продовольственный магазин, столовая на 100 мест, баня, клуб и спорткомплекс. Основу жилого фонда посёлка составляли сборные деревянные дома, поставившиеся с Талицкого деревообрабатывающего завода [10, с. 4, 11]. Работа и отдых в тресте были организованы следующим образом: вахтовые посёлки располагались на трассе, где работники непосредственно занимались возведением автодорог на расстоянии 50–100 км от центральной базы, расположенной в Ноябрьске. "Поработав определённое время на трассе, – писал управляющий трестом Ф.С. Закурдовец, – рабочий возвращается в центральный посёлок для отдыха" [9, с. 2].

Но присущие освоению Севера временные типы жилья (вагон-городки и балки) оставались преобладающими среди некоторых дорожно-строительных организаций союзных республик. Так, например, в ноябре 1987 г. няганская газета "За коммунизм" раскритиковала трест "Узтюмендорстрой" за медленное строительство собственного микрорайона "Дорожник" в восточной части Нягани [20, с. 1]. Но руководство треста не согласилось с мнением редакции газеты и подготовило ответное письмо, в котором отмечалось возрастание производственных задач, приведших к росту численности работников и удаленности объектов от города. Помимо того, узбекские дорожники указывали в письме на то, что у них в случае передислокации на новое место работы имелись только вагончики, а щитовых домов сборной конструкции трест не имеет (АОАГ Нягани. Ф. 97. Оп. 1. Д. 47. Л. 48–50). Однако на страницах журнала "Автомобильные дороги" говорилось об улучшении жилищных условий дорожников треста "Узтюмендорстрой", но это не соответствовало действительности [6, с. 3]. По данным на 1 января 1990 г., в тресте из 841 чел. работающих, проживали в квартирах – 105 чел., балках – 26 чел., вагончиках – 514 чел. и в общежитиях – 196 чел. Следовательно во временном жилье (вагончиках и балках) находились 64,2% работников треста (АОАГ Нягани.

⁶ РГАЭ – Российский государственный архив экономики

Ф. 86. Оп. 1. Д. 24. Л. 56). Из этого следует, что жилищные условия узбекских дорожников в Нягани оставляли желать лучшего.

Приведённые примеры наглядно иллюстрируют как положительный, так и отрицательный опыт решения жилищно-бытовых проблем дорожных строителей союзных республик. Первоочередное выполнение производственных заданий приводило к снижению внимания к вопросам создания развитой социально-бытовой инфраструктуры в дорожно-строительных организациях, что в некоторой степени дестабилизировало трудовые коллективы и являлось причиной высокой текучести кадров. В 1989–1991 гг. усугубляло проблему общее снижение капиталовложений как в автодорожное строительство, так и в целом в транспортное освоение ЗСНГК. На производственном уровне тенденцию падения темпов строительства автодорог отмечали руководители Минтранстроя, начальники объединений, управляющие трестами и управлениями.

В справке от 9 января 1991 г. "О работе Минтранстроя СССР по строительству объектов в Тюменской области", представленной к совещанию в Совете Министров СССР, отмечалось, что по сравнению с 1988 г. объём выполненных строительно-монтажных работ (СМР) снизился в 1990 г. на 577 млн руб. или на 46%. Снижение объёмов СМР было вызвано в первую очередь уменьшением лимитов на материально-технические ресурсы. Если в 1989 г. этот объём составлял 856 млн руб. (100% годового объёма), то в 1990 г. – 600 млн руб. (97%). Однако уже в 1991 г. последовало ещё более стремительное сокращение лимитов до 388 млн руб. (55,4 % годового объёма). Показательно, что снижение капиталовложений в транспортное строительство Тюменской области осуществлялось в основном за счет сокращения лимитов на ресурсы наиболее затратного и трудоёмкого автодорожного строительства (РГАЭ. **Ф. 9538. Оп. 16. Д. 7959. Л. 2).**

В августе 1989 г. руководитель треста "Сибдорстрой" Минавтодора РСФСР А.В. Ракецкий в своём письме в Тюменский облисполком писал о довольно тревожной ситуации, складывающейся в подведомственных дорожно-строительных управлениях. Поскольку на 1991 г. трест планировал завершение строительства автодороги Тобольск – Южный Балык, то среди специалистов вызывало тревогу отсутствие дополнительных объёмов работ, что должно было в перспективе привести к сокращению численности штата работников и упразднению ряда ДСУ (ГАТО. **Ф. 814. Оп. 1. Д. 7633. Л. 277).**

Значительно дополняют картину транспортного освоения воспоминания А.И. Каспарова, в которых он отмечал, что на рубеже 1980–1990-х гг. объединение "Запсибдорстрой" стало стремительно терять темпы строительства во многом из-за спада добычи нефти и газа и как следствие снижения темпов ввода новых месторождений, на освоении которых специализировалось объединение "Запсибдорстрой". Кризисные явления в нефтегазовой промышленности региона затронули сложившуюся систему подрядных и субподрядных работ в автодорожном строительстве. Транспортное строительство на Севере Западной Сибири сокращалось в контексте усиления центробежных тенденций в Советском Союзе, расширении экономической и политической самостоятельности союзных республик [11, с. 104–108].

Снижение темпов добычи нефти и газа, а также цен на углеводородные ресурсы оказывало непосредственное влияние на приток финансирования в Тюменскую область. В 1988 г. в северных районах области было добыто 394,9 млн тонн, а в 1989 г. – 383 млн тонн. Негативные факторы в экономике области в годы XII пятилетки Тюменский обком КПСС связывал с техногенными катастрофами и природными катаклизмами (Чернобыльской аварией, землетрясением в Армении). Ко всему этому обострилась ситуация с общим снижением административной ответственности руководителей предприятий за невыполнение договорных обязательств, падением трудовой дисциплины (ГАСПИТО. **Ф. 124. Оп. 1. Д. 6141. Л. 28).**

Закономерным следствием этих процессов являлась стагнация темпов транспортного освоения северных районов Тюменской области, что также тревожило региональные органы советской власти. В записке председателя облисполкома Л.Ю. Рокецкого, представленной в Совет Министров СССР 9 января 1991 г. отмечалось, что основной причиной сложившейся ситуации яв-

лялась проблема несбалансированности производственных планов с уровнем материально-технического обеспечения. Это повлекло за собой сворачивание деятельности привлечённых организаций (РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 7959. Л. 2). Кроме того, одной из предпосылок данного явления в сфере снабжения стала демонополизация предприятий материально-технического обеспечения, которая проводилась в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 августа 1990 г. № 835 "О мерах по демонополизации народного хозяйства".

Тем самым, на рубеже 1980–1990-х гг. структурные реформы советской экономики с привнесением элементов рыночной экономики (неоправданного расширения рамок свободной конкуренции, ограничения распределения фондов, отказа от жёсткого прикрепления поставщиков к потребителям и т.д.), не учитывающие специфики планового ведения хозяйства, нарушили систему обеспечения транспортного строительства, складывавшуюся на протяжении десятилетий.

В 1990-е гг. по объективным обстоятельствам прекратили деятельность на территории ХМАО и ЯНАО предприятия бывших союзных республик: латвийские дорожники в 1994 г., эстонские – в 1996, литовские – в 1999. Впрочем, благодарные потомки оценили вклад дорожников союзных республик в транспортное освоение Севера. В Лянторе напоминает нам об участии в строительстве автодорог улица Эстонских дорожников. В 1997 г. именем первого руководителя узбекских дорожников Р.И. Раимкулова названа одна из улиц г. Нягани [26, с. 31]. Город Лангепас, построенный трестом № 37 Минстроя Белорусской ССР, пестрит названиями улиц, отсылающими нас к Белоруссии: Белорусское шоссе, Дорожников и Минская [3, с. 114]. На территории ЯНАО в п. Вынгапуровский есть улицы Рижская и Дорожников, где на въезде стоит бетонная плита с надписью "400 километров дорог – нефтяникам Сибири от дорожников Латвии" [27]. В г. Ноябрьске в честь украинских дорожников и строителей названы улицы Дорожная, Киевская и Шевченко.

Подводя итог, отметим, что в деятельности республиканских дорожных подразделений прослеживаются два периода, отличающихся по условиям и результатам реализации комплексных программ транспортного освоения. В 1981–1983 гг. формировался организационно-производственный механизм организаций союзных республик, развивалась социально-бытовая инфраструктура в соответствии с северной спецификой. Их предприятия вели строительство автодорог в неосвоенных и труднодоступных районах.

В период "перестройки" меняется социально-экономическая ситуация в стране. В 1986–1988 гг. генеральный подрядчик в лице объединения "Запсибдорстрой", а затем субподрядчики – союзные республики, довольно успешно возводили транспортные коммуникации с перевыполнением плановых заданий. Достижения союзных республик и высокое качество дорожного полотна отмечали генеральные заказчики – нефтегазовые объединения. Однако в 1989–1991 гг. дорожно-строительные предприятия стали испытывать трудности в материально-техническом обеспечении строек по объективным причинам. Структурные реформы советской экономики не привели к её ускорению в области транспортного строительства, а наоборот способствовали ухудшению обеспечения строек необходимыми ресурсами, нарушению хозяйственных связей с прежними поставщиками строительных материалов вследствие территориального и экономического разобщения союзных республик и сокращению капиталовложений в транспортное освоение севера Тюменской области.

Несомненно, деятельность дорожников союзных республик в течение 1980-х – начала 1990-х гг. в транспортном освоении ЗСНГК способствовала преодолению бездорожья районов нефтегазового освоения. В этот период были обустроены месторождения северной части Сургутского района, расширено транспортное освоение Нижневартовского района в восточном и северном направлениях, установлено автодорожное сообщение между Лангепасом и Нижневартовском. В дополнение к этому ряд городов ХМАО и ЯНАО были соединены круглогодичным транспортным сообщением: Сургут с Когалымом и Ноябрьском. Несомненной заслугой дорожников РСФСР является автодорога Тобольск – Южный Балык, соединившая автономные округа с южными районами Тюменской области. Впоследствии эта автодорога стала опорным участком автомагистрали федерального значения Тюмень-Ханты-Мансийск.

Совместно с дорожниками Минтрансстроя союзные республики ускорили транспортное освоение нефтегазовых месторождений южной части Пуровского района ЯНАО.

Предметом гордости узбекских дорожников является транспортное освоение Краснотенинского свода месторождений, где они проложили автодороги через труднопроходимые болота. Примечательно, что предприятия союзных республик отличало высокое качество построенных железобетонных автодорог. Наши материалы свидетельствуют о том, что дорожники союзных республик стремились усовершенствовать технологию автодорожного строительства на нефтегазовых месторождениях. Об этом говорит опыт украинских, эстонских, латвийских дорожников и специалистов других республик. Несмотря на все сложности, некоторым союзным республикам удалось обеспечить дорожных строителей благоприятными жилищно-бытовыми условиями. Достигнутые успехи неотрывно связаны с помощью региональных властей, нефтегазодобывающих и дорожных объединений, координировавших основные направления промышленного строительства. Очевидно, что дорожники союзных республик внесли заметный вклад в строительство транспортной инфраструктуры нефтегазового комплекса и дальнейшее пространственное расширение сети автомобильных дорог в ХМАО и ЯНАО.

Литература

1. 100 выдающихся дорожников. М.: Дортранспечать, 2007. 496 с.
2. Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 176 с.
3. Аникеев Л.С. Белорусская Сибирь. Очерки. М.: Изд-во ИПО Профиздат, 2000. 464 с.
4. Веселов С.И. Форсирование автодорожного строительства в северных районах Западной Сибири (1980-е – начало 1990-х гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 421. С. 88–94.
5. Газете отвечают // Ленинское знамя. 1985. 22 июня. № 120. С. 2.
6. Гусаков А.А. Равнение на лучших // Автомобильные дороги. 1985. № 4. С. 3.
7. Дименштейн И. Личный опыт: как латвийцы строили дороги на Советском Севере // PRESS.LV – латвийский новостной интернет-портал, [Электронный ресурс]. URL: <https://press.lv/post/lichnyj-opyt-kak-latvijtsy-stroili-dorogi-na-sovetskom-severe> (дата обращения: 11.06.2020).
8. Донгарян Ш.С. Подвиг создателей: к сорокалетию нефти в Западной Сибири // Ветераны: из истории нефтяной и газовой промышленности. М.: ЗАО "Нефтяное хозяйство, 2006. Вып. 19. С. 95–140.
9. Загордонец Ф. Чему учит опыт // Северный луч. 1981. 15 сентября. № 110. С. 2.
10. Загордонец Ф.С., Нестеренко Ю.Т., Б.А. Первов. Дорожники Украины – нефтяникам Тюмени. Киев: Будівельник, 1987. 48 с.
11. Каспаров А.И. Дорога длинною в жизнь. М.: Витязь-братишка, 2008. 159 с.
12. Ключева В.П., Чапайтене Р. "Малая Литва" посреди больших тюменских болот: репрезентации, память, наследие // Вестник Пермского ун-та. Сер. "История". Вып. 3 (46). С. 34–48.
13. Коваленко Е.П. Главная дорога: посвящ. 25-летию тр. "Сургутнефтедорстройремонт" ОАО "Сургутнефтегаз". Сургут: Нефть Приобья, 2006. 251 с.
14. Кречина З. Мост в строю // Ленинская правда. 1983. 21 октября. № 202.
15. Кронлак О.А. Дорожники Латвии на Тюменской земле // Автомобильные дороги. 1982. № 8. С. 30.
16. Латышева Г. Дорожники Казахстана – на стройках Сибири // Автомобильные дороги. 1981. № 8. С. 11.
17. Мальцев В.В. Передвижные жилые вагоны длястроек Сибири // Автомобильные дороги. 1982. № 4. С. 32.
18. Мэтру дорожно-строительной отрасли – 50 // РУП "Белстройцентр", [Электронный ресурс]. URL: <https://bsc.by/ru/story/metru-dorozhno-stroitelnoy-otrasli-50> (дата обращения: 02.06.2020).
19. Никитин И. Дороги к месторождениям // Ленинская правда. 1985. 21 февраля. № 37. С. 2.
20. Петрачук Ю. Лето в середине августа // За коммунизм. 1987. 10 ноября. № 134. С. 1.
21. Рачинский А. Дороги Лянтора // Ленинская правда. 1981. 11 августа. С. 2.

22. Сенькина З. Эстонский вариант // К победе коммунизма. 1986. 19 августа. № 160. С. 2.
23. Стась И.Н. Дрейф этничности в процессе нефтегазового освоения и урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960–1980-е гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 414. С. 134–140.
24. Титовец А.В. (и др.). Традиционная культура белорусов во времени и пространстве; под науч. ред. А.В. Титовца; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорусской культуры, языка и литературы, Фил. "Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы". Минск: Белорусская наука, 2013. 578 с.
25. Тюменский меридиан. М.: Политиздат, 1983. 336 с.
26. Узтюмендорстрой, дорожно-строительный трест, 1980–2010 годы. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2010. 127 с.
27. Фактор временности? Это не о нас // Вынгапур-онлайн, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vyngapur.ru/publ/otyschi-za-purgoy-vyngapur/faktor-vremennosti-eto-ne-o-nas> (дата обращения: 08.06.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. 100 vydayushhikhysya dorozhnikov. M.: Dortranspechat', 2007. 496 s.
2. Alekseev V.V., Logunov E.V., Shabanov P.P. Opyt resheniya kadrovyykh problem v neftegazovom stroitel'stve Sibiri (na materialakh Glavsibtruboprovodstroya). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1987. 176 s.
3. Anikeev L.S. Belorusskaya Sibir'. Ocherki. M.: Izd-vo IPO Profizdat, 2000. 464 s.
4. Veselov S.I. Forsirovanie avtodorozhnogo stroitel'stva v severnykh rajonakh Zapadnoj Sibiri (1980-e – nachalo 1990-kh gg.) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2017. № 421. S. 88–94.
5. Gazete otvechayut // Leninskoe znamya. 1985. 22 iyunya. № 120. S. 2.
6. Gusakov A.A. Ravnenie na luchshikh // Avtomobil'nye dorogi. 1985. № 4. S. 3.
7. Dimenshtejn I. Lichnyj opyt: kak latvijtsy stroili dorogi na Sovetskom Severe // PRESS.LV – latvijskij novostnoj internet-portal, [Elektronnyj resurs]. URL: <https://press.lv/post/lichnyj-opyt-kak-latvijtsy-stroili-dorogi-na-sovetskom-severe> (data obrasheniya: 11.06.2020).
8. Dongaryan Sh.S. Podvig sozidatelej: k sorokaletiyu nefti v Zapadnoj Sibiri // Veterany: iz istorii neftyanoj i gazovoj promyshlennosti. M.: ZAO "Neftyanoe khozyajstvo, 2006. Vyp. 19. S. 95–140.
9. Zakordonets F. Chemu učit opyt // Severnyj luch. 1981. 15 sentyabrya. № 110. S. 2.
10. Zakordonets F.S., Nesterenko Yu.T., B.A. Pervov. Dorozhniki Ukrainy – neftyanikam Tyumeni. Kiev: Budivel'nik, 1987. 48 s.
11. Kasparov A.I. Doroga dlinnoy v zhizn'. M.: Vityaz'-bratishka, 2008. 159 s.
12. Klyueva V.P., Chapajtene R. "Malaya Litva" posredi bol'shikh tyumenskikh bolot: reprezentatsii, pamyat', nasledie // Vestnik Permskogo un-ta. Ser. "Istoriya". Vyp. 3 (46). S. 34–48.
13. Kovalenko E.P. Glavnaya doroga: posvyashh. 25-letiyu tr. "Surgutneftedorstrojremont" OAO "Surgutneftegaz". Surgut: Neft' Priob'ya, 2006. 251 s.
14. Krechina Z. Most v stroyu // Leninskaya pravda. 1983. 21 oktyabrya. № 202.
15. Kronlaks O.A. Dorozhniki Latvii na Tyumenskoj zemle // Avtomobil'nye dorogi. 1982. № 8. S. 30.
16. Latysheva G. Dorozhniki Kazakhstana – na strojkakh Sibiri // Avtomobil'nye dorogi. 1981. № 8. S. 11.
17. Mal'tsev V.V. Peredvizhnye zhilye vagony dlya stroek Sibiri // Avtomobil'nye dorogi. 1982. № 4. S. 32.
18. Mehtru dorozhno-stroitel'noj otrasli – 50 // RUP "Belstrojtsentr", [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bsc.by/ru/story/metru-dorozhno-stroitel'noj-otrasli-50> (data obrasheniya: 02.06.2020).
19. Nikitin I. Dorogi k mestorozhdeniyam // Leninskaya pravda. 1985. 21 fevralya. № 37. S. 2.
20. Petrachuk Yu. Leto v seredine avgusta // Za kommunizm. 1987. 10 noyabrya. № 134. S. 1.
21. Rachinskij A. Dorogi Lyantora // Leninskaya pravda. 1981. 11 avgusta. S. 2.
22. Sen'kina Z. EHstonskij variant // K победе коммунизма. 1986. 19 августа. № 160. S. 2.
23. Stas' I.N. Dreyf ehtnichnosti v protsesse neftegazovogo osvoeniya i urbanizatsii KHanty-Mansijskogo okruga (1960–1980-e gg.) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2017. № 414. S. 134–140.
24. Titovets A.V. (i dr.). Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve; pod nauch. red. A.V. Titovtsa; Nats. akad. nauk Belarusi, TSentr issled. belorusskoj kul'tu-

ry,azyzka i literatury, Fil. "In-t iskusstvedeniya, ehtnografii i fol'klora im. Kondrata Krapivy". Minsk: Belorusskaya nauka, 2013. 578 s.

25. Tyumenskij meridian. M.: Politizdat, 1983. 336 s.

26. Uztyumendorstroj, dorozhno-stroitel'nyj trest, 1980–2010 gody. KHanty-Mansijsk: Poligrafist, 2010. 127 s.

27. Faktor vremennosti? EHto ne o nas // Vyngapur-onlajn, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.vyngapur.ru/publ/otyschi-za-purgoy-vyngapur/faktor-vremennosti-eto-ne-o-nas> (data obrashheniya: 08.06.2020).

Веселов С. И. О некоторых направлениях деятельности союзных республик СССР в транспортном освоении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: организационно-производственный механизм и решение социально-бытовых проблем (1980-е – начало 1990-х гг.).

В статье анализируется участие дорожно-строительных организаций союзных республик в транспортном освоении крупнейшего Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Выявляются особенности возведения социально-бытовой инфраструктуры союзных республик в районах нефтегазового освоения и технологическое совершенствование строительства автодорог в северных условиях. Делается вывод о том, что союзные республики внесли значительный вклад в дело преодоления бездорожья на территории месторождений и включения городов севера Тюменской области в общероссийскую сеть автодорог.

Ключевые слова: *союзные республики, автодорожное строительство, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, ведомственные посёлки, дорожники, транспортное освоение, ХМАО, ЯНАО*

Veselov S. I. On some areas of activity of the Union republics of the USSR in the transport development of the West Siberian oil and gas complex: organizational and production mechanism and solution of social problems (1980s-early 1990s).

The publication analyzes the participation of road construction organizations of the union republics in the transport development of the largest West Siberian oil and gas complex. Features of construction of social and household infrastructure of the union republics in the areas of oil and gas development and technological improvement of road construction in the northern conditions are revealed. It is concluded that the union republics have made a significant contribution to overcoming off-road conditions on the territory of the fields and including the cities of the North of the Tyumen region in the all-russian road network.

Key words: *union republics, road construction, West Siberian oil and gas complex, departmental settlements, road workers, transport development, ХМАО, ЯНАО*

Для цитирования: Веселов С. И. О некоторых направлениях деятельности союзных республик СССР в транспортном освоении Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: организационно-производственный механизм и решение социально-бытовых проблем (1980-е – начало 1990-х гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 94–105. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/94-105

For citation: Veselov S. I. On some areas of activity of the Union republics of the USSR in the transport development of the West Siberian oil and gas complex: organizational and production mechanism and solution of social problems (1980s-early 1990s) // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 94–105. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/94-105

**Российский Дальний Восток в трансграничном
взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.):
итоги в сравнительной перспективе**

Введение

Вот уже более тридцати лет российский Дальний Восток (РДВ) вовлечен в разнообразное и все более расширяющееся трансграничное взаимодействие со своим великим соседом – Китайской Народной Республикой. Сама продолжительность этого периода и огромный потенциал Китая, с 2014 г. ставшего первой экономикой мира, позволяет предположить, что такое взаимодействие не могло не оказать сильного влияния на то, чем является дальневосточный макрорегион России сегодня. Однако, каким именно способом следует оценивать итоги этого взаимодействия? Ведь от выбора стратегии оценки может в решающей степени зависеть и полученный вывод.

Если не принимать в расчет наиболее простого способа подведения итогов, описывающего состояние изучаемого процесса на заданную дату, можно выделить три крупных стратегии подобной оценки¹. Первая из них может быть названа внутренней сравнительной оценкой, которая предполагает сравнение параметров процесса в условной итоговой точке с его параметрами в одной или нескольких предшествующих временных точках. Типичным средством такой оценки служит сравнительно-исторический метод. Вторая стратегия – назовем ее внешней сравнительной оценкой – предусматривает сравнение данного процесса с синхронными ему другими процессами в одних и тех же временных точках. Инструментом этой внешней оценки может быть сравнительно-пространственный анализ однотипных процессов разного географического положения или масштаба (уровня). Наконец, третья стратегия оценки отличается от названных тем, что включает в рассмотрение субъектов оцениваемого процесса, учитывая их ожидания от этого процесса и преследуемые в нем цели. Исходя из этого, данную стратегию можно назвать внутренней субъективной оценкой. В зависимости от того, с позиции какого именно субъекта процесса – политико-управленческой элиты или масс – оцениваются его объективные результаты, подобное сравнение субъективного и объективного может опираться на различные методы анализа плановых документов или общественного мнения.

Многомерные процессы, участниками которых являются такие сложные системы, как государства и регионы, невозможно оценить целостно и сбалансированно, оставаясь в рамках только одной из указанных стратегий. Приблизиться к этому позволяет та или иная форма комбинирования разных стратегий. Поэтому цель предлагаемого исследования можно сформулировать следующим образом: получение комбинированной оценки результатов трансграничного взаимодействия² с Китаем, достигнутых РДВ за период с конца

¹ О диапазоне методов сравнения см. [22, с. 17–22].

² Трансграничным взаимодействием в данной работе именуется совокупность социально-экономических отношений негосударственных субъектов РДВ и Китая, осуществляемых через государственную границу.

1980-х по конец 2010-х гг. Реализация поставленной цели включает в себя решение ряда задач: 1) выявление произошедших изменений в объеме, составе и структуре трансграничных отношений РДВ с Китаем; 2) сравнение динамики трансграничных отношений РДВ с основными тенденциями в трансграничном взаимодействии Китая с Россией и его международным окружением в целом; 3) определение степени соответствия тенденций и итогов трансграничных отношений РДВ и Китая тем ожиданиям и целям, которые связывались с этими отношениями в макрорегионе; 4) выделение ключевых факторов, обусловивших выявленные тенденции и итоги трансграничного взаимодействия РДВ и Китая.

В настоящей статье я сосредоточусь на рассмотрении только некоторых, важнейших, на мой взгляд, составляющих трансграничного взаимодействия дальневосточного макрорегиона с Китаем – на отношениях в сфере торговли, прямых иностранных инвестиций (ПИИ), трудовой и туристической миграции. При этом названные виды отношений будут проанализированы со стороны их результатов и последствий для РДВ. Кроме того, взаимодействие сторон станет предметом изучения в той его части, которая освещена доступными статистическими данными. Последнее из ограничений особенно существенно, поскольку российская и зарубежная статистика описывает выделенные виды трансграничного взаимодействия со значительными хронологическими проблемами, с неодинаковой полнотой, и зачастую с использованием разных методик измерения сходных по форме статистических показателей. Тем не менее, при всех недостатках этих количественных данных, только они дают возможность реконструировать основные характеристики изучаемого процесса в необходимом масштабе.

Периодизация и тенденции трансграничных отношений РДВ и Китая

С точки зрения как объемов, так и масштаба воздействия на развитие макрорегиона, главной составляющей трансграничного взаимодействия РДВ с Китаем в постсоветскую эпоху являлась торговля³. Поэтому именно изменения в торговых отношениях целесообразно положить в основание периодизации исторической динамики двустороннего трансграничного взаимодействия.

Хотя на общероссийском уровне ключевой вехой в либерализации внешней торговли обычно считается 1991 г., в торговых связях с Китаем этот процесс шел с некоторым опережением. Его начало можно отнести к июню-июлю 1988 г., когда советским и китайским правительствами были подписаны сразу три соглашения: о торгово-экономических отношениях, о совместных предприятиях и о взаимных поездках граждан. Эти взаимосвязанные документы создавали условия для интенсификации и децентрализации всего комплекса двусторонних трансграничных отношений. В отличие от многих других участков границы СССР, на китайском направлении советские усилия по дебарьеризации трансграничного взаимодействия встречали меньшую заинтересованность, а главное – высокую практическую активность другой стороны. Эта встречная активность китайского государства, в дальнейшем возраставшая, оказала в итоге решающее влияние на динамику и сам характер изучаемого процесса.

Первый период постсоветской истории трансграничного взаимодействия РДВ и Китая, начавшийся, таким образом, еще в 1988 г., продолжался до 1993 г. По официальным данным, в этот период дальневосточная торговля с Китаем показала сравнительно высокий рост – с 1988 по 1993 гг. ее стоимостный оборот увеличился в 2,3 раза [18, с. 344]. Этот показатель мог бы быть значительно выше, если бы часть децентрализованного товарооборота (особенно в форме бартера) не проходила мимо российского таможенного учета⁴. В дальнейшем эта проблема стала хронической.

Другие виды трансграничных отношений РДВ и Китая в эти годы по темпам развития не уступали торговле. Так, к концу периода Китай занял

³ См.: [28, с. 233–241].

⁴ В 1993 г. незарегистрированная торговля составляла свыше 38% от экспорта России в Китай [30, с. 169–175, 191–202].

место лидера по числу зарегистрированных на РДВ предприятий с иностранным капиталом: на 1994 г. его доля составляла более 40% [11, с. 83]. Еще более бурно рос миграционный оборот макрорегиона с Китаем. С нескольких тысяч взаимных поездок в 1988 г. к 1993 г. он увеличился до примерно 1 миллиона пересечений российско-китайской границы на ее дальневосточном участке [18, с. 383; 27, с. 184].

Тем не менее уже в 1988–1993 гг. именно торговля приобрела роль "несущего каркаса" всего трансграничного взаимодействия сторон. На это указывает, в частности, специализация создававшихся на РДВ предприятий с китайским капиталом: основной сферой их деятельности был ввоз из Китая потребительских товаров и их обмен на дальневосточную сырьевую продукцию [11, с. 83]. Что же касается взаимной миграции, то главной ее целью был отнюдь не туризм, а мелкая торговая деятельность, расцвету которой способствовали весьма либеральные нормы провоза товаров физическими лицами.

Доминирование торговли как относительно простой формы экономических отношений стран типично для их начальной стадии. Однако в отношениях РДВ с Китаем устойчивость этого феномена была обусловлена и рядом специфических факторов. Наиболее очевидным фактором, препятствующим переходу сторон к более сложным и продуктивным формам кооперации, является глубина их культурно-языковых различий. Свое влияние на структуру взаимодействия оказал также переходный (точнее, смешанный) характер экономик стран и медленное формирование в них рыночных (в т.ч. инвестиционных) институтов. Наконец, фактором сдерживания перехода РДВ и Китая к неторговым формам сотрудничества во многих случаях выступали политические решения Москвы и Пекина, ограничивавшие сферу взаимных инвестиций и миграционного обмена [9].

Особым периодом в истории трансграничных отношений РДВ и КНР стал 1994 г., когда эти отношения пережили сильнейший за все постсоветское время кризис. Самым ярким его проявлением было резкое (более чем в 4,7 раза) падение объема товарооборота [10, с. 557]. В результате Китай утратил положение ведущего торгового партнера РДВ⁵. Одновременно в макрорегионе значительно сократилось количество предприятий с участием китайского капитала. Ощутимый, почти двукратный, спад произошел и в объеме миграционного движения между РДВ и Китаем [32].

Кризис 1994 г. имел сложную обусловленность. Общей его предпосылкой было исчерпание объективных возможностей наращивания трансграничного взаимодействия в условиях обвального падения российской экономики. Вместе с тем важным фактором возникновения кризиса явилась ребарьеризация российско-китайской границы, осуществлявшаяся со второй половины 1993 г. и региональными, и федеральными властями. Этот политический фактор, в свою очередь, был тесно связан с процессами социально-психологического плана (возрождение мифологии "желтой опасности"), охватившими как дальневосточный макрорегион, так и Россию в целом.

Следующий период в динамике отношений РДВ и КНР, продолжавшийся с 1995 по 2002 гг., отличался высокой противоречивостью и нестабильностью. С точки зрения объемов двусторонней торговли содержанием этого периода было их послекризисное восстановление. Лишь в начале 2000-х гг., после череды подъемов и падений, товарообороту удалось превзойти уровень 1993 г. [18, с. 343–344; 32]. Сходные, но более медленные восстановительные процессы были характерны и для взаимной миграции. При этом под влиянием российской миграционной политики в данный период сформировалась типичная впоследствии для РДВ тенденция – темпы роста выезда в Китай начали значительно опережать темпы роста въезда из него [32]. Наименее позитивную динамику в 1995–2002 гг. имели инвестиционные отношения с Китаем. Связь китайского капитала с торговлей, усиление финансового контроля в России, а также общее неблагоприятное состояние дальневосточной экономики привели, по существу, к застою в этой сфере⁶.

⁵ Доля Китая в торговле РДВ снизилась с 39,1 (1993 г.) до 11,1% (1994 г.).

⁶ См.: [6, с. 28].

Главным итогом периода 1995–2002 гг. явилось формирование общей модели трансграничного взаимодействия РДВ с Китаем. Ведущей составляющей этой модели стал экспорт в Китай дальневосточных сырьевых товаров (прежде всего, леса, рыбы и морепродуктов, топлива и металлов). В обмен на это РДВ импортировал из КНР продовольственные и промышленные товары повседневного спроса, потребительские услуги (в особенности, туристические), а также продукцию машиностроения.

Подобная модель отношений макрорегиона со своим соседом сложилась не одномоментно, и не без колебаний. Еще в 1995 г. различие в объемах дальневосточного экспорта и импорта было незначительным (около 11%), а преобладание сырьевого экспорта над несырьевым сравнительно небольшим. Однако за 1995–2002 гг. стоимость экспорта РДВ увеличилась более чем в 6 раз при том, что импорт вырос только в 2,7 раза. В результате в 2002 г. объем экспорта РДВ в Китай превосходил импорт уже почти в 2,5 раза, а доля сырьевых товаров в нем составляла 62,1% (тогда как машиностроительной продукции – 31,2%) [18, с. 344; 34, с. 124].

Такая структурная перестройка торговли с Китаем была вызвана действием не только стихийных рыночных факторов. Помимо конъюнктуры мирового рынка и внутренних проблем российской экономики на поведение дальневосточных экспортеров повлияла последовательная политика китайского правительства по развитию промышленной базы Северо-Востока и созданию правовых, фискальных и инфраструктурных условий для превращения соседних российских регионов в ее "экономическое дополнение" [2, с. 233–236, 245–247; 8, с. 75–78]. После безуспешных попыток закрепиться в более выгодных отраслевых нишах китайского рынка, не получив никакой поддержки собственного государства, производители РДВ приняли предлагаемую им роль начального, добывающего звена для производственных цепочек, выстроенных на территории Китая.

С завершением посткризисного восстановления, в 2003 г. отношения РДВ и Китая вступили в период устойчивого поступательного роста, продолжавшегося до 2013 г. Особенностью этого роста в торговле были не его темпы, но его длительность и относительная устойчивость. За 11-летний период, в ходе которого товароборот РДВ и Китая вырос в 5,6 раза, незначительный (на 7%) спад наблюдался только в 2009 г., во время мирового финансового кризиса⁷. Главной причиной такого характера торговой динамики являлась исключительная скорость и стабильность развития в эти годы китайской экономики.

Другим проявлением усиливающейся зависимости взаимодействия с Китаем от экономики последнего стали дальнейшие структурные изменения в двусторонней торговле. Во-первых, в 2003–2013 гг. в составе дальневосточного экспорта продолжала быстро сокращаться доля машиностроительной продукции (в 2013 г. она составляла уже 0,8%) и, соответственно, увеличиваться доля сырья. Во-вторых, опережающими темпами начал расти китайский импорт на РДВ, все более весомой частью которого являлись товары категории "машины, оборудование и транспортные средства". Если дальневосточный экспорт за 2003–2013 гг. увеличился в 3,7 раза, то импорт – в 11,6 раз. В результате в 2007–2008, 2010–2011 и 2013 гг. впервые за долгое время (с 1992 г.) сальдо дальневосточной торговли с Китаем стало отрицательным⁸.

Крайне неблагоприятная структура торговли РДВ и Китая, сложившаяся к концу периода 2003–2013 гг., была прямым следствием согласованности внутренней (промышленной) и пограничной (таможенно-торговой) политик с китайской стороны и бессистемности таковых с российской. Привлекая и регулируя товарные потоки, идущие с территории ДФО, китайскому правительству в связке с региональными властями в 2000-е гг. удалось нарастить, модернизировать и диверсифицировать промышленный потенциал своих северо-восточных провинций и одновременно (в рамках стратегии "идти вовне") начать освоение рынка РДВ новыми товарами с более высокой (чем потребительский импорт 1990-х гг.) добавленной стоимостью.

⁷ Рассчитано на основе: [7; 32].

⁸ Рассчитано на основе: [7].

Определенное оживление в 2003–2013 гг. наметилось и в сфере инвестиций. Так, по российским данным, с 2004 по 2013 гг. годовой приток ПИИ из КНР на РДВ вырос в 9,9 раза. Однако абсолютная величина этих инвестиций оставалась незначительной: в 2013 г. китайские инвесторы вложили в макрорегион лишь 89,7 млн. долл. [5; 12, с. 105]. Характерной чертой инвестиций данного периода была их концентрация в добывающих отраслях [1, с. 389–391; 8, с. 106–113]. Впрочем, в официальную статистику по-прежнему не попадала большая доля китайского капитала, вкладываемого в предприятия малого и среднего бизнеса, важнейшей деятельностью которых оставалась торговля [30, с. 262–267].

В сфере миграционного взаимодействия РДВ и Китая выезд российских туристов сохранял в 2003–2013 гг. свое доминирующее положение. В то же время во въездной миграции из Китая произошло довольно четкое размежевание динамики ее трудового и туристического компонентов. С 2003 по 2008 гг. (исходя из данных по приграничным регионам РДВ) число трудовых мигрантов из Китая увеличилось в 2,5 раза (до 57,2 тыс. чел.) [23, с. 185]. Однако в последующие годы их количество стало падать. Что касается туристического потока из КНР, то в течение большей части этого периода он имел тенденцию к сжатию, что можно объяснить, прежде всего, усилиями российской стороны по подавлению челночной торговли и псевдотуризма [19, с. 124–130]. Только в начале 2010-х гг. количество въезжавших на РДВ китайских туристов стало возрастать, на порядок превысив число зарегистрированных в макрорегионе китайских рабочих.

В 2014–2016 гг. в развитии взаимодействия РДВ и Китая наступил очередной кризис, второй по значимости в его постсоветской истории. В сравнении с кризисом 1994 г., он не был столь глубоким (объем товарооборота упал менее чем в 2 раза), однако его трехлетняя продолжительность была беспрецедентна. Если кризис 1994 г. вызвали внутрироссийские и внутрикитайские факторы, то произошедшее в 2014–2016 гг. было обусловлено обострением международных, политических и экономических, противоречий, затронувшим как Россию, так и Китай. Следует отметить, что влияние данного кризиса на трансграничное взаимодействие сторон было избирательным. Так, в 2015 г. число принятых на РДВ туристов из Китая, под воздействием снижения курса рубля, пережило резкий всплеск, увеличившись к предыдущему году в 9,6 раза⁹.

Значение кризиса 2014–2016 гг. состояло главным образом в том, что РДВ вновь достиг положительного сальдо экспорта и импорта в торговле с Китаем. Кроме того, как составная часть общего падения экономики России, кризис подтолкнул российское правительство к пересмотру своей политики в макрорегионе и переходу к "селективной", институционально-ориентированной, стратегии его развития.

Специфика текущего периода в отношениях РДВ и Китая, начавшегося в 2017 г., пока не вполне ясна. В целом до 2020 г. наблюдалась тенденция к постепенному восстановлению объемов торговли и возвращению к модели доминирования в ней сырьевого экспорта. Вместе с тем объемы торговли, пропорция в ней экспорта и импорта, и их товарная структура остаются весьма неустойчивыми. Устойчивого роста не отмечается и в сфере инвестиций¹⁰. Социально-экономические отношения РДВ и Китая формируются в последние годы под противоречивым воздействием их традиционных детерминант (мировой рынок и инициативы китайских властей) и новой российской политики развития макрорегиона. То, какой из этих факторов окажется сильнее, и определит как темпы дальнейшего, послевосстановительного, роста взаимодействия сторон, так и его качественные характеристики.

Сравнительно-исторический анализ трансграничных отношений РДВ и Китая в постсоветскую эпоху показывает огромный рост их объемов в торговой и миграционной сферах. За 1989–2019 гг. товарный оборот РДВ и Китая увеличился почти в 17,8 раза, а миграционный – не менее чем в 47 раз. Активно, но очень нестабильно и, в конечном счете, малоуспешно росло в эти годы инве-

⁹ Рассчитано на основе: [33].

¹⁰ По данным ЦБ РФ за 2014–2019 гг. См.: [26].

стиционное взаимодействие. Впрочем, и там, где отношения с Китаем демонстрировали существенный количественный рост, их качественные параметры устойчиво изменялись в неблагоприятном для РДВ направлении. В 2010-е гг. в структуре экспорта Дальнего Востока в КНР доля сырьевых товаров никогда не падала ниже 70%, а количество принятых китайских туристов в 2019 г. все еще на 27% уступало количеству отправленных в Китай россиян [7; 33].

Трансграничные отношения РДВ и Китая на российском и мировом фоне

С внутренней, сравнительно-исторической точки зрения, количественные результаты взаимодействия РДВ и Китая за последние тридцать лет выглядят внушительными. Взятые сами по себе они вполне пригодны для использования в качестве "объективных" свидетельств успехов макрорегиона, что подтверждают ссылки на такого рода валовые показатели в политических документах и чиновничьей риторике¹¹. Однако насколько весомы успехи РДВ в трансграничных отношениях с Китаем на фоне динамики отношений Китая с Россией, а также международным окружением этой страны в целом?

За 1989–2019 гг., когда товароборот РДВ и Китая, как отмечалось, вырос в 17,8 раза, товароборот между Китаем и Россией увеличился в 30,2 раза, а между Китаем и миром в целом – в 58,6 раза. Если вычленишь из товарооборота экспортную составляющую, то величины несколько изменятся (рост более чем в 21 раз, 29,6 раза и 53,7 раза соответственно¹²), но на их общий масштаб и последовательность ранжирования это не повлияет.

Не менее наглядно относительную успешность развития экспортной торговли РДВ с Китаем описывают изменения такого ее показателя, как удельный вес в экспорте России и мира в целом в Китай. Если в 1989 г. экспорт РДВ в Китай составлял около 13% от российского (точнее, еще советского) экспорта в эту страну, то в 2019 г. его доля снизилась до 9,9%. Что же касается доли дальневосточного экспорта в общемировом экспорте в Китай, то в 1989 г. она оценивалась в 0,6%, а в 2019 г. – только в 0,2%¹³.

Сравнить РДВ с Россией и внешними контрагентами Китая в целом по притоку ПИИ в отсутствие достаточно достоверной и систематической статистики очень трудно. По данным Financial Times, в 2017 г. доля РДВ в поступивших в Россию 140 млн. долл. китайских инвестиций составляла 2% [39]. Если РДВ действительно получил в 2017 г. из Китая лишь 2,8 млн. долл. ПИИ, то его доля в общем потоке прямых инвестиций, исходивших из этой страны, была ничтожной. Учитывая мнения многих специалистов [1, с. 385–402; 14], указывающих на существенную заниженность данных Росстата и ЦБ РФ, а также имеющуюся информацию о притоке китайского капитала в ТОРы и СПВ, можно предположить, что ежегодный приток китайских ПИИ в макрорегион в конце 2010-х гг. все же не опускался ниже уровня 2013 г. (89,7 млн. долл.), который достигал 35% от общероссийского показателя¹⁴. Тем не менее и в таком случае в совокупном объеме вывезенного в 2019 г. из Китая капитала на прямые инвестиции на РДВ приходилось не более 0,1%.

Сравнению различных контрагентов Китая с точки зрения трансграничной миграционной динамики также препятствуют значительные лакуны в статистике и различия в методиках учета. Так, согласно китайской статистике, приводимой Всемирным банком, с 1995 по 2019 гг. объем туристического потока из КНР увеличился в 34,4 раза¹⁵. При этом, по российским данным, въезд китайских туристов в страну в 1995–2019 гг. вырос в 6,4 раза¹⁶. Что же касается РДВ, то данные, которые удалось собрать автору, достаточно полно

¹¹ Например: [24].

¹² Рассчитано на основе: [7; 35; 37].

¹³ Рассчитано на основе: [7; 35; 37].

¹⁴ Рассчитано на основе: [5; 36].

¹⁵ Рассчитано на основе: [38].

¹⁶ Рассчитано на основе: [32; 33].

описывают динамику въезда китайских туристов лишь в период после 2004 г. С этого времени и до 2019 г. объем этого турпотока почти не изменился (рост на 8%). За тот же период въезд китайских туристов в Россию увеличился в 2,6 раза, а их выезд из КНР в 5,4 раза. На 2019 г. доля китайских туристов, въехавших на РДВ, составляла 34,8% от въехавших в Россию и более 0,3% – от выехавших из Китая (на 2004 г., соответственно, – 84,6% и 0,8%)¹⁷.

Более детально динамику трансграничных отношений в разных географических масштабах позволяют осветить показатели их средних темпов роста (по пятилетиям) (см. табл. 1). По крайней мере с середины 1990-х гг. по средним темпам роста экспорта в Китай РДВ чаще находился впереди и России, и мира в целом. Однако постепенно макрорегион утрачивал преимущество в этом виде трансграничного взаимодействия. В 2005–2009 и 2015–2019 гг. темпы экспорта РДВ в Китай отставали от общемировых, а с начала 2010-х гг. по данному показателю дальневосточный макрорегион стала опережать и Россия в целом.

С точки зрения темпов роста китайских ПИИ, исходя из использованной в табл. 1 неполной информации, в 2005–2014 гг. динамика РДВ выглядела лучше общемирового фона. Вместе с тем в эти же годы она была ниже общероссийских показателей. Систематической статистики притока китайских ПИИ в Россию и на РДВ в 2015–2019 гг. у автора нет, однако, судя по количеству и стоимости заявленных инвестиционных проектов¹⁸, свои опережающие темпы Россия сохраняла и в последние годы.

По темпам роста китайского туризма, в 1990–2019 гг. и Россия, и ее дальневосточные территории находились в целом ниже общемирового фона. Ситуация с въездным туризмом в России и ДФО изменилась в 2010-е гг., причем макрорегиону в эти годы удалось достичь более быстрого роста турпотока из КНР. Впрочем, как отмечалось выше, даже эти относительно высокие темпы не смогли пока компенсировать последствий более глубокого спада в туризме, пережитого РДВ в 2000-е гг.

Таким образом, сравнительно-географический анализ трансграничных отношений с Китаем, в т.ч. в их историческом аспекте, показывает, что результаты РДВ в развитии экспорта, туризма и, насколько можно судить по фрагментарным данным, ПИИ за три десятилетия по скорости роста потоков и по их итоговому удельному весу были в целом хуже как общероссийских, так и общемировых. К настоящему времени РДВ удерживает за собой некоторое сравнительное преимущество лишь с точки зрения темпов роста китайского туризма. Лидерство же в сфере экспорта и привлечения китайских ПИИ в последние 10–15 лет закрепили за собой более западные регионы России.

Двустороннее взаимодействие в свете российских целей и ожиданий

Дебарьеризация границы с КНР на рубеже 1980-х – 1990-х гг. была стремительной и во многом неуправляемой. Столь же стихийным, децентрализованным и ситуативным было и осмысление многообразных связей, быстро поверх этой границы формировавшихся. Ведущая роль в этом осмыслении принадлежала не рациональному целеполаганию, а эмоционально насыщенным ожиданиям, питаемым атмосферой эйфории от самой возможности международного сотрудничества, близкого воссоединения со "всемирным цивилизованным миром" и совместного рыночного процветания.

Общие надежды на благотворные последствия интеграции в АТР применительно к Китаю конкретизировались дальневосточными политическими и хозяйственными руководителями, а также учеными в ожидаемом наполнении внутреннего рынка китайскими потребительскими товарами, получении дефицитных рабочих рук и капиталовложений, значительном увеличении доходов от экспорта и даже взаимовыгодном участии в модернизации китайской промышленности [18, с. 338–339; 21, с. 306–312]. Именно в это время, в начале 1990-х гг., был выдвинут целый ряд совместных инвестиционных проектов, некоторым, самым жизнеспособным из которых была суждена долгая и непростая история.

¹⁷ Рассчитано на основе [33; 38] и данных администраций регионов РДВ.

¹⁸ См.: [15].

Таблица 1. Сравнительные тенденции трансграничного взаимодействия Китая с миром в целом, Россией и РДВ (средние темпы роста, %)

Контрагенты Китая	Виды трансграничных отношений	1990–1994	1995–1999	2000–2004	2005–2009	2010–2014	2015–2019
Мир в целом	Экспорт	116,1	111,6	127	113,4	116,5	102
	Входящие ПИИ	120,7	115,1	114,6	140,6	122,9	95,5
	Въездной туризм	-	119,6	125,6	110,6	119,6	105,9
Россия	Экспорт	108,1	104,5	123,4	110,6	119,6	105,9
	Входящие ПИИ	-	-	-	272	171,4*	-
	Въездной туризм	-	111,2	109,6	83,6	128,8	111,3
РДВ	Экспорт	-	119,7	129,4	111,5	117,7	100,8
	Входящие ПИИ	-	-	-	144,6	146,3*	-
	Въездной туризм	-	-	-	75,1	133,4	112,5

*Данные за 2010–2013 гг.

Источники: рассчитано автором на основе данных Всемирного банка, ФТС РФ, Росстата, ЕМИСС, администраций регионов РДВ.

Столкновение с неожиданными реалиями трансграничных отношений уже в 1993–1994 гг. развеяло первоначальную эйфорию. Позитивные ожидания от Китая были потеснены (особенно в массовом сознании жителей РДВ) разнообразными страхами и опасениями. В отличие от надежд, страхи оказались гораздо более устойчивыми и действенными. О широкой распространенности и живучести этих негативных представлений и ожиданий говорят результаты опросов, проводившихся Институтом истории ДВО РАН, ВЦИОМ, ФОМ и Московским центром Карнеги в общероссийском масштабе или в пределах приграничных дальневосточных и сибирских регионов в период с 1994 по 2017 гг. [4, с. 114–117; 8, с. 113–116; 16, с. 288–300; 17, с. 18; 20, с. 66–84, 127–157; 21, с. 343–344]. В 1990-е гг. "китайская экспансия" в Россию беспокоила от 60 до 80% опрошенных. С начала 2000-х гг. ощущение экспансии со стороны Китая стало постепенно ослабевать, колеблясь в диапазоне от 40 до 80% респондентов. В 2010-е гг. эта тенденция значительно усилилась, однако сам социально-психологический феномен далеко не исчез: на 2017 г., по информации В.Л. Ларина, от 20 до 25% респондентов на РДВ продолжали воспринимать Китай как угрозу [17, с. 18].

Страх перед Китаем в изучаемый период имел очень сложное содержание, включающее антропологические, культурные, демографические, экономические и политические компоненты. Тем не менее ведущей, наиболее интенсивной составляющей этого комплексного страха, как показывают опросы, чаще всего являлась "демографическая угроза", боязнь массовой миграции и оседания китайцев на российской территории. От степени сопряженности с ней, как правило, зависела актуальность для российских граждан и всех остальных угроз. Следует отметить, что страхи россиян концентрировались именно на трансграничных (межобщественных) отношениях. Межгосударственные отношения РФ и КНР, даже на РДВ обычно оценивались большинством опрошенных как "хорошие" или "удовлетворительные" [20, с. 157–159].

С середины 1995 г. негативные ожидания населения становятся постоянным фактором не только самих межобщественных отношений с Китаем, но и, что более важно, их государственного регулирования. Независимо от степени внутреннего согласия с этими ожиданиями, российская политическая элита должна была учитывать их в своих решениях. Возникшая в результате раздвоенность сознания государственных регуляторов трансграничного взаимодействия, их колебания между прагматичными интересами социально-эко-

номического развития и мотивами защиты национальной безопасности, безусловно, сказывались на качестве принимаемых решений.

Зависимость управления трансграничным взаимодействием с Китаем от общественных фобий, помимо прочего, была препятствием стратегическому планированию в этой сфере. Длительное время российские власти регулировали данное взаимодействие реактивно: определяя свою позицию по отдельным проектам, инициируемым обычно китайской стороной. Изменение такого порядка произошло в конце 2000-х гг., когда стремление Москвы форсировать вовлечение Китая в развитие РДВ в условиях мирового кризиса привело к подписанию двусторонней "Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР" на 2009–2018 гг. [25]. Программа 2009–2018 гг. включала 111 проектов на китайской и 97 на российской территории и охватывала такие области сотрудничества, как строительство приграничной инфраструктуры, транспорт, территориальные институты (зоны) развития, трудовая миграция и туризм, гуманитарные связи и охрана окружающей среды.

Как стало очевидно уже через несколько лет, существенно оживить динамику трансграничных отношений с Китаем с помощью названного документа не удалось. На 2018 г. из перечня проектов Программы, планировавшихся на территории России, были реализованы лишь 2, и 20 проектов, включая 9 с участием китайских инвесторов, находились в стадии реализации [29, с. 201]. Еще до истечения действия этого документа, стороны приступили к разработке новой Программы, рассчитанной на 2018–2024 гг. Унаследовав у старой большую часть замороженных ранее проектов, она оказалась гораздо более скромной и по географическому, и по финансовому размаху [24].

Практический провал Программы 2009–2018 гг. с российской стороны границы был следствием множества причин [13]. Важную роль в нем сыграли структурные факторы (узость дальневосточного рынка, высокие производственные и транспортные издержки), объективно снижающие привлекательность РДВ для любых иностранных инвесторов. Однако ключевые причины неуспеха этого стратегического документа, на мой взгляд, были связаны именно с субъективными намерениями сторон. Во-первых, реализация Программы выявила принципиальное различие позиций России и Китая во взаимном сотрудничестве: в то время как китайская сторона стремилась расширить присутствие в топливно-сырьевом секторе РДВ и найти применение в нем собственным трудовым ресурсам, российская сторона жестко ограничивала использование китайской рабочей силы и пыталась направить китайский капитал в обрабатывающее и даже высокотехнологичное производство. Во-вторых, несмотря на риторику со-развития, работа по осуществлению принятого плана с российской стороны по-прежнему была подчинена приоритетам безопасности макрорегиона. Проявлением этого стало не только сдерживание трудовой миграции из КНР, но и полномасштабный срыв российским правительством обязательств по модернизации пограничных переходов и трансграничной транспортной инфраструктуры. В-третьих, целевое и проектное содержание Программы 2009 г. в России определялось "сверху" силами федеральных чиновников. Региональные власти (не говоря уже о дальневосточном бизнесе) участвовали в целеполагании только в качестве поставщиков информации [13].

Сопоставление общественных ожиданий и документально оформленных целей трансграничного взаимодействия РДВ и Китая с ранее рассмотренными результатами последнего в целом указывает на значительную степень их расхождения. Из числа надежд, которые мотивировали участников сотрудничества с Китае на раннем его этапе, к исполнившимся можно отнести две: резкий рост доходов от экспорта и наполнение дальневосточного рынка китайскими потребительскими товарами¹⁹. Следует вместе с тем заметить, что большая часть экспортных доходов уходит за пределы макрорегиона, а масштаб потребления РДВ китайского импорта оценивается многими учеными как экономическая зависимость [3; 31, с. 338–339]. Менее очевидна связь с результатами сотрудничества различных форм синофобии. С одной стороны, ни один из популярных "китайских страхов" не сбывся. С другой – сокращение

¹⁹ В 2010-е гг. из Китая поступало около половины всего импорта РДВ [31, с. 336–339].

трудоустройственной миграции из Китая и замедленный рост китайского туризма на РДВ невозможно вполне объяснить без учета длительного опыта переживания дальневосточниками "демографической угрозы" со стороны соседей. Однако наименьшее соответствие реалиям трансграничных отношений продемонстрировали попытки рационального планирования в этой сфере. Постоянное нарушение сроков, отступление от количественных и стоимостных плановых показателей или просто отказ от выполнения заявленных целей – это типичные черты практики реализации как отдельных проектов, так и программ российско-китайского сотрудничества. Можно с уверенностью сказать, что в исторических итогах трансграничных отношений РДВ и Китая фактор государственного целеполагания и управления ими с российской стороны является самым малозначимым (если не отрицательным) слагаемым.

Заключение

Такой предмет, как тридцатилетняя динамика трансграничных отношений РДВ и Китая, в рамках одной статьи может быть проанализирован только очень схематично, обзорно. Тем не менее панорамная оценка итогов данных отношений в трех сравнительных ракурсах позволяет сделать некоторые выводы. Их можно сжато представить в виде следующих тезисов, сгруппированных по задачам исследования.

1) Оценивая результаты взаимодействия РДВ и Китая с точки зрения изменения его внутренних параметров, следует подчеркнуть, что значительному росту объемов трансграничных отношений сторон с конца 1980-х по конец 2010-х гг. сопутствовал не менее значимый рост неравномерности их развития. Так, расширение инвестиционного взаимодействия РДВ и Китая, как правило, резко отставало от роста их миграционного и торгового оборота. В свою очередь, в миграционном обороте (вопреки соотношению потенциалов сторон) с середины 1990-х гг. въездной китайский туризм устойчиво демонстрировал худшие показатели, чем выездной российский. Проявлением неравномерности в динамике торговли стала почти зеркальная трансформация к 2010-м гг. товарной структуры вывоза и ввоза РДВ: вытеснение сырьевыми товарами из экспорта РДВ машиностроительной продукции произошло одновременно с увеличением доли той же продукции в китайском импорте. Наконец, выраженная неравномерность была присуща и самой исторической динамике трансграничных отношений: глубокие кризисы, поражавшие их в 1994 и 2014–2016 гг., были, помимо прочего, следствием общей несамодостаточности экономики РДВ, ее неустойчивости к внешним шокам.

2) Сравнение динамики трансграничного сотрудничества РДВ и Китая с таким же взаимодействием на уровне России и мира в целом показывает, что достижения макрорегиона в этой сфере, скорее, следует считать неудачами. Если еще в 2000-е гг. РДВ мог претендовать (по темпам роста) на роль лидера российского экспорта в Китай, то в последнее десятилетие он выделяется на среднероссийском фоне лишь по динамике китайского туризма. Плоды российского "поворота на Восток" достались в основном более западным регионам страны. Впрочем, в сопоставлении с тридцатилетними итогами экспорта в Китай, привлечения китайских ПИИ и туристов другими странами мира, национальные результаты России также оказываются неудовлетворительными.

3) Характерной чертой трансграничных отношений РДВ и Китая является высокая степень расхождения результатов этих отношений с намерениями их российских участников. Долгое время государственное целеполагание в этих отношениях, по существу, отсутствовало, а попытки приступить к их стратегическому планированию с конца 2000-х гг. показали поразительную неэффективность. Сегодня цели сотрудничества макрорегиона с Китаем фактически формируются стихийно, на индивидуальном и групповом уровне, под влиянием слабо рефлексированных и зачастую иррациональных представлений и ожиданий. Именно это объясняет живучесть страха перед "демографической угрозой", который до сих пор сдерживает развитие и трудовой, и туристической миграции из Китая на РДВ.

4) Состояние целеполагания и управления трансграничными отношениями с Китаем, на мой взгляд, выступает главным фактором неуспешности их результатов для РДВ. Для того, чтобы документы стратегического планирования в этой сфере перестали быть лишь декларациями о намерениях, их

правительственные авторы должны решиться сделать три основных шага. Во-первых, обоснованно оценить реалистичность предполагаемых "китайских угроз" и, исходя из этого, переопределить соотношение приоритетов безопасности и развития в управлении РДВ. Во-вторых, предоставить возможность участия в формулировании целей и задач сотрудничества с Китаем представителям дальневосточных региональных администраций и бизнеса. И, в-третьих, отказаться от сугубо репрессивного подхода к "теневому" сегменту трансграничного взаимодействия, создав условия для легализации и стимулирования экономической деятельности вытолкнутых в него российских граждан.

Литература

1. Александрова М.В. Китайские инвестиции и их значение в экономике российских восточных регионов // Китай на пути к возрождению. М.: ИД "ФОРУМ", 2014. С. 385–402.
2. Александрова М.В. Российский Дальний Восток и Северо-Восточный Китай: торгово-экономическое сотрудничество // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИД "ФОРУМ", 2009. С. 233–250.
3. Вардомский Л.Б. Торговые связи с КНР и экономическое развитие российских регионов // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 65–76.
4. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. С. 80–120.
5. Внешнеэкономическая деятельность Амурской области за 2005–2013 годы: Сборник /Амурстат. Благовещенск, 2014. 57 с.
6. Внешнеэкономическое сотрудничество Дальневосточного федерального округа: атлас. Хабаровск: РИОТИП, 2006. 48 с.
7. Внешняя торговля ДФО // Дальневосточное таможенное управление ФТС. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147017> (дата обращения: 9.12.2020).
8. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: потенциал, перспективы, вызовы и проблемы регионального измерения отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 70–136.
9. Гуань Гуйхай. Негативные факторы торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией и пути их устранения // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 189–199.
10. Дальний Восток России: экономический потенциал /под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Владивосток: Дальнаука, 1999. 593 с.
11. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Хабаровск: РИОТИП, 1995. 477 с.
12. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
13. Зуенко И. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества // Московский центр Карнеги. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (дата обращения: 12.12.2020).
14. Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е. Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад. Владивосток: ДВО РАН, 2016. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>. (дата обращения: 3.12.2020).
15. Инвестиционные намерения // Invest in Russia. URL: <https://ru.investinrussia.com/investment-tools/announcement>. (дата обращения: 10.12.2020).
16. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
17. Ларин В.Л. "Китайская экспансия" в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 9–27.
18. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
19. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 1. С. 124–130.
20. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
21. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.

22. Политические системы и политические культуры Востока. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 829 с.
23. Понкратова Л.А. Китайская трудовая миграция на Дальний Восток России: современные реалии и перспективы // Российское предпринимательство. 2010. №7-1. С. 185–190.
24. Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ на 2018–2024 гг. // Министерство коммерции КНР. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (дата обращения: 5.12.2020).
25. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (дата обращения: 5.12.2020).
26. Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: остатки по субъектам РФ по инструментам и странам-партнерам // ЦБ РФ. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (дата обращения: 7.11.2020).
27. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы регионального сотрудничества. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 248 с.
28. Российский Дальний Восток на пути в будущее / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2017. 395 с.
29. Россия–Китай: шансы и вызовы отношений "новой эпохи" / сост. А.О. Виноградов, А.С. Исаев, Е.И. Сафронова, М.В. Александрова. М.: ИДВ РАН, 2020. 240 с.
30. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
31. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
32. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2020).
33. Число принятых иностранных туристов // ЕМИСС. URL: <http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31598> (дата обращения: 19.11.2020).
34. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИИ, 2007. 208 с.
35. Exports of goods and services (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (дата обращения: 10.11.2020).
36. Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD> (дата обращения: 10.11.2020).
37. Imports of goods and services (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD> (дата обращения: 10.11.2020).
38. International tourism, number of departures // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.DPRT> (дата обращения: 11.12.2020).
39. Russia struggles to attract Chinese capital to its Far East // Financial Times. 5.05.2019. URL: <https://www.ft.com/content/d4cf3486-681b-11e9-a79d-04f350474d62> (дата обращения: 9.12.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrova M.V. Kitajskie investitsii i ikh znachenie v ehkonomike rossijskikh vostochnykh regionov // Kitaj na puti k vozrozhdeniyu. М.: ID "FORUM", 2014. S. 385–402.
2. Aleksandrova M.V. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnyj Kitaj: torgovo-ehkonomicheskoe sotrudnichestvo // Kitajskaya Narodnaya Respublika: politika, ehkonomika, kul'tura. М.: ID "FORUM", 2009. S. 233–250.
3. Vardonskij L.B. Torgovye svyazi s KNR i ehkonomicheskoe razvitie rossijskikh regionov // Problemy Dal'nego Vostoka. 2018. № 6. S. 65–76.
4. Vitkovskaya G., Zajonchkovskaya Zh. Novaya stolypinskaya politika na Dal'nem Vostoke Rossii // Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: mezhsranovye vzaimodejstviya. М.: Gendal'f, 1999. S. 80–120.
5. Vneshneehkonomicheskaya deyatel'nost' Amurskoj oblasti za 2005–2013 gody: Sbornik /Amurstat. Blagoveshensk, 2014. 57 s.
6. Vneshneehkonomicheskoe sotrudnichestvo Dal'nevostochnogo federal'nogo okru-ga: atlas. Khabarovsk: RIOTIP, 2006. 48 s.
7. Vneshnyaya torgovlya DFO // Dal'nevostochnoe tamozhennoe upravlenie FTS. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/folder/147017> (дата обращения: 9.12.2020).
8. Voskresenskij A.D. Rossiya i Kitaj: potentsial, perspektivy, vyzovy i problemy regional'nogo izmereniya otnošenij // Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste: politicheskie, ehkonomicheskie i sotsiokul'turnye izmereniya. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2008. S. 70–136.

9. Guan' Gujkhaj. Negativnye faktory torgovo-ehkonomicheskogo sotrudnichestva mezhdu Kitaem i Rossiej i puti ikh ustraneniya // *Vzaimodejstvie Rossii i Kitaya v global'nom i regional'nom kontekste: politicheskie, ehkonomicheskie i sotsiokul'turnye izmereniya*. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 2008. S. 189–199.
10. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskij potentsial /pod red. P.A. Minakira, N.N. Mikheevoy. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. 593 s.
11. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskoe obozrenie. Khabarovsk: RIOTIP, 1995. 477 s.
12. Zabyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshhensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 412 s.
13. Zuenko I. Pochemu Rossiya i Kitaj provalili programmu prigranichnogo sotrudnichestva // *Moskovskij tsentr Karnegi*. 2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77081> (data obrashheniya: 12.12.2020).
14. Ivanov S.A., Savchenko A.E., Zuenko I.Yu., Kozlov L.E. Kitajskij kapital na yuge Dal'nego Vostoka Rossii: ozhidaniya gosudarstva i realii vzaimodejstviya. Analiticheskij doklad. Vladivostok: DVO RAN, 2016. URL: <http://ihaefe.org/files/analytics/chinese-capital-on-fe.pdf>. (data obrashheniya: 3.12.2020).
15. Investitsionnye namereniya // *Invest in Russia*. URL: <https://ru.investinrussia.com/investment-tools/announcement>. (data obrashheniya: 10.12.2020).
16. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'. M.: Vostochnaya kniga, 2009. 512 s.
17. Larin V.L. "Kitajskaya ehkspansiya" v vostochnykh rajonakh Rossii v nachale XXI v. cherez prizmu komparativistskogo analiza // *Sravnitel'naya politika*. 2020. № 2. S. 9–27.
18. Larin V.L. V teni prosnuvshegosya drakona: Rossijsko-kitajskie otnosheniya na rubezhe KHKH – XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 424 s.
19. Larin V.L. KNR glazami dal'nevostochnika // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2010. T. 8. № 1. S. 124–130.
20. Larin V.L., Larina L.L. Okruzhayushhij mir glazami dal'nevostochnikov. EHvolyutsiya vzglyadov i predstavlenij na rubezhe XX – XXI vekov. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 312 s.
21. Lukin A.V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII – XXI vv. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 598 s.
22. Politicheskie sistemy i politicheskie kul'tury Vostoka. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. 829 s.
23. Ponkratova L.A. Kitajskaya trudovaya migratsiya na Dal'nij Vostok Rossii: sovremennye realii i perspektivy // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. 2010. №7-1. S. 185–190.
24. Programma razvitiya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva v torgovo-ehkonomicheskij i investitsionnoj sferakh na Dal'nem Vostoke RF na 2018–2024 gg. // *Ministerstvo kommertsii KNR*. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201811/20181102808776.shtml> (data obrashheniya: 5.12.2020).
25. Programma sotrudnichestva mezhdu regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoj Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR (2009–2018 gg.) // *Irkutskaya oblast'*. Predstavitel'stvo v Kitae. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> (data obrashheniya: 5.12.2020).
26. Pryamye investitsii v Rossijskuyu Federatsiyu: ostatki po sub'ektam RF po instrumentam i stranam-partneram // *TSB RF*. URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (data obrashheniya: 7.11.2020).
27. Rossijskij Dal'nij Vostok i Severo-Vostochnaya Aziya. Problemy regional'nogo sotrudnichestva. M.: EHditorial URSS, 1998. 248 s.
28. Rossijskij Dal'nij Vostok na puti v budushhee / pod red. P.A. Minakira. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2017. 395 s.
29. Rossiya–Kitaj: shansy i vyzovy otnoshenij "nojvoj ehpokhi" / sost. A.O. Vinogradov, A.S. Isaev, E.I. Safronova, M.V. Aleksandrova. M.: IDV RAN, 2020. 240 s.
30. Ryzhova N.P. EHkonomicheskaya integratsiya prigranichnykh regionov. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2013. 352 s.
31. Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoj Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodejstviya. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2017. 386 s.
32. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (data obrashheniya: 10.12.2020).
33. Chislo prinyatykh inostrannykh turistov // *EMISS*. URL: <http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31598> (data obrashheniya: 19.11.2020).
34. EHkonomicheskoe sotrudnichestvo Dal'nego Vostoka Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona / otv. red. P.A. Minakir. Khabarovsk: RIOTIP, 2007. 208 s.
35. Exports of goods and services (current US\$) // *World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD> (data obrashheniya: 10.11.2020).

36. Foreign direct investment, net outflows (BoP, current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.KLT.DINV.CD.WD> (data obrashheniya: 10.11.2020).

37. Imports of goods and services (current US\$) // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.CD> (data obrashheniya: 10.11.2020).

38. International tourism, number of departures // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.DPRT> (data obrashheniya: 11.12.2020).

39. Russia struggles to attract Chinese capital to its Far East // Financial Times. 5.05.2019. URL: <https://www.ft.com/content/d4cf3486-681b-11e9-a79d-04f350474d62> (data obrashheniya: 9.12.2020).

Киреев А. А. Российский Дальний Восток в трансграничном взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.): итоги в сравнительной перспективе.

Статья посвящена анализу и оценке итогов трансграничных торговых, инвестиционных и миграционных отношений Дальнего Востока России с Китаем за период с конца 1980-х по конец 2010-х гг. Результаты трансграничного взаимодействия макрорегиона с Китаем оцениваются в трех сравнительных ракурсах: с точки зрения его внутренней динамики, внешнего российского и международного фона, а также целей и ожиданий его дальневосточных участников.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Китай, трансграничные отношения, государственное управление, сравнительный подход*

Kireev A. A. The Russian Far East in transborder interaction with China (late 1980s – late 2010s): results in a comparative perspective.

The article is devoted to analysis and assessment of the results of transborder trade, investment and migration relations between the Russian Far East and China from late 1980s to late 2010s. The results of transborder interaction of the macroregion with China are assessed in three comparative perspectives – from the point of view of its internal dynamics, external Russian and international background, as well as the goals and expectations of its Far Eastern participants.

Key words: *Russian Far East, China, transborder relations, public administration, comparative approach*

Для цитирования: Киреев А. А. Российский Дальний Восток в трансграничном взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.): итоги в сравнительной перспективе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 106–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/106-119

For citation: Kireev A. A. The Russian Far East in transborder interaction with China (late 1980s – late 2010s): results in a comparative perspective // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 106–119. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/106-119

Аналитический обзор подходов к оцениванию успешности инфраструктурных мегапроектов в КНР

Введение

В XXI в. мировая экономика столкнулась с новым явлением – сверхкрупными инфраструктурными проектами, стоимость которых оценивается во многие миллиарды долларов. По мере того как количество таких проектов увеличивается, а годовые затраты на осуществление достигают 8% [9, с. 7] от мирового ВВП, успешность их реализации по-прежнему остаётся на чрезвычайно низком уровне. Так, согласно статистике, 9 из 10 мегапроектов подвержены перерасходу бюджета, причём перерасходы на более чем 50%, отнюдь не являются редкостью. Исходя из этой практики, Б. Фливиборг сформулировал "железный закон мегапроектов", который гласит: "Вне бюджета, вне графика, вне выгоды, снова и снова "вне" [9, с. 14].

Но что же такое "мегапроект"? Несмотря на то, что впервые этот термин был употреблён ещё в 1976 г. [10, с. 7], в научном сообществе по-прежнему не сформировалось единого мнения относительно этого понятия. Тем не менее большинство исследователей согласны с тем, что инфраструктурные мегапроекты – это масштабные, многоплановые мероприятия или совокупности мероприятий, оказывающее существенное влияние на формирование инфраструктурной, экономической, экологической и/или другой обстановки в месте реализации, осуществление которых требует значительных финансовых затрат и отлаженного взаимодействия множества акторов на протяжении нескольких лет.

Вот уже несколько десятков лет Китай занимает лидирующее место в мире по количеству реализуемых мегапроектов. Так, например, в период с 2004 по 2008 г. инвестиции КНР в собственную инфраструктуру превысили аналогичные вложения за предыдущие 100 лет [10, с. 8]. Однако если лидерство Китая в масштабах инфраструктурного строительства не оспаривается, то относительно качества реализации и последующей эксплуатации осуществляемых в Китае мегапроектов в экспертном сообществе по-прежнему идут дискуссии. В этой связи, несмотря на общую непроработанность темы, за последние несколько лет в научной литературе сформировался ряд работ, посвящённых изучению успешности мегапроектов в КНР. Поэтому изучение и анализ мнений исследователей по этому вопросу становится как никогда актуальным.

Таким образом, целью данной работы является аналитический обзор существующих в научной литературе и СМИ мнений об успешности осуществления мегапроектов в Китае. Стоит понимать, что авторы рассматриваемых исследований по-разному подходят к оцениванию успешности мегапроектов, используют разные критерии и показатели. В этой связи основной задачей является не получение окончательного заключения об успешности/неуспешности мегапроектов КНР, но демонстрация различных подходов к её оцениванию на примере нескольких работ российских и зарубежных учёных и публикаций СМИ.

Подходы к оцениванию успешности мегапроектов

Прежде чем переходить непосредственно к изложению мнений исследователей касательно успешности мегапроектов в КНР, необходимо обозначить

существующие в научной литературе подходы к оцениванию эффективности реализации мегапроектов в принципе.

В научной литературе существует несколько составляющих определения успешности какого-либо проекта. Так, стоит разграничивать результативность, эффективность и сопутствующие эффекты. Результативность – это отношение фактического результата к плановому, то есть выполнение проекта в срок, без перерасхода бюджета и с запланированными производственными показателями. Эффективность, в свою очередь, это отношение результата проекта к затратам, обусловившим его получение. Другими словами, это последующая финансовая окупаемость проекта или оправдывающий строительство проекта объём производимых им социальных благ. И наконец, сопутствующие эффекты проекта – это спровоцированные строительством и завершением проекта экономические события, такие как повышение спроса на промышленную продукцию, увеличение количества рабочих мест, совершение научно-технических открытий и т.д. Становится очевидно, что конечный вывод об успешности того или иного проекта будет напрямую зависеть от изначального набора рассматриваемых составляющих этого понятия и критериев их оценивания.

Один из наиболее популярных подходов к оцениванию успешности основывается прежде всего на результативности. Таким образом, успешным проект является в том случае, если он выполнен в запланированный срок, на запланированный бюджет и обеспечивает запланированный набор благ. Именно на этом подходе строится утверждение о том, что большинство мегапроектов мира проваливаются [13, с. 783].

Так, Б. Фливбьорг утверждает, 9 из 10 мегапроектов подвержены перерасходу бюджета, причём перерасходы в 50% весьма типичны, а в 80% – не являются редкостью [9, с. 10]. Исследователь также отмечает, что перерасход средств свойственны мегапроектам как в частном, так и в государственном секторе; они остаются одинаково высокими вот уже более 90 лет или на протяжении всего времени существования достоверной статистики. География так же не имеет особого значения. Так, сверхкрупные проекты из 104 стран, по которым существует статистика, страдают от перерасхода средств [9, с. 10]. Кроме того, для мегапроектов по всему миру типичным является несоответствие запланированной и фактической финансовой или иной выгоды. Например, средний показатель дефицита спроса у дамб составляет 11%, у железных дорог – 34% [9, с. 10]. Другими словами, проекты оказываются менее востребованными, чем это предполагалось при утверждении, и тем самым производят меньше благ, как социальных, так и экономических.

Основываясь на этих рассуждениях, Б. Фливбьорг видит основной причиной огромного количества провальных мегапроектов так называемую "оптимистическую предвзятость", когда, движимые различными причинами ответственные за реализацию проекта лица стремятся снизить его бюджет и срок сдачи, а также повысить ожидаемую прибыль [9, с. 10]. Помимо этого, массовые провалы сверхкрупных проектов порождают ещё одно явление – "парадокс мегапроектов", когда спрос на мегапроекты увеличивается несмотря на их очевидные недостатки [9, с. 14].

Б. Фливбьорг называет свой подход микроэкономическим, так как он прежде всего концентрируется на изучении прямых результатов осуществления проекта. В это же время своему подходу учёный противопоставляет изучение успешности мегапроектов на макроэкономическом уровне, которое прежде всего концентрируется на сопутствующих эффектах. Сторонники макроэкономического подхода утверждают, что осуществление масштабного инфраструктурного строительства всегда ведёт к росту производительности труда посредством уменьшения транспортных издержек, увеличения прибыли в бизнес-секторе, повышения мотивации инвестировать в частный капитал, а также создания большого количества рабочих мест [4, с. 361; 363]. Важно также понимать, что на макроуровне не учитываются потраченные на сооружение мегапроектов ресурсы [4, с. 362]. Согласно этому подходу, именно массовые инфраструктурные инвестиции явились драйвером экономического роста Китая [4, с. 361].

Другой подход предполагает выделение нескольких взаимосвязанных или независимых уровней успешности мегапроекта. Он опирается на утверж-

дение о том, что, поскольку мегапроекты – это всегда комплексные предприятия, определение их точной стоимости и сроков сдачи на этапе планирования практически невозможно. Кроме того, зачастую мегапроекты направлены на предоставление определённых социальных благ, будь то улучшение транспортной системы или производство электроэнергии, поэтому оценивать их успешность в отрыве от совокупной ценности производимых ими благ тоже не является рациональным.

Учитывая указанные выше факторы, Куки-Дэвис предложил разделить успешность мегапроектов на 2 уровня: успех проекта (project success) и успех организации проекта (project management success) [13, с. 784]. Успех проекта означает достижение проектом поставленных перед ним бизнес-задач – то есть это его эффективность. Успех организации проекта – это соответствие фиксированным параметрам, заданным на этапе планирования проекта (бюджет, время и т.д.) или его результативность. Подобный подход позволяет установить связь между достижением успеха на обоих уровнях. Так, Серрадор и Тёрнер определили, что корреляция между успехом проекта и успехом организации проекта составляет 60% [13, с. 785]. Это означает, что не все проекты, которые достигли успеха организации, в итоге привели к реализации поставленных перед ними экономических задач.

Другие учёные также исходят из принципа определения нескольких уровней успешности проекта. Так, Тёрнер и Золин идут дальше и делят успех проекта на 2 дополнительных уровня [13, с. 785]. Первый уровень, успех которого можно оценить уже через несколько месяцев, – это достижение желаемого конечного результата и выгоды. Второй уровень – это выполнение проектом более комплексных целей, таких как предоставление общественной и частной выгоды, достижение желаемого уровня влияния и т.п. Успех на этом уровне оценивается только через несколько лет после завершения проекта.

Тёрнер и Сюэ утверждают, что мегапроект может считаться успешным, когда он достигает желаемых результатов за то количество средств и времени, которые делают его эксплуатацию финансово целесообразной и выгодной. Для оценивания успешности они предлагают более подробную четырёхступенчатую систему:

- Успех организации проекта: мегапроект достигает результата с желаемым уровнем функциональности и показателей за то время и средства, которые делают его эксплуатацию целесообразной (результативность).
- Успех мегапроекта, уровень 1А: мегапроект предоставляет желаемый результат и работает, принося желаемую выгоду (эффективность).
- Успех мегапроекта, уровень 1Б: если желаемая выгода финансовая, проект имеет позитивную чистую приведённую стоимость, то есть внутренняя ставка дохода выше, чем стоимость капитала.
- Успех мегапроекта, уровень 2: мегапроект предоставляет желаемую общественную и предпринимательскую выгоду [13, с. 786].

По мнению исследователей, данная система позволяет более гибко подходить к оцениванию успешности реализации мегапроектов и ставит под сомнение утверждение о том, что большая часть мегапроектов проваливается [13, с. 786]. Напротив, она доказывает, что многие испытывавшие огромные перерасходы средств и завершённые вне срока проекты успешно выполняют поставленные перед ними задачи и даже приносят выгоду. Так, исследователи приводят в пример завершённую в 1982 г. систему защиты от наводнений в Лондоне – Барьер Темзы. Несмотря на то, что бюджет проекта был превышен в 4 раза (с 110 млн фунтов до 440 млн), а срок строительства – в 2 раза (с 4 лет до 8), предотвращённые с помощью дамбы затраты в несколько раз превосходят её конечную стоимость, тем самым делая проект успешным [13, с. 786].

Таким образом, мы можем наблюдать некоторые расхождения в подходах учёных к оцениванию успешности мегапроектов. По сути, каждый исследователь волен определять, какими именно критериями он будет пользоваться при оценивании. В этой связи следует вновь подчеркнуть, что в данной работе не вырабатывается методология определения успешности мегапроектов, но рассматриваются уже существующие в академической литературе и СМИ мнения по этому поводу.

Аргументы, подтверждающие успешность инфраструктурных мегапроектов в КНР

Теперь, когда мы рассмотрели основные подходы к оцениванию успешности мегапроектов в принципе, своевременно переходить к мнениям экспертов относительно китайского опыта. Китайское экономическое чудо сегодня является популярной темой исследования в экономической науке. В российской литературе существует целый ряд работ, которые считают сверхкрупные инфраструктурные проекты и массовые инвестиции в инфраструктуру определяющими факторами стремительного экономического роста КНР.

Так, А.В. Кива в своей работе "Крупные проекты как основа успешного развития Китая" утверждает, что вместо того, чтобы делать упор на малый бизнес, который "нигде и никогда не был локомотивом, вытаскивающим из болота слабо диверсифицированную сырьевую экономику" [1, с. 59], Китай взял упор на реализацию сверхкрупных проектов, что и позволило ему достичь стремительного экономического роста. Примечательно, что А.В. Кива рассматривает специальные экономические зоны (СЭЗ) КНР как совокупность инфраструктурных мегапроектов, которые позволили Китаю привлечь капитал порядка 700 млрд долл. [1, с. 62]. Он также приводит в пример некоторые из особо крупных проектов в транспортной и энергетической сфере, такие как Цинхай-Тибетская железная дорога и гидроэлектростанция "Три ущелья", доказывая, что эти мегапроекты не только оказались успешны и улучшили экономику КНР, но и внесли существенный вклад в научно-технический прогресс [1, с. 62].

Другой российский исследователь А.С. Сазонов также считает реализацию инфраструктурных проектов в КНР успешной. В работе "Транспортный комплекс КНР превратился в инструмент ускорения социально-экономического развития Китая" [2] он приводит статистику из различных областей, демонстрируя, что реализация крупных инфраструктурных проектов позволяет Китаю создавать новые рабочие места и поддерживать уровень внутреннего спроса на промышленную продукцию. Так, в 2014–2015 гг. Государственный комитет по делам развития и реформ КНР (ГКРР) одобрил более 300 крупных проектов, реализация которых позволила обеспечить рост спроса на производство стали на 3%, цемента – на 3.5% и тем самым снизить создавшуюся в результате перепроизводства продукции экономическую напряжённость [2, с. 429]. А.С. Сазонов, ссылаясь на китайских экономистов, отмечает, что 1 млрд юаней, вложенный в развитие высокоскоростных железных дорог (ВСЖД), создаёт более 60 тыс. рабочих мест в железнодорожной отрасли и смежных отраслях, а увеличение капиталовложений в ВСЖД на 1% ведёт к росту ВВП на 1.5%, в то время как увеличение мощности морских портов до 100 млн т. в год позволяет создавать более 200 тыс. новых рабочих мест [2, с. 429].

Что касается англоязычной литературы, то многие западные исследователи также положительно отзываются об успешности реализации китайских мегапроектов. Так, Г. Ньюэлл доказывает сильную связь между инфраструктурными вложениями и эффективным рынком коммерческой недвижимости в Китае. Он утверждает, что именно инфраструктурное развитие способствовало ускоренной урбанизации и внесло ключевой вклад в экономический рост КНР. Кроме того, по мнению исследователя, дальнейшее развитие инфраструктуры в КНР приведёт к увеличению привлекательности Китая для иностранных инвестиций в рынок недвижимости, в особенности интерес усилится к городам 2 и 3 уровней [11, с. 182].

П. Саху также доказывает, что инфраструктурные вложения позитивно сказываются на развитии китайской экономики. Он считает, что агрессивные вложения Китая в инфраструктуру (до 15% от ВВП) в 2008–2009 гг. были оправданы необходимостью минимизировать последствия экономического кризиса [12, с. 24]. Кроме того, он отмечает, что инвестиции в развитие человеческого капитала, а именно в здравоохранение и образование, являются первостепенно важными для экономического развития Китая [12, с. 13].

Уважаемые международные издания и консалтинговые компании, такие как The Economist [3] и McKinsey [6] также позитивно отзываются о китайском опыте инфраструктурных вложений. Так, по заявлению The Economist, масштабы и скорость инфраструктурного строительства в Китае вызывают

"благоговение", в то время как страны западной демократии, напротив, "остаются среди отстающих" [6].

Таким образом, можно заметить, что выступающие за успешность реализации мегапроектов в КНР подходят к этому вопросу преимущественно с точки зрения оценивания сопутствующих эффектов и макроэкономических показателей. Они рассматривают успешность мегапроектов как совокупность изменений показателей в экономике всей страны или отдельных регионов, утверждая, что именно массовые вложения в инфраструктуру позволили Китаю достичь феноменального экономического роста. Кроме того, в рамках анализа было отмечено, что большинство работ западных специалистов, которые удалось найти автору, относятся к рубежу десятых годов этого столетия.

Аргументы, опровергающие успешность инфраструктурных мегапроектов в КНР

Если российские исследователи по большей части считают инфраструктурные мегапроекты КНР успешными, то среди англоязычных экспертов существует и противоположная точка зрения. Так, в последние годы в научной литературе появился ряд работ, критикующих систему реализации мегапроектов в КНР и доказывающих её несостоятельность.

Одними из наиболее заметных критиков китайского подхода к реализации мегапроектов являются А. Ансар и Б. Фливборг, которые представляют оксфордскую бизнес школу имени Саида. Учёные утверждают, что доказательство успешности реализации мегапроектов в КНР построены исключительно на уже упомянутых макроэкономических показателях, в то время как исследования на микроэкономическом уровне доказывают несостоятельность этого утверждения [4, с. 361].

Так, используя описанный выше подход на микроуровне, учёные рассматривают 120 проектов в сфере транспортной инфраструктуры, которые КНР проводила совместно с Международным банком и Азиатским банком развития. Эксперты пришли к выводу, что средние показатели успешности проектов соответствуют западным, то есть, другими словами, большая часть проектов провалилась [4, с. 361]. Так, во-первых, средний перерасход бюджета в инфраструктурном строительстве составил 30.6%, что вызвано систематическим занижением цен на стадии планирования [4, с. 371]. Во-вторых, хотя китайские мегапроекты в меньшей степени подвержены нарушениям сроков сдачи, чем западные, по утверждению авторов, такой результат достигается посредством жертвования качеством, безопасностью, социальной справедливостью и экологией [4, с. 372]. В-третьих, реальный спрос на уже реализованные транспортные проекты демонстрирует две противоположные тенденции. С одной стороны, большая часть построенных дорог обладает минимальным трафиком, с другой – небольшое количество магистралей постоянно загружены [4, с. 372]. Это говорит о неэффективности планирования в транспортном строительстве и создаёт множество провальных как с социальной, так и с финансовой точки зрения проектов.

А. Ансар и Б. Фливборг также опровергают сформированные придерживающимися макроэкономического подхода исследователями представления о том, что массовое инфраструктурное строительство явилось драйвером роста экономики КНР. По оценкам авторов, перерасходы бюджета сверхкрупных проектов составляют около трети от совокупного национального долга Китая, который в 2015 г. насчитывал 28.2 трлн долл. [4, с. 380]. То же происходит и с внутригосударственной задолженностью, которая, в связи с долговым инвестированием неуспешных проектов, уже в 2007 г. составляла 12.9 трлн долл. [4, с. 382]. Эксперты утверждают, что подобная внутренняя задолженность ведёт к серьёзной экономической уязвимости и при продолжении нынешней инвестиционной политики может войти в финансовый и экономический кризис.

Критика в сторону долговых инвестиций КНР находит своё отражение и в работах других исследователей. С. Жэнь называет инфраструктуру КНР "самым большим инвестиционным пузырьком в мире" [14, с. 139]. Данную формулировку она объясняет через демонстрацию механизма инвестирования большинства сверхкрупных проектов в КНР. Так, основными спонсорами мегапроектов являются местные инвестиционные платформы (МФП), кото-

Таблица 1. Аргументы, подтверждающие и опровергающие успешность мегапроектов в КНР

Область	Подтверждающие	Опровергающие
Время и происхождение авторов	Российские исследователи; западные исследователи и СМИ (публикации конца 2000-х – начала 2010-х гг.)	Западные исследователи и СМИ в относительно новых публикациях (позже 2015 г.)
Подход к оцениванию	Преимущественное оценивание по макроэкономическим показателям и сопутствующим эффектам.	Использование сопутствующих эффектов, эффективности и результативности на микроэкономическом уровне.
Статистика	Использование официальной статистики КНР.	Использование также альтернативных данных.
Рост экономики	Инфраструктурные инвестиции в КНР приводят к стремительному экономическому росту.	Инфраструктурные инвестиции ведут к быстрому увеличению внутреннего долга, что может вызвать финансовый и экономический кризис.
Успешность эксплуатации	Мегапроекты КНР в целом востребованы и выполняют поставленные при планировании задачи.	Мегапроекты в КНР показывают две противоположных тенденции. Одни востребованы гораздо больше запланированного, на других же, напротив, спрос значительно ниже.
Сравнение со странами Запада	В Китае инфраструктурные проекты реализуются успешнее, чем на западе. Западным странам, прежде всего США, необходимо обратиться к китайскому опыту реализации мегапроектов.	Хоть скорость осуществления проектов в КНР действительно быстрее, однако она достигается за счёт обхода многих необходимых на западе стандартов. Мегапроекты в КНР подвержены перерасходу средств в той же мере, что и на западе. Кроме того, они также часто менее эффективны.

Источник: составлено по [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 11; 12; 13; 14].

рые, не имея достаточно средств для осуществления масштабного строительства, берут займы из государственных банков и тем самым остаются в долгу. Например, Корпорация инвестиций и развития городского строительства г. Ухань, имея капитализацию в 15 млрд долл., обладает долгом размером в 14 млрд долл. В совокупности, в 2017 г. корпоративный долг КНР составил 160% от ВВП (Япония – 99,9%; США – 73,6%) [8]. Таким образом, несмотря на постепенное увеличение доли частного капитала в финансировании проектов, неспособность местных правительств выплачивать долги ставит под угрозу модель стимулируемого инвестиционными вложениями экономического роста.

Необходимо также отметить, что мнение некоторых СМИ по отношению к успешности инфраструктуры в КНР в последние годы стало более скептическим. По утверждению The Economist, операционные доходы МФП покрывают только 40% их долговых обязательств, которые в период с 2014 по 2019 г. увеличивались в среднем на 20% ежегодно [5]. Газета South China Morning Post также обеспокоена растущей задолженностью местных правительств в КНР. По её мнению, опасаясь дальнейшего увеличения внутреннего долга, Пекин уже пытался отказаться от стимулируемого инфраструктурными вложениями развития экономики, однако снижение роста ВВП и пандемия коронавируса заставили его снова прибегнуть к массовым инвестициям в инфраструктурное строительство [7].

Таким образом, изложенные выше аргументы можно представить в виде сводной *таблицы 1*.

Заключение

В исследовании были изложены различные существующие в научной литературе подходы к оцениванию успешности инфраструктурных мегапроектов. На основе рассмотренных данных был сделан вывод о том, что исследователи ещё не сформировали единый подход к выполнению этой задачи. Так, некоторые эксперты считают, что первостепенным значением в оценивании успешности мегапроектов обладает их результативность. Согласно дру-

гой точки зрения, успешность проекта включает в себя несколько уровней и должна оцениваться в соответствии с каждым из них.

Что касается отношения исследователей к успешности мегапроектов в КНР, анализ аргументов показал, в этой области учёные также не пришли к единому мнению. Так, российские специалисты оценивают успешность мегапроектов КНР в основном позитивно и считают массовые инфраструктурные вложения Китая драйвером его экономики. Что касается западных экспертов, то подобные российским исследования как правило датируются концом 2000-х – началом 2010-х гг., что совпадает со стремительно-быстрым ростом ВВП КНР на фоне последствий мирового экономического кризиса. Работы последних лет, напротив, критикуют систему реализации мегапроектов в КНР и доказывают её несостоятельность.

Что же касается характера аргументов, то сторонники успешности мегапроектов КНР подходят к их оцениванию исходя исключительно из макроэкономических показателей развития экономики с использованием официальной китайской статистики в качестве одного из основных источников информации. Другая же группа исследователей, напротив, не доверяет официальной статистике и придерживается других, по её мнению, более достоверных источников. Эта группа рассматривает отдельные мегапроекты и их совокупности, тем самым на конкретных примерах опровергая мнение о превосходстве китайской модели строительства инфраструктурных объектов.

Литература

1. Кива А.В. Крупные проекты как основа успешного развития Китая // Россия и современный мир. 2015. №. 4 (89). С. 59–72.
2. Сазонов С.В. Транспортный комплекс КНР превратился в инструмент ускорения социально-экономического развития Китая / С. В. Сазонов, Чэнь Сяо // Общество и государство в Китае. 2017. Том 47. № 1. С. 425–433.
3. America's transport infrastructure – Life in the slow lane // The Economist, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/china/2017/01/13/china-has-built-the-worlds-largest-bullet-train-network> (дата обращения: 02.04.2020).
4. Ansar A. Does Infrastructure Investment Lead to Economic Growth or Economic Fragility? Evidence from China / A. Ansar, B. Flyvbjerg, A. Budzier, D. Lunn // Oxford Review of Economic Policy. 2016. Vol. 32. № 3. P. 360–390.
5. As growth slows, the spectre of local-government debt looms once more // The Economist, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2019/06/22/as-growth-slows-the-spectre-of-local-government-debt-looms-once-more> (дата обращения: 03.04.2020).
6. Chinese infrastructure: The big picture // McKinsey & Company, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/winning-in-emerging-markets/chinese-infrastructure-the-big-picture> (дата обращения: 01.04.2020).
7. Coronavirus: China local government debt could hit record high as Beijing front-loads more bonds // South China Morning Post, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/economy/article/3084407/coronavirus-china-local-government-debt-could-hit-record-high-beijing-front> (дата обращения: 01.04.2020).
8. Does China face a looming debt crisis? // ChinaPower, [Электронный ресурс]. URL: [https://chinapower.csis.org/china-face-looming-debt-crisis/#:~:text=As%20of%202017%2C%20China's%20corporate,United%20States%20\(73.6%20percent\)](https://chinapower.csis.org/china-face-looming-debt-crisis/#:~:text=As%20of%202017%2C%20China's%20corporate,United%20States%20(73.6%20percent).). (дата обращения: 30.07.2020).
9. Flyvbjerg B. Introduction: The Iron Law of Megaproject Management // The Oxford Handbook of Megaproject Management. – Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 1–21.
10. Flyvbjerg B. What You Should Know about Megaprojects and Why: An Overview // Project Management Journal. 2014. Vol. 45. № 2. P. 6–19.
11. Newell G. The significance and performance of infrastructure in China / G. Newell, Kwong Wing Chau, Siu Kei Wong // Journal of Property Investment & Finance. 2009. Vol. 27. № 2. P. 180–202.
12. Sahoo P. Infrastructure Development and Economic Growth in China / P. Sahoo, R. K. Dash, G. Nataraj // IDE Discussion Paper. 2010. № 261. P. 1–16.
13. Turner J.R. On the success of megaprojects / J.R. Turner, Yan Xue // International Journal of Managing Projects in Business. 2018. Vol. 11. № 3. P. 783–805.
14. Xuefei Ren. Biggest Infrastructure Bubble Ever?: City and Nation Building with Debt-Financed Megaprojects in China // The Oxford Handbook of Megaproject Management. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 139–153.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Kiva A.V. Krupnye proekty kak osnova uspehnogo razvitiya Kitaya // Rossiya i sovremennyy mir. 2015. № 4 (89). S. 59–72.
2. Sazonov S.V. Transportnyy kompleks KNR prevratilsya v instrument uskoreniya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Kitaya / S. V. Sazonov, Chehn' Syao // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. 2017. Tom 47. № 1. S. 425–433.
3. America's transport infrastructure – Life in the slow lane // The Economist, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.economist.com/china/2017/01/13/china-has-built-the-worlds-largest-bullet-train-network> (data obrashheniya: 02.04.2020).
4. Ansar A. Does Infrastructure Investment Lead to Economic Growth or Economic Fragility? Evidence from China / A. Ansar, B. Flyvbjerg, A. Budzier, D. Lunn // Oxford Review of Economic Policy. 2016. Vol. 32. № 3. P. 360–390.
5. As growth slows, the spectre of local-government debt looms once more // The Economist, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2019/06/22/as-growth-slows-the-spectre-of-local-government-debt-looms-once-more> (data obrashheniya: 03.04.2020).
6. Chinese infrastructure: The big picture // McKinsey & Company, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/winning-in-emerging-markets/chinese-infrastructure-the-big-picture> (data obrashheniya: 01.04.2020).
7. Coronavirus: China local government debt could hit record high as Beijing front-loads more bonds // South China Morning Post, [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.scmp.com/economy/article/3084407/coronavirus-china-local-government-debt-could-hit-record-high-beijing-front> (data obrashheniya: 01.04.2020).
8. Does China face a looming debt crisis? // ChinaPower, [EHlektronnyj resurs]. URL: [https://chinapower.csis.org/china-face-looming-debt-crisis/#:~:text=As%20of%202017%2C%20China's%20corporate,United%20States%20\(73.6%20percent\)](https://chinapower.csis.org/china-face-looming-debt-crisis/#:~:text=As%20of%202017%2C%20China's%20corporate,United%20States%20(73.6%20percent)). (data obrashheniya: 30.07.2020).
9. Flyvbjerg B. Introduction: The Iron Law of Megaproject Management // The Oxford Handbook of Megaproject Management. – Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 1–21.
10. Flyvbjerg B. What You Should Know about Megaprojects and Why: An Overview // Project Management Journal. 2014. Vol. 45. № 2. P. 6–19.
11. Newell G. The significance and performance of infrastructure in China / G. Newell, Kwong Wing Chau, Siu Kei Wong // Journal of Property Investment & Finance. 2009. Vol. 27. № 2. P. 180–202.
12. Sahoo P. Infrastructure Development and Economic Growth in China / P. Sahoo, R. K. Dash, G. Nataraj // IDE Discussion Paper. 2010. № 261. P. 1–16.
13. Turner J.R. On the success of megaprojects / J.R. Turner, Yan Xue // International Journal of Managing Projects in Business. 2018. Vol. 11. № 3. P. 783–805.
14. Xuefei Ren. Biggest Infrastructure Bubble Ever?: City and Nation Building with Debt-Financed Megaprojects in China // The Oxford Handbook of Megaproject Management. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 139–153.

Милько М. М. Аналитический обзор подходов к оцениванию успешности инфраструктурных мегапроектов в КНР.

Целью данной работы является аналитический обзор существующих в научной литературе и СМИ мнений об успешности осуществления инфраструктурных мегапроектов в КНР. Сделан вывод, что российские и западные специалисты (в публикациях конца 2000-х – начала 2010-х гг.) склонны к положительной оценке проектов. Западные же учёные (в работах позже 2015 г.), напротив, негативно оценивают успешность мегапроектов в КНР и считают их реализацию посредственной. Были также выделены некоторые особенности аргументов обеих сторон, такие как характер используемой статистики, особенности способов оценивания и т.д.

Ключевые слова: *мегапроекты, мегапроект Китая, инфраструктура Китая инфраструктурные мегапроекты, корпоративный долг*

Mil'ko M. M. Analytical review of approaches to estimating the success of infrastructure megaprojects in China.

The purpose of this study is an analytical review of the opinions existing in the academic literature and the media on the success of the implementation of infrastructure megaprojects in China. The study reveals that both Russian and Western specialists (in studies published in the late 2000s and early 2010s) tend to assess the success of Chinese megaprojects positively. In contrast, Western scientists (in studies published later 2015) give a mostly negative assessment to the success of megaprojects in China, and consider their implementation relatively poor. Some features of the arguments of both sides were also highlighted, such as the nature of the statistics applied, the features of the assessment methods, etc.

Key words: *megaprojects, Chinese megaprojects, Chinese infrastructure megaprojects, infrastructure megaprojects, corporate debt*

Для цитирования: Милько М. М. Аналитический обзор подходов к оцениванию успешности инфраструктурных мегапроектов в КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 120–128. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/120-128

For citation: Mil'ko M. M. Analytical review of approaches to estimating the success of infrastructure megaprojects in China // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 120–128. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/120-128

Статистическая оценка гендерного равенства в сфере экономики в Российской Федерации

Постановка проблемы

Проблема неравных прав женщин по сравнению с мужчинами активно обсуждается политиками и обществом в целом, изучается исследователями разных отраслей знаний. Стремление к учету интересов обеих социально-половых групп общества реализуется посредством гендерного подхода к решению разных вопросов общественного развития, предполагающего необходимость достижения состояния в обществе, характеризующимся равным обладанием социальными благами как женщинами, так и мужчинами, а также разработку механизмов поддержки той или иной стороны в том случае, если обнаруживается нарушение прав одной из социально-половых групп.

Значительный импульс исследованию этой проблематики был дан IV Всемирной конференцией по положению женщин, прошедшей в 1995 г. в Пекине и провозгласившей план действий по преодолению гендерного неравенства.

Ученые отмечают многообразие форм проявления гендерной асимметрии в экономике [5; 8; 9; 10]. Сложность проблемы гендерного равноправия, неоднозначность ее проявления в различных сферах жизнедеятельности требуют проведения всесторонних детальных исследований. Положение представителей социально-половых групп на рынке труда меняется и по мере изменений экономической системы, скорость которых в нашей стране в последние годы существенно возросла. Это вызывает необходимость проведения исследований в целях предотвращения или снижения негативных последствий, связанных с нарушением прав граждан в экономической сфере, связанных с их половой принадлежностью.

Международные организации разрабатывают методики для межстрановых сопоставлений и активно исследуют положение женщин в разных государствах мира. С 1995 г. такие исследования проводит Организация объединенных наций в рамках Программы развития. Ежегодно проводится ранжирование стран мира по величине Индекса гендерного равенства ((The Gender Equity Index). Методика расчета этого индекса основывается на количественной оценке достигнутого уровня равноправия полов по следующим направлениям: охрана репродуктивного здоровья, гражданские права и возможности, положение на рынке труда. По данным последнего тематического доклада ООН 2019 г., лидерами по обеспечению гендерного равенства выступают Швейцария, Дания, Швеция, Нидерланды, Норвегия, Бельгия, Финляндия – в этих государствах индекс гендерного равенства, (понимаемого как отклонение от гендерного паритета) не превышает 0,05. Замыкают рейтинг государства Чад, Папуа – Новая Гвинея и Йемен, в которых данный индикатор превышает 0,7.

Наша страна находится в этом рейтинге на 54-м месте со значением индекса гендерного равенства 0,255 по соседству с Кувейтом и Барбадосом. Из стран Восточной Европы больших результатов в преодолении неравенства полов добились Словения (13-е место), Черногория (28-е место), Польша (30-е), Хорватия (31-е), Чехия (35-е), Македония (36-е), Сербия (38-е), Словакия (43-е), Болгария (48-е место); Китай занимает 30-ю строчку рейтинга, США 42-ю.

Из числа стран – бывших участников СССР наиболее высокие позиции в мировом рейтинге по индексу гендерного равенства занимают Эстония (21-е место), Беларусь (27-е), Литва (33-е место), Латвия (40-е), Казахстан (46-е), Молдова (48-е место).

Опережают Российскую Федерацию даже мусульманские страны: Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, – для которых характерны культурные особенности во взаимоотношении полов и в которых действуют строгие религиозные ограничения для женщин [6].

Другое известное исследование ежегодно начиная с 2006 г. проводит Всемирный экономический форум (ВЭФ). Рассчитывается Индекс гендерного разрыва в разных странах мира и на этой основе формируется рейтинг. Индекс рассчитывается по 14 показателям, характеризующим основные сферы жизнеобеспечения: здоровье, образование, занятость и карьера, политические права и возможности. Согласно последнему опубликованному исследованию ВЭФ, в котором была проведена оценка равенства мужчин и женщин в 149 государствах, в мире всего 7 стран, в которых значение этого индекса превышает 0,8: Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Никарагуа, Руанда, Новая Зеландия. Максимальное значение индекса – 0,858.

Российская Федерация в этом ранкинге находится на 75-м месте с показателем 0,701. Такой же величина индекса гендерного разрыва была в государстве Доминикана. Примечательно, что многие государства, образовавшиеся после крушения социалистической системы, имеют более высокие позиции в этом рейтинге: Словения – 11-е, Болгария – 18-е, Куба 23-е, Сербия – 38-е, Польша – 42-е, Монголия – 58-е, Хорватия – 59-е, Румыния – 63-е, Черногория – 69-е место.

Из числа бывших союзных республик опережают Россию Литва, занимающая 24-е место, Беларусь (28-е), Эстония (33-е), Молдова (35-е), Казахстан (60-е место), Украина (65-е место) [7].

По оценке Всемирного экономического форума, формирующего рейтинг гендерного равенства в политической сфере, наша страна находится на 122-м месте из 152 обследованных стран, соседствуя с такими государствами, как Сьерра-Леоне и Марокко. Главными причинами столь низкого положения нашей страны названы малая доля женщин среди руководителей, особенно в палатах парламента, дипломатическом корпусе, министерских кабинетах. Участие женщин в политической жизни в России, по мнению экспертов ВЭФ, купируется еще на стадии выдвижения кандидатур и проведения избирательных кампаний, в чем представительницы прекрасного пола не могут конкурировать с финансово более обеспеченными командами рвущихся к власти мужчин [16].

Методики измерения гендерного неравенства, как правило, предполагают оценку репродуктивного здоровья, прав и возможностей представителей разного пола, а также их положения на рынке труда. К сожалению, следует признать, что в части охраны репродуктивного здоровья в нашей стране много проблем. Показатель материнской смертности в России – один из самых высоких в Европе: 9,1 умерших женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми. Для сравнения: в Польше – 1,6, Швеции – 2,6, Германии и Италии – 3,3, Финляндии – 3,6, Франции – 4,7 умерших женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми [16]. С низкой оценкой этой составляющей интегрального индекса придется согласиться. Дискриминация женщин на рынке труда, на первый взгляд, не носит ярко выраженного характера. Поэтому попытаемся опровергнуть столь не лестные оценки западных экспертов, исследуя положение полов на рынке труда и участие мужчин и женщин в политической жизни общества.

Информационная основа исследования – данные официальной российской статистики. Присоединившись к "Платформе действий" IV Всемирной конференции по положению женщин, состоявшейся в Пекине в 1995 г., российское статистическое ведомство регулярно публикует данные национальной гендерной статистики. Одно из наиболее полных изданий – статистический сборник "Женщины и мужчины России". Даже по объему этого издания можно судить об усилении внимания к ситуации в этой сфере в нашей стране: в 2000 г. статистический сборник содержал 110 стр., в 2018 г. – 241 стр.

Таблица 1. Удовлетворенность женщин и мужчин величиной заработной платы на своей основной работе, 2016 г. по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения; в процентах к итогу.

Показатель	Женщины	Мужчины	Городское население		Сельское население	
			Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Лица в возрасте 15 лет и более занятые в экономике – всего	100	100	100	100	100	100
в том числе:						
вполне удовлетворены	34,2	40,3	34,8	41,1	31,6	37,3
не вполне удовлетворены	52,0	48,8	51,7	48,3	53,3	50,3
совсем не удовлетворены	13,5	10,5	13,1	10,1	14,9	12,1

Источник: [4, с. 94].

Цель данной статьи – на основе данных официальной статистики охарактеризовать положение женщин в российской экономике. Поскольку проблема гендерного неравенства наиболее явно проявляется в политике, в работе также анализируется представленность женщин в органах государственной власти на разных уровнях управления и в разных ветвях власти современной России.

Характеристика положения женщин на рынке труда России

Основания к тому, чтобы предположить неравное положение мужчин и женщин в сфере труда в нашей стране, дают результаты проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) комплексного наблюдения условий жизни населения. Согласно ему, распределение женщин по степени удовлетворенности наиболее важным для большинства занятых по найму россиян аспектом трудовой деятельности – величиной заработной платы – сильно отличается от распределения мужчин: выразивших полное удовлетворение этим аспектом своей трудовой деятельности среди мужчин было 40 %, среди женщин – 34 % (таблица 1).

Примечательно, что удовлетворенность другими аспектами своей работы (респондентам предлагалось оценить надежность работы, выполняемые обязанности, режим работы, условия труда, расстояние до работы, профессиональная удовлетворенность, моральное удовлетворение) у женщин выше, чем у мужчин [4, с. 94–95]. Это важное обстоятельство не позволяет предположить излишнюю требовательность к условиям оплаты труда со стороны женщин.

Данные статистики показывают, что уровень занятости женщин в РФ существенно ниже, чем мужчин [16, с. 119]. Но это нельзя считать проявлением гендерного неравенства. Рассматриваемый показатель сильно зависит от демографической ситуации и пенсионного законодательства. Женщин в РФ живут дольше: в 2018 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин была на 10,1 года меньше, чем женщин (67,75 года и 77,82 года, соответственно) [16, с. 92].

Уровень занятости населения рассчитывается как отношение численности занятого населения в возрасте 15 лет и старше к общей численности населения в этом возрасте. На 1 января 2019 г. в РФ в возрасте, принятом для расчета показателей рынка труда в связи с ежегодным изменением границ пенсионного возраста [16, с. 147], насчитывалось 54782,2 тыс. чел. мужчин и 66056 тыс. чел. женщин [16, с. 96]. А на заслуженный отдых женщины в нашей стране уходят на 5 лет раньше, чем мужчины. Это и сказывается на величине рассматриваемого показателя.

Об отсутствии распространенной дискриминации женщин при трудоустройстве говорит тот факт, что уровень безработицы среди женщин в России традиционно ниже, чем мужчин, хотя женщин в возрасте 15 лет и старше в нашей стране почти на 21 % больше, чем мужчин.

Однако на основании различий в уровне безработицы мужчин и женщин в возрасте 15 – 19 лет можно предположить, что первичное трудоустрой-

Таблица 2. Уровень безработицы женщин и мужчин в возрасте 15 – 72 лет по возрастным группам и месту проживания, 2017 г., в процентах.

	Всего		Городское население		Сельское население	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Всего	5,1	5,4	4,3	4,4	7,9	8,2
в том числе в возрасте, лет:						
15-19	32,4	25,7	33,3	27,1	31,1	24,0
20-29	9,0	8,2	8,0	7,2	13,0	11,3
30-39	4,6	4,3	3,7	3,4	8,1	7,5
40-49	3,6	4,2	2,8	3,3	6,2	6,9
50-59	3,5	4,7	3,0	3,8	5,2	6,9
60-72	3,3	3,5	3,1	3,4	3,9	3,9

Источник: [4, с. 149].

ство у женщин сопряжено с большими трудностями, чем у мужчин. Данные статистики показывают и то, что в возрасте до 40 лет, когда большинство женщин имеют на своем попечении малолетних детей и / или готовы приступить к работе после перерыва, связанного с рождением детей, уровень безработицы немного выше, чем среди мужчин данных возрастных групп (таблица 2).

Статистика не отображает случаи необоснованного отказа в приеме на работу, например, беременных женщин или женщин, имеющих малолетних детей. Хотя ни для кого не секрет, что найти работу им очень сложно. Вместе с тем можно понять и работодателя, чья задача заключается не только в выполнении социальных функций. Главное для предприятия – обеспечить бесперебойную работу производства (иначе прибыли не получить). Имея в составе занятых работников, которые могут часто прерывать трудовую деятельность (например, по причине болезни детей), может создать угрозу стабильности его функционирования. В таком случае безработных может стать значительно больше. Поэтому проблемы трудоустройства молодых женщин склонны считать не проявлением дискриминации, а недоработкой государства. Работодателей, которые, возможно, а скорее наверняка, будут иметь дополнительные издержки, принимая на работу людей, имеющих на своем попечении малолетних детей, должны быть заинтересованы в создании рабочих мест для этой безработной граждан.

Об отсутствии массовых нарушений прав женщин в трудовой сфере говорят и результаты упомянутого выше исследования Росстата, согласно которому удовлетворенность женщин такими аспектами своей работы, как ее содержание и надежность, режим и условия труда, возможность профессиональной самореализации и моральное удовлетворение, выше, чем по группе участвовавших в опросе мужчин.

Хотя частные случаи дискриминации по полу исключать нельзя. При этом, это может касаться как женщин, так и мужчин. Последние имеют на рынке труда ряд объективных преимуществ перед женщинами: не прерывают трудовую деятельность в связи с рождением детей; реже допускают перерывы в работе в связи с болезнью детей; как правило, более мобильны и готовы к изменению режима работы, увеличению продолжительности рабочего дня и иным действиям в случае возникновения острой производственной необходимости и др.

С другой стороны, с мужчинами на работе тоже могут быть связаны схожие и даже более сложные проблемы. По данным статистики, уровень заболеваемости алкоголизмом среди мужчин почти в 4 раза выше, чем среди женщин: 91 против 25 случаев на 100 тыс. чел. населения [4, с. 60], что может приводить к внеплановым перерывам в работе, повышению уровня производ-

ственного травматизма, ухудшению микроклимата в коллективе и другим негативным последствиям. Каждый работодатель, принимая решение о приеме, рассматривает эти и другие обстоятельства.

Уровень зарегистрированной безработицы среди женщин на 25 % выше, чем среди мужской части населения, что, на наш взгляд, во многом объясняется тем, что мужчины в меньшей степени, чем женщины, готовы обращаться в государственную службу занятости. Многих из них пугает процедура регистрации в качестве безработного, необходимость последующего регулярного взаимодействия в этом статусе с государственной службой занятости и другие требования. Некоторые мужчины даже не допускают такой возможности, поскольку считают для себя оскорбительным жить на пособие, выплачиваемое государством.

Еще одна причина, по которой уровень зарегистрированной безработицы женщин больше, чем мужчин, заключается в том, что среди занятых в неформальном секторе преобладают мужчины. Органы статистики оценивает численность занятых в теневой экономике россиян в 13,3 млн чел., из которых 56 % – мужчины (2017 г.) [4, с. 109]. По этой причине не все могут рассчитывать на пособие по безработице, а значит не стоит и регистрироваться на бирже труда. Кроме того, в рабочее время занятые в неформальном секторе, как правило, не могут регулярно посещать органы государственной службы занятости, как это требует российское законодательство.

Анализ изменения половой структуры занятых в российской экономике по различным видам экономической деятельности в 2000–2015 г. тоже не дает оснований предположить широкое распространение дискриминации по полу при приеме на работу. Постепенное уменьшение удельного веса женщин в таких отраслях, как промышленность, сельское и лесное хозяйство, строительство, транспорт и связь, можно считать оправданным заботой об их здоровье.

Труд на предприятиях этих отраслей нередко квалифицируется как тяжелый и напряженный, а также осуществляется в опасных и вредных условиях, что особенно губительно сказывается на женском организме. По данным статистики, во вредных и опасных условиях трудятся 33 % численности работников сельского и лесного хозяйства, занятых охотой, рыболовством и рыбоводством, обеспечением электрической энергией, газом и паром, кондиционированием воздуха; 35 % работников организаций, занятых транспортировкой и хранением; 37 % общей численности работающих в строительстве; 39 % занятых водоснабжением, водоотведением, организацией сбора и утилизации отходов, деятельностью по ликвидации загрязнений; 43 % работников обрабатывающих производств; 55 % занятых в добывающих отраслях экономики.

Еще от 18 % занятых (характерно для предприятий, работающих в сфере обеспечения электрической энергией, газом и паром; кондиционирования воздуха) до 39 % работников (среди занятых на предприятиях добывающих отраслей) трудятся под воздействием таких факторов, как тяжесть и напряженность, что тоже может нанести значительный вред здоровью.

В итоге в российской экономике можно считать небезопасными 56 % рабочих мест в сельском и лесном хозяйстве, в организациях, занятых охотой, рыболовством и рыбоводством; 94 % – в добывающей промышленности; 67 % – на предприятиях обрабатывающих производств; 51 % рабочих мест в организациях, занятых обеспечением электрической энергией, газом и паром, кондиционированием воздуха; 62 % – в сфере обеспечения водоснабжения, водоотведения, сбора и утилизации отходов, ликвидации загрязнений; 64 % – в строительстве; 63 % рабочих мест на предприятиях, осуществляющих транспортные перевозки и хранение грузов [16, с. 143].

О том, что длительное пребывание в таких условиях оказывает серьезное негативное влияние на здоровье людей, говорит тот факт, что в 2018 г. 44 % из общей численности лиц, впервые признанных инвалидами, находились в трудоспособном возрасте, а в так называемые нулевые годы этот показатель достигал 50 % [16, с. 233].

В данной ситуации, не опасаясь упреков в дискриминации, можно пожелать, чтобы до тех пор, пока в этих отраслях не будут гуманизированы условия труда, женщины на таких работах было как можно меньше. Хотя в этом случае речь может идти о дискриминации в отношении мужчин. Негативное влияние на здоровье человека вредных и тяжелых условий труда подтверждают и следующие данные федеральной государственной информационной системы "Фе-

Таблица 3. Средняя начисленная заработная плата женщин и мужчин по данным выборочного обследования организаций, октябрь 2017 г.

Вид экономической деятельности	Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %	Удельный вес женщин в общей численности работников, %
Всего	71,7	53,9
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	83,1	36,5
Добыча полезных ископаемых	73,4	19,8
Обрабатывающие производства	76,8	37,7
Обеспечение электрическое энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	86,5	30,7
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	83,4	32,6
Строительство	95,7	17,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	75,2	55,8
Транспортировка и хранение	72,1	35,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	80,7	67,2
Деятельность в области информации и связи	78,9	44,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	85,6	45,2
Деятельность профессиональная, научная и техническая	75,1	47,9
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	86,1	33,3
Образование	93,0	80,1
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	88,8	79,9
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	75,3	62,6

Источник: [4, с. 129–130].

деральный реестр инвалидов": среди лиц, впервые признанных инвалидами в последние годы, мужчин в трудоспособном возрасте почти в 2 раза больше, чем женщин [4, с. 66]. Другой фактор более высокой степени инвалидизации мужчин в России – их невнимательное, а порой даже пренебрежительное отношение к своему здоровью, что значительно увеличивает заболеваемость и осложняет течение болезней.

Возвращаясь к распределению мужчин и женщин по видам экономической деятельности, заметим, что самые сильные изменения в составе работающих по полу характерны для науки, удельный вес мужчин в которой значительно возрос, что следует оценить положительно, поскольку следует признать, что в такого рода деятельности, если судить по половому составу нобелевских лауреатов, мужчины, как правило, более продуктивны.

Вызывают вопросы зафиксированное статистикой в 2000–2015 гг. небольшое сокращение (на 6 %) доли женщин в организациях такого традиционно относимого к "женским" вида деятельности, как гостиницы и рестораны, и значительный рост (на 19 %) удельного веса женщин в органах государственного управления и обеспечения военной безопасности, традиционно считающихся "мужскими" [15, с. 111].

Распределение мужчин и женщин по основным группам занятий свидетельствует, что мужчины сильно преобладают среди операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей; квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий, что вполне оправдано в связи со спецификой этих видов деятельности.

Нельзя расценить как проявление гендерного неравенства и то обстоятельство, что в России среди руководителей мужчин заметно больше, чем женщин (на 16 п. п., 2018 г.). Представляя женскую часть занятого в российской экономике населения, осмелимся утверждать, что далеко не каждая женщина ради карьеры руководителя, деятельность которого, как правило, носит ненормированный по времени характер, сопряжена с многочисленными командировками, готова пожертвовать другими сторонами своей жизни, в частности семейной жизнью, рождением и воспитанием детей. Женщины, которые добились значительных профессиональных достижений, как правило, статистически отображаются в категории "специалисты высшего уровня квалификации", среди которых женщины составляют 64 % (это даже больше, чем доля мужчин в составе руководителей – 58 %) [16, с. 127].

Таким образом, на основе проведенного анализа можно утверждать, что при приеме на работу в российские организации гендерное неравенство не имеет явно выраженного проявления, хотя исключать частные случаи нельзя. Безработица среди женщин меньше, чем среди мужчин. Как правило, не испытывают женщины и препятствий для карьерного роста. Содержание и условия труда, возможность профессиональной самореализации и моральную удовлетворенность от своего труда женщины оценивают выше, чем мужчины. Меньшую, чем мужчины, удовлетворенность женщины выражают только по поводу одного аспекта трудовой деятельности – заработной платы.

Неравенство полов в России в части оплаты труда проявляется сильно. Во всех без исключения отраслях средняя начисленная заработная плата женщин меньше, чем мужчин. Такое соотношение наблюдается даже в отраслях бюджетной сферы, где применяются единые подходы, что, скорее всего, связано с тем, что здравоохранение и образование не привлекательны для мужчин, и они занимают в этих организациях в основном руководящие должности (таблица 3).

Наибольший разрыв в оплате мужского и женского труда зафиксирован в организациях, занятых транспортировкой и хранением, добычей полезных ископаемых, что следует признать вполне оправданным. Поскольку с высокой долей вероятности можно предположить, что женщины в этих отраслях выполняют не ключевые функции.

Вместе с тем не представляются обоснованными различия в оплате труда мужчин и женщин в таких сферах, как оптовая и розничная торговля, деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Различия в оплате труда мужчин и женщин отмечаются во всех без исключения категориях персонала. Средняя заработная плата мужчин – представителей рабочих профессий в 1,6 раза больше; занимающих должности руководителей и специалистов – в 1,5 раза; других служащих – в 1,4 раза, больше, чем женщин [4, с. 131].

Наибольшие различия в оплате труда мужчин и женщин в России характерны для категории специалистов среднего звена – отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составляет менее 59 %. Мужчины, занимающие должности специалистов высшей квалификации, зарабатывают в 1,4 раза больше, чем занятые таким же трудом женщины. Только квалифицированный труд женщин, занятых в сельском хозяйстве, оплачивается в среднем немного выше, чем мужчин [4, с. 132].

Вряд ли выявленные огромные различия в оплате труда мужчин и женщин в России можно признать обоснованными, поскольку уровень образования последних существенно выше, чем мужчин: в 2018 г. удельный вес занятых в экономике женщин, имеющих высшее образование, был почти на 9 п. п. больше, со средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена – на 8 п. п. больше, чем среди мужчин [16, с. 128].

Неравенство полов проявляется и в том, что российские женщины, имеющие высшее образование, зарабатывают в среднем в 1,5 раза меньше,

чем высокообразованные мужчины. Среди работающих со средним профессиональным образованием различия в оплате труда между представителями разных полов составляют 1,4 раза, с начальным профессиональным и общим средним образованием – 1,6 раза, основным общим образованием – 1,5 раза, среди граждан, не имеющих общего среднего образования – 1,6 раза.

Огромный разрыв в оплате труда мужчин и женщин, имеющих одинаковое образование, характерен практически для всех основных групп занятий: руководителей; специалистов высшего и среднего уровня квалификации; служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием; работников сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности; квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий; операторов производственных установок и машин, сборщиков и водителей; неквалифицированных рабочих.

В некоторых случаях различия составляют 2 и более раза. В частности, это касается специалистов среднего уровня квалификации, имеющих общее среднее образование и не имеющих основного общего образования.

Больше, чем мужчины, женщины зарабатывают только, выполняя квалифицированную работу в организациях, занятых таким видом деятельности, как сельское и лесное хозяйство, рыбоводство и рыболовство. Такое соотношение распространяется на все группы работников, выделенных по уровню образования, за исключением лиц, не имеющих основного общего образования [4, с. 146–147].

Можно было бы предположить, что мужчины больше работают, продолжительность их рабочего дня (недели) больше, что отражается и на заработной плате. Однако статистика эту гипотезу не подтверждает. В 2017 г. по большинству групп занятий продолжительность фактически отработанной рабочей недели мужчин была всего на 0,6 – 0,8 часа больше, чем женщин. Наибольшие различия в величине отработанного рабочего времени мужчин и женщин характерны для категории специалистов высшего уровня квалификации в сфере здравоохранения (1,8 часа), в области права, гуманитарных областей, культуры (1,3 часа) [4, с. 142–145].

Даже если допустить, что продолжительность фактически отработанной рабочей недели мужчин на 1 час больше, чем женщин, различия в затратах времени за месяц, лежащих в основе организации оплаты труда, составляют не более 2,5 %. При условии, что оплата сверхурочной занятости производится в соответствии с ТК РФ, обоснованным можно считать превышение заработной платы мужчин над величиной заработной платы женщин не более чем в 5 %. Фактически же средняя зарплата занятых в российской экономике женщин почти на 30 % меньше, чем мужчин (см. табл. 3).

Таким образом, проведенное исследование показало, что при приеме на работу гендерное неравенство ярко выраженного проявления не имеет, и, согласно опросам Росстата, большинство женщин не испытывают и препятствий для карьерного роста. Вместе с тем различия в оплате труда мужчин и женщин отмечаются во всех без исключения отраслях экономики, категориях персонала и распространяются на все виды работ. Это говорит о существовании необоснованных различий в оценке мужского и женского труда, что можно расценивать как нарушение прав одной из социально-половых групп.

Участие российских женщин в государственном управлении

Информационная база для анализа гендерного равенства в российской власти ограничена. В статистическом сборнике "Женщины и мужчины России" есть раздел "Кадры органов государственной власти". Но содержание этого раздела сводится в основном к характеристике численного состава работников, замещающих государственные (муниципальные) должности и должности гражданской и муниципальной службы, по полу, ветвям власти, уровням управления, категориям и группам должностей, уровню образования и направлениям подготовки. В разделе этого сборника "Средняя заработная плата работников" приводятся данные по оплате труда мужчин и женщин в организациях всех видов экономической деятельности, кроме сферы государственного управления [4, с. 130]. Кроме того, данные Росстата усреднены. Не достаточная детализация данных о представленности женщин в региональ-

Таблица 4. Распределение численности работников, замещающих государственные (муниципальные) должности и должности гражданской (муниципальной) службы, по полу и ветвям власти, процентов

Показатель	1999		2016	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Государственные должности и должности гражданской службы	72	28	72,0	28,0
из них в органах:				
законодательной власти	56	44	62,4	37,6
исполнительной власти	74	26	70,5	29,5
судебной власти и прокуратуры	67	33	80,0	20,0
других государственных органах	53	47	64,4	35,6

Источник: [1, с. 94–95; 4, с. 199].

ных органах власти, затрудняет проведение исследования в региональном разрезе.

Анализ данных официальной статистики, отражающих участие женщин в работе органов государственной власти на разных уровнях управления и разных ветвей власти, показывает, что по состоянию на 1 октября 2016 г. на государственных должностях и должностях гражданской службы в РФ состояло 546,3 тыс. женщин, мужчин было в 2,6 раза меньше (таблица 4).

В органах государственной власти на разных уровнях управления гендерный состав характеризуется следующим образом: в федеральных государственных органах мужчины составляют 28 %, на региональном уровне – 29 %, в представительных и исполнительно-распорядительных органах муниципальных образований – 24 %. То есть численность женщин в государственных органах на всех уровнях управления в 3 раза больше. Удельный вес женщин от общей численности занятых этим видом деятельности – один из самых высоких в российской экономике. В 2016 г. доля женщин среди занятых в экономике РФ в среднем был равен 48 % [4, с. 97].

Среди государственных должностей и должностей гражданской службы наименее привлекательны для мужчин органы судебной власти субъектов федерации – на этом уровне они занимают всего 14 % должностей. Наибольший интерес вызывает государственная служба на высшем уровне управления – в органах законодательной власти федерального уровня мужчины трудятся на 45 % должностей.

20 лет назад на государственных должностях и должностях гражданской службы в нашей стране женщин тоже было в 2,6 раза больше, чем мужчин, но распределение по направлениям и уровням власти существенно изменилось. За 1999–2016 гг. произошло увеличение удельного веса женщин в органах законодательной власти, судах и прокуратуре; уменьшение доли женщин отмечается в этот период в органах исполнительной власти [1, с. 95].

Преобладание женщин характерно для всех категорий государственных и гражданских должностей в России. На государственных должностях РФ и субъектов федерации женщины составляют 59 % численного состава, на должностях гражданской службы – 73 % общей численности [4, с. 200]. Больше всего женщин среди обеспечивающих специалистов (86 %). 72 % специалистов – тоже женщины. В категориях руководителей и их помощников женщины составляют 63 % и 80 % соответственно.

Наибольший интерес у мужчин вызывает служба на государственных должностях и должностях гражданской службы в федеральных структурах федеральных органов. Это касается всех ветвей власти: в федеральных органах законодательной власти мужчины замещают 45 % должностей, федеральных органах исполнительной власти – 43 %, федеральных органах судебной власти и прокуратуры – 31 %.

Таким образом, в органах государственной власти всех ветвей и уровней по всем категориям государственных должностей и должностей гражданской службы в России женщин работает значительно больше, чем мужчин. И, казалось бы, о гендерном неравенстве говорить нет оснований. Но если рассматривать распределение мужчин и женщин по группам должностей, то отчетливо прослеживается закономерность – чем ниже должность (а следовательно, и заработная плата), тем больше женщин. И касается это всех категорий должностей [4, с. 200].

В органах высшей власти в России женщин мало. В Совете Федерации РФ из 169 представителей органов власти субъектов РФ женщин всего 30 чел. (около 18 % общей численности). Среди представителей исполнительных органов власти субъектов РФ женщин больше, чем среди представителей законодательных (представительных) органов власти субъектов РФ (2018 г.).

В составе членов Государственной Думы РФ созыва 2016–2021 гг. 71 женщина (16 % общей численности депутатов). 63 депутата-женщины представляют Всероссийскую политическую партию "Единая Россия". Удельный вес женщин в составе депутатского корпуса этой партии – 18,5 %. По 3 женщины вошли во фракции КПРФ и Политической партии "Справедливая Россия" (7 % и 13 % общей численности фракций соответственно). Из 40 депутатов от ЛДПР 2 женщины (5 % общей численности фракции) [4, с. 212].

О том, что это очень мало, говорит межстрановое сопоставление. Согласно данным Межпарламентского союза, ранжирующего страны мира по представленности женщин в законодательных органах государств, в 2019 г. РФ заняла по этому показателю 130-е место. В исследовании приняли участие 193 страны [Цитируется по: 12].

Справедливости ради отметим, что по сравнению с 2004 г. ситуация немного улучшилась. В Государственной Думе РФ созыва 2004–2009 гг. женщин было 44 чел. (10 % общей численности депутатов), в том числе по фракциям: от Всероссийской политической партии "Единая Россия" – 28 чел. (9 % численного состава депутатов от этой партии); КПРФ – 6 чел. (12 % общей численности фракции); Политической партии "Родина" – 4 чел. (12 %); ЛДПР – 2 женщины (6 % депутатского корпуса) [2, с. 179].

Немного больше женщин стало среди дипломатов, представляющих нашу страну за рубежом: в 2010 г. их было менее 11 %, в 2017 г. – 16 % [11, с. 7].

В регионах ситуация сильно различается. По данным Росстата, в 2010 г.¹ удельный вес женщин в законодательных органах государственной власти субъектов федерации в среднем по стране составлял 12 %. По регионам разброс показателя составлял от 2 % в Тамбовской и Челябинской областях, а также Пермском крае до 42 % в Чукотского АО. В законодательных собраниях Пензенской и Магаданской областей женщины в том созыве не были представлены [3, с. 249–252].

Отсутствие официальной информации вынуждает исследователей обращаться к другим источникам, дающим представление об участии мужчин и женщин в управлении государством. Недавно исследование о положении женщин во власти в нашей стране было проведено "Новой газетой". Анализировалась официальная информация об участии женщин в качестве кандидатов в депутаты в выборах, прошедших в период 2013–2017 гг.

Результаты исследования показали, что в 2019 г. в законодательных собраниях регионов женщин было не более 15 % от общей численности парламентариев. За период с 2010 г. на разных уровнях управления прошло много выборов, но ситуация изменилась незначительно. Один из самых высоких в РФ уровней гендерной представленности в региональных органах государственной власти отмечается в г. Москве – около 40 %. Однако в большинстве субъектов федерации удельный вес женщин во властных структурах гораздо меньше, а в некоторых регионах женщины в законодательной власти совсем не представлены [Цитируется по: 12].

Россиянки стали политически более активны. Среди участников конкурса "Лидеры России" много женщин. Среди дошедших до финала в 2019 г. женщин 15 %, среди победителей – около 13 % [14].

¹ В более поздних изданиях Росстата данные по регионам не приводятся.

В выборах разных уровней женщины тоже стали участвовать чаще. Однако до победы редко доходят. По результатам упомянутого выше исследования "Новой газеты", на выборах в региональные парламенты в общем числе кандидатов женщины составляют 26 %, но представительство женщин в законодательных собраниях субъектов федерации оценивается только в 2 % [12].

В сравнении с ходом общемирового процесса достижения женщинами равного с мужчинами участия во власти (например, в США) в нашей стране можно отметить отставание в развитии этого процесса. В США прорыв в восстановлении этой пропорции был достигнут в 1971–1989 гг. В течение этого периода представительство женщин в законодательных собраниях штатов значительно расширилось и достигло 16 %. Уже в конце XX века в составе Конгресса США было 12 % женщин, в законодательных органах власти штатов – 22%; 6% губернаторского корпуса формировали представительницы женской половины населения; 36 % постов вице-губернаторов тоже занимали женщины [13].

Можно предположить, что такое распределение мужчин и женщин по государственным (муниципальным) должностям и должностям гражданской (муниципальной) службы в России во многом связано с заработной платой. Но на сайте Росстата сведений о величине заработной платы рассматриваемой категории занятого населения с такой же детализацией, с какой приведены данные об их численности, найти не удалось. Среднемесячная начисленная заработная плата работников, занятых в сфере государственного управления, обеспечения военной безопасности и социального обеспечения, всего на 9 % выше среднего показателя в экономике страны [15, с. 156].

Хотя, когда народные избранники публикуют декларации о доходах, ситуация выглядит совсем иначе. По данным "Новой газеты", мужчины-депутаты региональных законодательных органов власти в среднем декларируют годовой доход в размере 14 млн руб., женщин – 5 млн руб. [12]. Хотя женщины более высоко образованы, чем мужчины.

Итак, проведенный анализ показал, что в органах государственной власти всех ветвей и уровней по всем категориям государственных должностей и должностей гражданской службы в нашей стране женщин значительно больше, чем мужчин. Женщины преобладают и среди работников, замещающих государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ. Однако гендерное неравенство исключать нельзя. В составе Федерального Собрания РФ женщин всего 16 %. Это гораздо меньше провозглашенного Пекинской конференцией по положению женщин 1995 г. 30-процентного представительства женщин в органах государственной власти.

На высших должностях всех категорий государственных должностей и должностей гражданской службы на всех уровнях государственного управления преобладают мужчины. Более низкие должности, а также должности муниципальной службы для мужчин малопривлекательны.

Заключение

Проведенное исследование показало, что при приеме на работу гендерное неравенство не имеет четкого проявления (безработица среди женщин меньше, чем среди мужчин; большинство женщин не испытывают и препятствий для карьерного роста). Однако в части оплаты труда неравенство полов выражено очень сильно. Различия в оплате труда мужчин и женщин отмечаются во всех без исключения отраслях экономики, категориях персонала и распространяются на все виды работ, не смотря на то, что уровень образования последних существенно выше. Даже среди мужчин и женщин, занятых одним и тем же видом деятельности и имеющих одинаковое образование, различия в заработной плате достигают 1,6 раза. При этом большей продолжительности фактически отработанного мужчинами времени, что могло бы быть единственным объективным основанием для их более высокой заработной платы при прочих равных условиях, органы статистики не фиксируют.

На высших должностях всех категорий государственных должностей и должностей гражданской службы на всех уровнях государственного управления Российской Федерации женщины представлены слабо, вследствие чего оказывать существенного влияния на принятие важных для страны решений российские женщины не могут. Представительство женщин в высших органах

государственной власти в России почти в 2 раза ниже уровня, признанного мировым сообществом эталонным.

Основная проблема в проведении подобных исследований связана с недостаточностью информации. В частности, отечественное статистическое ведомство публикует только данные о численном составе работников органов власти и их распределении по ветвям власти, уровням управления, категориям и группам должностей, уровню образования и направлениям подготовки. Сведения о заработной плате мужчин и женщин, замещающих государственные (муниципальные) должности и должности гражданской (муниципальной) службы, в официальных источниках отсутствуют. А именно с этим могут быть связаны основные проблемы. Для точной диагностики остроты проблемы необходима также детальная информация в разрезе регионов.

Литература

1. Женщины и мужчины России. 2000: Стат. сб. / Росстат. М., 2000. 110 с.
2. Женщины и мужчины России. 2000: Стат. сб. / Росстат. М., 2004. 219 с.
3. Женщины и мужчины России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 283 с.
4. Женщины и мужчины России. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 241 с.
5. Зайков Д. Е. Развитие принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин в советский и постсоветский периоды // История государства и права. 2011. № 18. С. 18–21.
6. Индекс гендерного равенства по версии ПРООН. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-equity-index-un/info> (дата обращения: 27.04.2020).
7. Индекс гендерного разрыва [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality> (дата обращения: 27.04.2020).
8. Кочетков А. В. Конституционно-правовые основы гендерно сбалансированного представительства в РФ // Право и экономика. 2009. № 5. С. 103–106.
9. Кочкина Е. В., Степанова Н. М., Кириченко М. М. Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2003.
10. Лыска А. Г. Концепция строительства местного сообщества: предпосылки формирования и основные положения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 193–205.
11. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р. 18 с.
12. Непредставительная власть [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (дата обращения: 27.04.2020).
13. Официальный сайт Делового клуба "Женщины будущей России". URL: <http://womenofrussia.org/business.aspx?Id=93> (дата обращения: 27.04.2020).
14. Официальный сайт конкурса "Лидеры России" [Электронный ресурс]. URL: <https://лидерыроссии.рф> (дата обращения: 22.04.2020).
15. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 725 с.
16. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с.
17. Global Gender Gap Report 2020 / World Economic Forum – Geneva, 2020. 371 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Zhenshhiny i muzhchiny Rossii. 2000: Stat. sb. / Rosstat. M., 2000. 110 s.
2. Zhenshhiny i muzhchiny Rossii. 2000: Stat. sb. / Rosstat. M., 2004. 219 s.
3. Zhenshhiny i muzhchiny Rossii. 2010: Stat. sb. / Rosstat. M., 2010. 283 s.
4. Zhenshhiny i muzhchiny Rossii. 2018: Stat. sb. / Rosstat. M., 2018. 241 s.
5. Zajkov D. E. Razvitie printsipa ravenstva prav i svobod muzhchin i zhenshhin v sovetskij i postsovetskij periody // Istoriya gosudarstva i prava. 2011. № 18. S. 18–21.
6. Indeks gendernogo ravenstva po versii PROON. Gumanitarnaya ehntsiklopediya: Issledovaniya [EHlektronnyj resurs] // TSentr gumanitarnykh tekhnologij, 2006–2020 (poslednyaya redaktziya: 08.02.2020). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gender-equity-index-un/info> (data obrashheniya: 27.04.2020).
7. Indeks gendernogo razryva [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.weforum.org/reports/gender-gap-2020-report-100-years-pay-equality> (data obrashheniya: 27.04.2020).
8. Kochetkov A. V. Konstitutsionno-pravovye osnovy genderno sbalansirovannogo predstavitel'stva v RF // Pravo i ehkonomika. 2009. № 5. S. 103–106.

9. Kochkina E. V., Stepanova N. M., Kirichenko M. M. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem*. SPb.: Aletejya, 2003.

10. Lyska A. G. *Kontseptsiya stroitel'stva mestnogo soobshhestva: predposylki formirovaniya i osnovnye polozheniya // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2013. № 1. S. 193–205.

11. *Natsional'naya strategiya dejstvij v interesakh zhenshhin na 2017–2022 gody, utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 8 marta 2017 g. № 410-r*. 18 s.

12. *Nepredstavitel'naya vlast'* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/> (data obrashheniya: 27.04.2020).

13. *Ofitsial'nyj sayt Delovogo kluba "Zhenshiny budushhej Rossii"*. URL: <http://wom-enofrussia.org/business.aspx?Id=93> (data obrashheniya: 27.04.2020).

14. *Ofitsial'nyj sayt konkursa "Lidery Rossii"* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://lideryrossii.rf> (data obrashheniya: 22.04.2020).

15. *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik: Stat. sb. / Rosstat. M., 2016. 725 s.*

16. *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik: Stat. sb. / Rosstat. M., 2019. 708 s.*

17. *Global Gender Gap Report 2020 / World Economic Forum – Geneva, 2020. 371 s.*

Липатова Л. Н. Статистическая оценка гендерного равенства в сфере экономики в Российской Федерации.

Законодательное закрепление права не всегда реализуется на практике. Это в полной мере можно отнести к ситуации в сфере равноправия представителей разного пола в экономике, включая сферу государственного управления. Охарактеризовано положение женщин на российском рынке труда и в органах государственной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Установлено нарушение прав женщин в части оплаты труда при замещении одинаковых должностей с мужчинами и отработке равного объема рабочего времени. Выявлено существенное отставание представительства женщин в высших органах государственной власти от эталонного уровня в 30 процентов, провозглашенного Пекинской конференцией по положению женщин, прошедшей в 1995 г., к решениям которой Российская Федерация присоединилась. Результаты исследования могут быть использованы при проведении исследований в сфере гендерного равенства, а также при разработке и реализации мер, направленных на улучшение положения женщин в экономике страны и обеспечении их права на участие в принятии важных для общества решений.

Ключевые слова: *гендерное равенство, политика, управление, государственная служба, муниципальные служащие, рынок труда, занятость, безработица, заработная плата*

Lipatova L. N. Statistical Assessment of Gender Equality in the Economy in the Russian Federation.

The legislative consolidation of the right is not always implemented in practice. This can be fully attributed to the situation in the sphere of equality of representatives of different sexes in the economy, including the sphere of public administration. The position of women in the Russian labor market and in government bodies at the federal, regional and municipal levels is characterized. Violation of the rights of women in terms of remuneration was established when filling the same positions with men and working out an equal amount of working time. It was revealed that the representation of women in the highest bodies of state power lags behind the benchmark level of 30 percent, proclaimed by the Beijing Conference on the Status of Women, held in 1995, to which the Russian Federation joined. The results of the research can be used in conducting research in the field of gender equality, as well as in the development and implementation of measures aimed at improving the position of women in the country's economy and ensuring their right to participate in making decisions that are important for society.

Key words: *gender equality, politics, governance, civil servants, municipal employees, labor market, employment, unemployment, wages*

Для цитирования: Липатова Л. Н. Статистическая оценка гендерного равенства в сфере экономики в Российской Федерации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 129–141. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/129-141

For citation: Lipatova L. N. Statistical Assessment of Gender Equality in the Economy in the Russian Federation // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 129–141. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/129-141

УДК 316.621 *Калабина И. А., Стеколыщикова А. А., Филипова А. Г.*

Практики включения детей, оставшихся без попечения родителей, в решение вопросов, затрагивающих их интересы

Введение

Организация участия детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в решение вопросов, затрагивающих их интересы в повседневности, является важной задачей как для специализированных учреждений (например, центров содействия семейному устройству), так и для приемных родителей.

Согласно статье 12 Конвенции о правах ребенка, ребенок имеет право свободно выражать свои взгляды по всем вопросам, затрагивающим его/ее интересы, причем взглядам ребенка должно уделяться внимание в соответствии с его возрастом и зрелостью.

В Семейном кодексе РФ права детей, оставшихся без попечения родителей, находятся под особой защитой. Помимо права на выражение собственного мнения и обязательный учет этого мнения, закон защищает права сирот в области их жизнеустройства, а также имущественные права. Согласно статье 57, ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

Также в отношении права на выражение собственного мнения ребенка-сироты можно отметить действие Постановления Правительства РФ от 24.05.2014 № 481 (ред. от 10.02.2020) "О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей". Согласно п. 40, приобретение личных вещей для детей осуществляется по возможности с участием самих детей. А п. 41 предполагает предоставление возможности самостоятельного выбора формы проведения досуга с учетом возраста и интересов детей [7].

В другом Постановлении Правительства РФ (от 19.05.2009 № 432, ред. от 19.12.2018) "О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации" в п.5 предусмотрено выявление пожелания ребенка, оставшегося без попечения родителей, при подборе семьи, определении длительности периодов и сроков его пребывания в семье. Также данным документом зафиксирована обязательность учета мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет [8].

Участие интерпретируется нами как выражение ребенком собственного мнения и учет этого мнения в принятии взрослыми решений, затрагивающих его интересы, начиная с семейных и школьных вопросов и заканчивая социальными программами в интересах детей [9, с. 411].

© *Калабина И. А., Стеколыщикова А. А., Филипова А. Г., 2020*

КАЛАБИНА Инна Александровна, канд. пед. наук, доцент кафедры возрастной психологии и педагогики семьи Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (*г. Санкт-Петербург*). **E-mail:** innakalabina@mail.ru

СТЕКОЛЬЩИКОВА Анастасия Александровна, аспирант департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** Anas-yasT@mail.ru

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, д-р социол. наук, зав. лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*). **E-mail:** alexgen77@list.ru

В исследовании В. А. Одиноквой "Дети в организациях для детей-сирот в Санкт-Петербурге, Свердловской области и республике Башкортостан: участие в принятии решений и его влияние на благополучие" каждый пятый ребенок – участник исследования (19,5 %) сообщил, что при принятии решений взрослые прислушиваются к нему "редко" или "никогда" [5, с. 247].

Существенный задел в области вовлечения детей-сирот в решение разных вопросов сформировала Всероссийская онлайн конференция "Вместе с детьми", организованная Фондом Тимченко с партнерами, которая состоялась 1 июня 2020 г. Целью конференции стало развитие практики участия детей при проведении социальных преобразований, направленных на улучшение детского благополучия в Российской Федерации. В ней приняли участие дети из семей в трудной жизненной ситуации, приемных семей, дети, оставшиеся без попечения родителей, выпускники детских учреждений и приемных семей, специалисты сферы защиты детства, приемные родители, волонтеры-наставники, представители федеральных и региональных органов власти, науки [1, с. 216–217].

На конференции опытом детского участия делились не только взрослые, но и дети, которые примерили социальные роли журналистов, социологов и спикеров. Все участники, с одной стороны, отмечали важность "голоса ребенка", экспертность мнения детей в области детской повседневности, но, с другой – фиксировали всевозможные барьеры вовлечения детей в решение лично и социально значимых вопросов в виде стереотипов восприятия ребенка как социально и психически незрелого, отсутствия действенных механизмов участия детей, в особенности детей групп социальной эксклюзии.

В России накоплен определенный опыт оценки детского участия и деятельности по включению детей (И. Е. Калабихина, О. В. Кучмаева, С. В. Кочнев, Н. В. Васильева, В. А. Одиноква, М. М. Русакова и др.), а научной школой С. Н. Майоровой-Щегловой развивается концепция социального конструирования детства.

Целью настоящей статьи выступает анализ успешных российских практик включения детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа, а также детей с ограниченными возможностями здоровья в решение вопросов их повседневности, а также выделение региональных особенностей.

Методы и материалы исследования

Методами исследования послужили экспертное интервью и анализ социальных проектов, реализованных российскими НКО и учреждениями для детей. Эмпирические материалы исследования представлены тремя транскриптами экспертных интервью (Э1 – жен., руководитель, детские деревни SOS, Москва; Э2 – муж., воспитатель, Центр содействия семейному устройству, г. Санкт-Петербург; Э3 – муж., директор, Центр содействия семейному устройству, г. Владивосток), а также презентациями 15 социальных проектов, размещенными на сайте Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко. Выбор экспертов объясняется их опытом работы с детьми, оставшимися без попечения родителей, а также владением методиками включения детей в решение вопросов, затрагивающих их интересы.

В 2019 г. Благотворительным фондом Елены и Геннадия Тимченко был проведен конкурс прикладных и оценочных исследований с участием детей и молодых взрослых в области профилактики и преодоления последствий социального сиротства "Голос ребенка: дети как эксперты опыта" [2, с. 58]. Исследовательские проекты – победители конкурса являются примерами успешно внедрения и развития практик работы в данном направлении. Тематика и разнообразные группы участников исследовательских проектов позволяют увидеть весь спектр возможностей по включению детей в решение вопросов, затрагивающих их интересы. Задачами анализа проектов выступают выявление сущностных характеристик проектов, выявление возможностей использования потенциала региона в развитии культуры участия определение роли детей в реализации проекта.

В 2019 г. на конкурс были поданы 42 заявки; 15 организаций-победителей из 10 регионов провели исследования с участием 329 детей. В 53,5 % дети выступали в роли информантов, в 73,3% – в рефлексивной позиции "экс-

пертов опыта", в 46,7 % – в роли партнеров-исследователей (несколько ролей могли присутствовать одновременно) [2, с. 58].

Что касается экспертных интервью, то они фокусировались на ресурсах и ограничениях участия детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в учреждениях и в приемных семьях, в решении разных вопросов.

Результаты и их обсуждение

Эксперты, участвующие в исследовании, сравнивая возможности участия в решении вопросов повседневности детей, находящихся в учреждениях для детей-сирот и в приемных семьях, однозначно фиксировали сложности первой группы детей:

"Дети, например, в учреждениях – это большая проблема, потому что они в принципе ничего не решают, за них все время принимают решения, вот в этом главная проблема дальнейшего их самостоятельного существования... Когда ребенок в учреждении, людям в голову не приходит, что по каким-то вещам с ребёнком нужно советоваться" (Э1).

При этом эксперты в качестве главного барьера выделяли режимные моменты, регламентированность работы педагогов с детьми в условиях учреждения:

"В сиротских учреждениях очень четкий, регламентированный режим. В 8 проснулись, пошли в школу, вернулись со школы в четкое время. Отпускают на три часа или на несколько только по заявлению. Нарушение режима практически не допустимо. Оно очень жестко контролируется со стороны администрации" (Э2).

Далее эксперты приводили конкретные примеры этой детской заорганизованности, восприятия ребенка исключительно как объекта педагогических воздействий со стороны воспитателя, сужения зоны личностного выбора ребенка. Это касается таких вопросов детской повседневности, как выбор одежды, еды, кружков:

"Еще одна проблема участия детей в этих учреждениях покупка одежды. Такие мелочи, но очень сильно деформируют детей. Как правило, эти дети спускаются вниз в подвал, где хранится целый склад этой одежды, они с воспитателем получают эту одежду на год или полгода и всё. Ребенок по факту даже теряет понимание стоимости вещи... То же самое происходит в детских столовых. Как правило, питание в сиротских учреждениях организуется в общей столовой по типу школы. Дети никаким образом не вовлечены в процесс приготовления, выбора блюда и т.п. ... Во многих центрах [имеются в виду Центры содействия семейному устройству] есть дополнительное образование, чтобы дети никуда не ходили в городе. Они, как правило, занимаются в этих учреждениях" (Э2).

В дальнейшем отсутствие выбора, ограничение возможности высказывания своей точки зрения приводит к инфантилизации, социальной пассивности и нежеланию брать на себя ответственность за собственное будущее со стороны выпускников учреждений.

На преодоление разрывов детско-взрослых отношений, вовлечение детей-сирот в решение повседневных вопросов, выработку практик высказывания мнения детьми и др. были направлены 15 проектов, получившие поддержку Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко в 2019 г. Перейдем к анализу практик детского участия, представленных в данных проектах.

Большая часть социальных проектов затрагивает одну из самых важных и болезненных для ребенка, оставшегося без попечения родителей, тем – семью. Возможности детского участия в этой теме варьируются от вопросов, которые хочет прояснить ребенок и быть услышанным: проект "Хочу все знать о будущем приемном родителе" (Меркуль И.А., Бусыгина Н.П.) – до работы с детско-родительскими отношениями и оценки различных аспектов сопровождения приемных семей: "Взаимосвязь психологического благополучия матери и психологического здоровья подростка в трудной жизненной ситуации" (Шабельникова О.А., Ослон В.Н.), "Оценка влияния проекта "Семейный букет" на приемных детей: взгляд детей – участников проекта" (Горбунова Л.М., Подкладова Т.Д.), "Кто я": технология исследования и оценки изменения эмоционального состояния детей-сирот и детей, оставшихся без попечения

родителей, в процессе театральной деятельности" (Пепелова Н.В., Бусыгина Н.П.), "Школа для родителей глазами детей" (Леонова Е., Литвинова С., Кошелева Н.), "Опыт становления ответственного материнства у выпускниц организаций для детей-сирот "Дневник мамы" (Ильсова Т.В., Штейнберг И.Е.). Интересные аспекты и новые возможности работы с семьей и родителями глазами ребенка были также получены в проекте "Опыт получения социальных услуг семьей ребенка. С участием детей с использованием творческих методов" (Гонтаренко Ю.Э., Кузьмин А.И.). В последнем случае, несмотря на первоначальную ориентацию проекта именно на оценку процесса и результата оказания семье поддерживающих услуг, работа, проведенная с родителями, повлияла на улучшение семейной ситуации в целом и ощущение благополучия детьми.

Переход ребенка в самостоятельную взрослую жизнь или в учреждение, где живут уже взрослые, стал темой проектов "Социальный тренажер "Социальная квартира" (Шибанова Е.В., Штейнберг И.Е.), "Проблемы перехода из учреждения для детей-сирот в учреждение для взрослых (ПНИ) глазами самих подростков и молодых взрослых" (Серкина А.В., Кузьмин А.И.). По многим вопросам перехода система информирования детей недостаточно развита, что порождает множество тревог и страхов у выпускников. Выявление подобных трудностей дает возможность вовремя скорректировать работу специалистов, а ребенку – ощутить свое участие в выборе жизненной траектории.

Изучение проблем и ресурсов развития подростков, проявления их субъективной позиции по отношению к собственной жизни, затронуто в проектах "Наставничество: точка зрения детей" (Ершова Н.Н., Язневич Е.), "Исследование эффективности социальной программы "Всё в твоих руках!" на основе одного из базовых мероприятий программы – летнего лагеря для подростков 2018 года" (Гумирова Г., Балакирев В.), "Программа социально-психологической адаптации "Школа жизни" глазами подростков, воспитанников социальных реабилитационных центров" (Кутянова И.П., Чиркина Р.В.), "Точка доступа: Подросток в интернете" (Андреева Н.В., Одинокова В.А.).

Особого внимания заслуживает проект "Необычные дети – обычное исследование" (Романова Е., Кошелева Н.) [4]. Авторы проекта провели колоссальную работу по включению детей с выраженными интеллектуальными нарушениями в решение вопросов, затрагивающих их жизнь. Анализируя условия жизни детей, их влияние на рост самостоятельности воспитанников, постоянно в них проживающих, авторы не только разработали инструментарий для включения детей с выраженными интеллектуальными нарушениями в исследование как прямых источников информации, но и как участников его проведения.

Реализация права на участие в рассматриваемых проектах варьировалась от возможности ребенка выражать свое мнение и быть источником информации о разнообразных сторонах его жизни до оценки с участием детей с возможностью дальнейшего изменения ситуации как взрослыми, так и самими детьми. Как отмечают Т. Арчакова и Э. Гарифулина, "во всех исследованиях конкурса "Голос ребенка" участники (дети, подростки и молодые взрослые) были подробно информированы о целях и задачах исследований, о возможной пользе для них самих, для организаций и для других детей в аналогичной жизненной ситуации. Даже если участие сводилось к роли респондента, дети не были объектами экспертной оценки – у них выяснялись оценки и рекомендации; использовались методики, позволяющие выразить свое отношение к ситуации" [2, с. 60].

Проект "Наставничество: точка зрения детей" был реализован самими воспитанниками [3]. Применяя коллегиальную форму сотрудничества, авторы проекта вовлекли детей в исследовательскую деятельность: дети разрабатывали анкеты, проводили исследование в учреждении, обрабатывали полученные данные и представляли результаты исследования. Результаты своего участия дети почувствовали как в личностных изменениях, так и в сферах влияния наставника.

В анализируемых проектах проявляется разнообразие возрастных групп участников: от дошкольного возраста до выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Именно с дошкольного детства важно развивать активную позицию ребенка, учить понимать

себя, высказывать свои ощущения и мнение, формулировать свои запросы. Широкий охват возрастных групп позволяет увидеть, как могут развиваться компетенции ребенка и степень его участия. Существенный вклад в реализацию проектов вносили выпускники учреждений для детей-сирот. Имея опыт самостоятельной жизни, они могут дать качественную оценку существующим практикам и выработать рекомендации по поводу необходимых дополнений в организации жизни детей в учреждениях.

Главный, объединяющий все представленные проекты вывод можно выразить словами авторов одного из проектов: "Мнение детей можно и нужно спрашивать. Их представления очень часто являются "контрнарративом", то есть не совпадают с тем, что является важным для родителей и специалистов" (Гонтаренко Ю.Э., Кузьмин А.И.) [6]. Практически во всех исследованиях были получены данные, о наличии которых взрослые порой и не подозревали. Анализ высказываний детей позволил заметить, что часто дети, даже нуждаясь в помощи, не решаются заговорить первыми. Взрослые ассоциируются у них с нравочениями и запретами, поэтому дети удивляются, когда их мнением начинают интересоваться и учитывают его при принятии решений, помогают в сложных ситуациях. Так, благодаря участию в проекте "Точка доступа: Подросток в интернете" стало известно, что один из детей пострадал от сексуального насилия в интернете и находится в острой фазе психологической травмы. Это позволило организовать своевременную и квалифицированную помощь специалистов ребенку.

Экспертное мнение детей позволило улучшить содержание работы, включить элементы программ по запросам детей или скорректировать существующую работу с учетом их мнения. Как результат дети отмечают улучшение благополучия в разных сферах жизни: семья, ближайшее окружение, учеба и пр. Вот примеры обратной связи – высказываний детей из разных проектов: "Вечерами стали собираться за столом и обсуждать прошедший день", "Мои родители стали лучше меня понимать", "Стало больше друзей", "Мы стали уважать интересы друг друга", "Есть изменения в характере ... в лучшую сторону", "Я меньше высказываю негативную эмоцию, перестал делать то, что делал..." и т.д. Важность получения нового знания от детей подчеркивается и авторами разных проектов: "Не смогли узнать про услуги, но узнали об опыте ребенка в кризисной семье", "Критические замечания детей позволили определить проблемы предупреждения социального сиротства в процессе реализации программы" и т.д.

Авторы большинства проектов среди сложностей отмечали трудности в выражении детьми собственных мыслей и суждений: "Детям сложно рефлексировать, вербализировать свои чувства", "Дают односложные ответы", "Трудность выражения своих мыслей участниками". Это лишний раз подтверждает необходимость целенаправленной работы с детьми уязвимых групп, поэтапного обучения детей анализу своей ситуации, высказыванию мнения, комментированию жизненных процессов с последующим влиянием на то, что они смогут изменить.

Положительные влияния всех представленных проектов связаны не только с улучшением жизни конкретных участников, но и с активизацией позиции специалистов учреждений и других взрослых, окружающих ребенка. Изменение позиции взрослых позволяет менять устоявшуюся практику работы учреждений и распространять этот опыт.

Анализ представленных практик с позиций регионального аспекта, позволяет выделить несколько характерных черт. В основном представленные практики были направлены на решение каких-либо общих вопросов в жизни ребенка, в его связях с ближайшим окружением и подготовкой к будущей жизни вне учреждения. Авторы не связывали содержание работы с какими-либо специфическими проблемами жизни в регионе или возможностью использования регионального потенциала. Только в одном проекте "Все в твоих руках!" авторы опираются на потенциал и специфику жизни региона и района проживания детей – участников, организуя лагерь на сельскохозяйственном предприятии. При этом в исследовании авторы анализируют целесообразность распространения своего опыта в других населенных пунктах и территориях района, а также выделяют факторы, которые необходимо учесть в этом процессе.

По географическому охвату большинство проектов были представлены учреждениями из Москвы и Московской области (5 проектов), Санкт-Петербурга (3 проекта, один из них с включение учреждения в Нижнем Новгороде) и по одному проекту из Кирова, Новосибирска, Тамбова, Томской, Омской, Оренбургской областей и Ярославля. Преимущественный охват европейской части России позволяет говорить о концентрации в ней методических и технологических ресурсов и необходимости распространения данного опыта на восточные регионы. Одним из направлений взаимодействия может стать привлечение специалистов из регионов, где развиты практики вовлечения детей в решение вопросов, затрагивающих их интересы, для обучения специалистов других регионов и распространение лучшего опыта.

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что для успешной социализации детей-сирот в обществе важно развивать их субъектную позицию вместе с социальной ответственностью и умением высказывать и отстаивать свою точку зрения. Формирование культуры участия связано также с работой с окружением ребенка.

Важно учитывать мнение ребенка в выборе замещающей семьи, в покупке личных вещей (одежда, обувь, декор для комнаты и т.д.), в приготовлении еды, посещении секций, кружков, в выборе будущей профессии, учитывать интересы ребенка при отправлении в лагерь и пр. Все это сложно реализуемо в условиях учреждения для детей-сирот с его режимом дня и жесткой регламентацией повседневных практик. Кроме того, вовлечению детей мешает устоявшаяся позиция взрослых с их авторитарным стилем взаимоотношений, а также невладение эффективными практиками детского участия. Чаще всего участие сводится к имитационным формам декорирования или манипулирования мнением ребенка. В случае декорирования взрослые, к примеру, вовлекают детей в организацию разных мероприятий в учреждении, дают им поручения, однако реального участия не происходит и дети ничего не решают. Манипулятивное воздействие взрослых приводит к навязыванию их мнения детям, использованию детского "подкорректированного" мнения в интересах взрослых.

Для детей социальной эксклюзии выражение мнения особенно важно, так как их жизненная ситуация усугубляется воздействием разных факторов: стойкое нарушение здоровья, отсутствие семьи, совершение противоправных действий и пр. Дети, живущие в учреждениях или кризисных семьях, зачастую лишены минимальных форм проявления участия, включая высказывание своего мнения, оценку условий жизни и, как следствие, возможности влиять на их улучшение. Получение обратной связи от ребенка помогает взрослому (социальному работнику, психологу, воспитателю) выстраивать доверительные отношения с ним, выбирать соответствующие ситуации реабилитационные/ адаптационные мероприятия, проводить их последующую оценку и пр.

Важное место в развитии практик участия детей-сирот отведено региональному фактору, который предполагает включение особенностей территории проживания в процесс социальной адаптации, в т.ч. постинтернатной, детей, оставшихся без попечения родителей. Особенности территории проживания в данном случае выступают организацией хозяйственной деятельности, образовательная инфраструктура, плотность заселения территории и др. Учет социальных, экономических, природно-географических и других факторов в подготовке лиц из числа детей-сирот к самостоятельной жизни в регионе поможет им в профессиональном самоопределении и выборе образовательной траектории.

Литература

1. Арчакова Т.О., Гарифулина Э.Ш. "Вместе с детьми": диалог взрослых и детей в период пандемии // Комплексные исследования детства. 2020. Т. 2, № 3. С. 216–228.
2. Арчакова Т.О., Гарифулина Э.Ш. Дети в роли исследователей, оценщиков и со-авторов социальных практик: опыт конкурса "Голос ребенка: дети как эксперты

опыта" // Детские инициативы – путь в будущее. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2019, С. 56–76.

3. Наставничество: точка зрения детей [Электронный ресурс] // 10 лет фонд Тимченко: [веб-сайт]. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/2019/08/14/nastavnichestvo-tochka-zrenija-detej/> (дата обращения: 20.11.2020).

4. Необычные дети – обычное исследование [Электронный ресурс] // Фонд Тимченко: [веб-сайт]. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/09/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%8C-%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BB%D1%8C%D1%8F.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

5. Одинокова В.А. Дети в организациях для детей-сирот в Санкт-Петербурге, Свердловской области и Республике Башкортостан: участие в принятии решений и его влияние на благополучие // Семья в современном мире: XI социологические чтения памяти В. Б. Голофаства: материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург: Издательство "Реноме" ФНИСЦ РАН, 2019. С. 246–251.

6. Опыт получения социальных услуг семьей ребенка. С участием детей с использованием творческих методов [Электронный ресурс] // Фонд Тимченко: [веб-сайт]. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/09/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%BA%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D1%83.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

7. Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 N 481 (ред. от 10.02.2020) "О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей" (вместе с "Положением о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей") [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163487/2c12eff23748ae4d8fc4a0345444db59df893e03/ (дата обращения: 15.01.2021).

8. Постановление Правительства РФ от 19.05.2009 N 432 (ред. от 19.12.2018) "О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации" (вместе с "Правилами временной передачи детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации") [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [веб-сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87945/ (дата обращения: 15.01.2021).

9. Филипова А.Г. Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их жизнь // Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус. Тематический словарь-справочник / Отв. ред. С.Н.Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2018. С. 411–419.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Archakova T.O., Garifulina E.H. Sh. "Vmeste s det'mi": dialog vzroslykh i detej v period pandemii // Kompleksnye issledovaniya detstva. 2020. T. 2, № 3. S. 216–228.

2. Archakova T.O., Garifulina E.H. Sh. Deti v roli issledovatelej, otsenshnikov i so-avtorov sotsial'nykh praktik: opyt konkursa "Golos rebenka: deti kate ehksperty opyta" // Detskie initsiativy – put' v budushhee. M.: Fond podderzhki detej, nakhodyashhikhsya v trudnoj zhiznennoj situatsii, 2019, S. 56–76.

3. Nastavnichestvo: tochka zreniya detej [Elektronnyj resurs] // 10 let fond Timchenko: [vob-sajt]. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/2019/08/14/nastavnichestvo-tochka-zrenija-detej/> (data obrashheniya: 20.11.2020).

4. Neobychnye deti – obychnoe issledovanie [Elektronnyj resurs] // Fond Timchenko: [vob-sajt]. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/09/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%8C-%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BB%D1%8C%D1%8F.pdf> (data obrashheniya: 20.11.2020).

5. Odnokova V.A. Deti v organizatsiyakh dlya detej-sirot v Sankt-Peterburge, Sverdlovskoy oblasti i Respublike Bashkortostan: uchastie v prinyatii reshenij i ego vliyaniye na blagopoluchie // Sem'ya v sovremennom mire: XI sotsiologicheskie chteniya pamyati V. B. Golofasta: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Renome" FNISTS RAN, 2019. S. 246–251.

6. Opyt polucheniya sotsial'nykh uslug sem'ej rebenka. S uchastiem detej s ispol'zovaniem tvorcheskikh metodov [Elektronnyj resurs] // Fond Timchenko: [vob-sajt]. URL: <http://deti.timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/09/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%BA%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D1%83-%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D1%83.pdf> (data obrashheniya: 20.11.2020).

7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.05.2014 N 481 (red. ot 10.02.2020) "O deyatelnosti organizatsij dlya detej-sirot i detej, ostavshikhsya bez popecheniya roditelej, i ob

ustrojstve v nikh detej, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ej" (vmeste s "Polozheniem o deyatel'nosti organizatsij dlya detej-sirot i detej, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ej, i ob ustrojstve v nikh detej, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ej") [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: [veb-sajt]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163487/2c12eff23748ae4d8fc4a0345444db59df893e03/ (data obrashheniya: 15.01.2021).

8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19.05.2009 N 432 (red. ot 19.12.2018) "O vremennoj peredache detej, nakhodyashhikhся v organizatsiyakh dlya detej-sirot i detej, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ej, v sem'i grazhdan, postoyanno prozhivayushhikh na territorii Rossijskoj Federatsii" (vmeste s "Pravilami vremennoj peredachi detej, nakhodyashhikhся v organizatsiyakh dlya detej-sirot i detej, ostavshikhся bez popecheniya roditel'ej, v sem'i grazhdan, postoyanno prozhivayushhikh na territorii Rossijskoj Federatsii") [EHlektronnyj resurs] // Konsul'tantPlyus: [veb-sajt]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87945/ (data obrashheniya: 15.01.2021).

9. Filipova A.G. Uchastie detej v reshenii voprosov, zatragivayushhikh ikh zhizn' // Detstvo XXI veka: sotsiogumanitarnyj tezaurus. Tematicheskij slovar'-spravochnik / Otv. red. S.N.Majorova-ShHeglova. M.: ROS, 2018. S. 411–419.

Калабина И. А., Стекольщикова А. А., Филипова А. Г. Практики включения детей, оставшихся без попечения родителей, в решение вопросов, затрагивающих их интересы: региональные особенности.

Целью данной статьи является анализ успешных российских практик вовлечения детей социальной эксклюзии в решение вопросов их повседневности, а также выявление ресурсов и барьеров на этом пути. Методами исследования стали экспертное интервью и анализ социальных проектов, реализованных российскими НКО и учреждениями для детей-сирот в рамках конкурса, проведенного в 2019 году благотворительным фондом Елены и Геннадия Тимченко. Полученные данные свидетельствуют о важности включения детей в исследования, социальное проектирование и оценку. Сложности участия детей-сирот часто бывают вызваны режимными моментами работы учреждений, а также стереотипной позицией взрослых по отношению к детям.

Ключевые слова: *дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, право на выражение мнения, социальные проекты, участия детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы, учреждения для детей-сирот*

Kalabina I. A., Stekol'shnikova A. A., Filipova A. G. Practices of including children without parental care addressing issues affecting them.

The purpose of this article is to analyze the successful Russian practices of involving children of social exclusion in solving issues of their everyday life, as well as to identify resources and barriers in this way. The research methods were expert interviews and analysis of social projects implemented by Russian NGOs and institutions for orphans in the framework of a competition held in 2019 by the Elena and Gennady Timchenko Charitable Foundation. The findings suggest the importance of including children in research, social design and evaluation. Difficulties in the participation of orphans are often caused by institutional regimes, as well as the stereotypical attitude of adults towards children.

Key words: *orphans and children left without parental care, the right to expression, social projects, participation of children in matters affecting them, institutions for orphans*

Для цитирования: Калабина И. А., Стекольщикова А. А., Филипова А. Г. Практики включения детей, оставшихся без попечения родителей, в решение вопросов, затрагивающих их интересы: региональные особенности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 142–149. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/142-149

For citation: Kalabina I. A., Stekol'shnikova A. A., Filipova A. G. Practices of including children without parental care addressing issues affecting them // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 142–149. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/142-149

УДК 94 (519)

Бритова В. Р.

"Глобальное развитое государство" президента Республики Корея Ли Мен Бака (2008–2013)

В 2009 г. была проведена церемония инаугурации президента Республики Корея Ли Мен Бака (2008–2013) – яркой фигуры на политической сцене Кореи. Его избрание на пост президента в декабре 2008 г. означало конец 10-летнего правления президентов-демократов: Ким Дэ Чжуна (1998–2003) и Но Му Хена (2003–2008), и знаменовало начало периода правления президентов-консерваторов – Ли Мен Бака и Пак Кын Хе (2013–2017). Президенты Ким Дэ Чжун и Но Му Хен принадлежали к числу так называемых левых сил – оппозиции, представляя партию ДПНТ (Демократическая Партия Нового Тысячелетия, 새천년민주당), сформировавшейся вокруг личности Ким Дэ Чжуна, борца с режимом авторитарного лидера Пак Чон Хи. Увлеченный фигурой оппозиционера Кима, Но Му Хен являлся его младшим соратником [1, с. 224].

Правление президента Ли Мен Бака отличалось неоднозначным характером внешней политики Кореи.

Во-первых, это касалось отношений с Северной Кореей. Десятилетие относительно мирного сосуществования двух стран Корейского полуострова сменилось резкими выпадами в отношении друг друга (имеются в виду события 2010 г. – затопление корвета Чхонан и обстрел острова Ёнпхендо со стороны Северной Кореи). Во многом это было связано с тем, что, несмотря на мирное сосуществование двух стран на протяжении этого периода времени, угроза применения ядерного оружия на полуострове не была снята, так как Северная Корея по-прежнему продолжала развивать свою ядерную программу. Президент Ли Мен Бака попытался решить эту проблему радикальным способом, предложив руководству КНДР прекратить свои разработки в обмен на экономические блага, но не преуспел в этом деле. [4, с. 287].

Во-вторых, налаживание отношений с главным политическим союзником – США также повлияло на характер внешней политики Кореи. Под выражением "налаживание отношений" мы имеем в виду устранение натянутости и напряжения в отношениях США и РК, присутствовавших при президенте Но Му Хене. Изначально, южнокорейский президент был избран на волне антиамериканских настроений, поводом послужил инцидент с корейскими школьницами, пострадавшими от наезда американской военной машины в ноябре 2002 г. Военный суд США оправдал виновников случившегося, это вызвало широкий негативный отклик среди населения Кореи, люди требовали пересмотра договора о статусе военных сил США в Корею (Status of Force Agreement, SOFA), чтобы корейский суд мог рассматривать подобные дела в рамках корейского законодательства. Кандидат Но Му Хен призывал к пересмотру характера отношений США и РК, а после вступления в должность президента объявил о необходимости превращения союза двух стран в союз двух равных партнеров. В частности, это отразилось в отношениях с КНДР. Президент в некотором роде симпатизировал северокорейской политике, так как видел в этом форму обороны северокорейского режима от внешних сил. В данной ситуации он предложил Вашингтону, чтобы Южная Корея играла роль посредника в урегулировании вопроса об ядерных разработках. Таким образом, в видении Но Му Хена Южная Корея должна была не выступать единым фронтом с США, но играть роль независимого игрока, что не могло понравиться американскому руководству [5, с. 581–586]. В дальнейшем раз-

© Бритова В. Р., 2020

БРИТОВА Виктория Римовна, аспирант кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ). **E-mail:** mengly@mail.ru

ногласия между США и РК начали постепенно сглаживаться, администрация Но стала проводить проамериканский курс, а правительство Буша стало более внимательно относиться к запросам РК. Например, США вернули Корею пятнадцать американских военных баз в Корею, а также обещали увеличить объем экономической поддержки силам США в Корею. Корея в свою очередь отправила около 3 тыс. солдат в Ирак на помощь силам США. Помимо этого, стороны договорились о проведении ежегодных стратегических консультаций по общим проблемам.

Таким образом, военный союз США и РК продолжает оставаться ключевым элементом системы внешней обороны Южной Кореи. Настроенный на плодотворное сотрудничество с руководством США, президент Ли Мен Бак понимал всю важность сохранения данного союза для безопасности государства. Это выделялось на фоне стремлений предыдущих правительств Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена обрести определенную степень автономности Кореи (здесь и далее имеется в виду Республика Корея). К примеру, президент Но Му Хен говорил о том, что Корея способна выполнять роль политического и транспортного центра Восточной Азии, выступая в роли так называемого "хранителя баланса Северо-Восточной Азии" (동아시아의 균형자론). Подобная политика вызвала сопротивление со стороны других политиков в Корею. Например, представитель партии Великой страны (한나라당) Пак Чжин в июне 2003 г. на заседании Национальной Ассамблеи заявлял, что действия правительства Но Му Хена привели к серьезному кризису безопасности страны. Также, по мнению Пак Чжина, правительство Но не понимало всей картины кризиса безопасности страны (노무현 정부는 과연 대한민국이 심각한 안보 위기를, 그리고 그 안보 위기의 위급성을 제대로 파악하고 있는지 의심스럽기까지 합니다) [15]. С точки зрения США, данное стремление Кореи обособиться и выдвинуть себя в центр политической сцены региона СВА не могло не рассматриваться как уход в сторону от стратегического партнерства и изменения структуры сотрудничества в "геополитическом четырехугольнике" США-Япония-Тайвань-Южная Корея. Кроме этого, подобное решение оспаривалось в СМИ Кореи, которые открыто заявляли, что Корея не может стать "хранителем баланса Северо-Восточной Азии", так как вся внешняя политика Кореи основывается на союзе США и РК [13].

В-третьих, президент Ли Мен Бак выдвинул курс на глобализацию Кореи и активизировал ее действия на мировой арене. Президент рассматривал глобализацию как форму международной взаимопомощи (국제 공조). В частности, на экономическом форуме в Давосе в январе 2010 г. он сказал: "Благодаря G20 сохраняются достоинства глобализации, ставшей **формой международной взаимопомощи**, одновременно нивелируются ее негативные эффекты. Я думаю, что необходимо удвоить усилия по развитию сети социальной безопасности для достижения цели – инклюзивного роста" (G20을 통한 국제 공조로 세계화의 장점은 최대한 살리면서 그 부작용은 최소화하며, 포용적인 성장 목표 달성을 위한 사회안전망 강화 등의 노력 또한 배가되어야 한다고 하겠습니다).

Южная Корея принимала на своей территории такие крупномасштабные международные мероприятия, как саммит G20 (2011 г.), саммит по ядерной безопасности (2012 г.), IV Форум по повышению эффективности внешней помощи (2011 г.). Помимо этого, в Корею появилась международная организация по защите экологии – Институт инициативы Зеленого роста. И наконец, в 2009 г. Корея вступила в Комитет помощи развитию при Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Данный шаг примечателен тем, что впервые в современной истории страна из числа получателей данной помощи сумела добиться экономического уровня, позволяющего оказывать помощь другим нуждающимся странам.

В начале своего президентского срока президент Ли Мен Бак выступил с инициативой "Глобальная Корея" в качестве национальной стратегии безопасности Республики Корея. Название данной инициативы на корейском языке звучит как *성숙한 세계국가* *зрелое глобальное государство* [13]. Разница между английским и корейским определением заключается в акценте на "зрелость" государства. Упор на "зрелость" и "развитость" является важным моментом для корейской политики. Дело в том, что данный термин *성숙한*

зрелый может быть связан с существующим дискурсом *선진국 развитое государство*, о котором упоминал в своем исследовании о сущности идентичности Кореи с точки зрения глобализации Дж. Джоджин. В своей работе он приходит к мысли о том, что стремление к обретению статуса развитого государства влияло на внешнюю политику Кореи и являлось ее стержневым основанием в течение десятилетий: с момента ускоренной индустриализации и модернизации под управлением президента Пак Чон Хи (1962–1979) до текущего момента правления президента Ли Мен Бака [6]. Мы отмечаем данный элемент для того, чтобы понимать важность самоопределения Республики Кореи в качестве "зрелого" современного государства, в соответствии с которым выстраивается ее национальная стратегия.

Согласно видению правительства Ли Мен Бака, стратегия внешней политики *зрелого глобального государства* *성숙한 세계국가* состоит из нескольких частей [13]. Во-первых, главная ценность стратегии (*핵심 가치*) заключается в установлении справедливости и мира (*정의와 평화*), общем процветании (*공동 번영*) и ориентации на глобализм или глобальном мышлении (*세계주의*). Затем предлагаются принципы реализации данной стратегии, которые основываются на творческом прагматизме (*창조적 실용주의*); объединение граждан *국민 통합*, достижение реальных результатов (*실용적 성과*) и международное сотрудничество (*국제협력*). И наконец, сущность стратегии и ее главные цели заключаются в мирном сосуществовании и благополучии межкорейских отношений (*상생*공영의 남북관계*), расширении дипломатической сети сотрудничества (*협력 네트워크 외교 확대*), стремлении к практической комплексной дипломатии (*포괄적 실리외교 지향*) и, наконец, создании развитой, ориентированной на будущее системы безопасности (*미래지향적 선진안보체제 구축*). В свою очередь, каждая из обозначенных целей делится на несколько важных элементов:

- 1) Мирное сосуществование и благополучие межкорейских отношений:
 - усиление безъядерной структуры Корейского полуострова (*한반도 비핵 평화구조 공고화*);
 - создание базы экономического сотрудничества (*남북 경제공동체 기반 조성*);
 - создание базы социально-культурного сотрудничества (*남북 사회문화 공동체 기반 조성*);
 - развитие гуманитарного сотрудничества (*인도적 협력 증진*).
 - 2) Расширение дипломатической сети сотрудничества:
 - продвижение американо-корейского стратегического союза в XXI в. (*21C 한-미 전략 동맹 구축*);
 - усиление отношений с ведущими странами (*주요국 관계 강화*);
 - строительство системы сотрудничества со странами в Северо-Восточной Азии (*동북아시아 협력체제 구축*);
 - усиление глобального партнерства (*글로벌 파트너십 확대*).
 - 3) Практичная комплексная дипломатия:
 - усиление дипломатического сотрудничества в сфере энергетики (*에너지 협력 외교 강화*);
 - подписание соглашений о свободной торговле и поддержка разностороннего развития (*Free Trade Agreement*) (*FTA 체결 다변화*);
 - развитие дипломатии вкладов в международные дела (*기여외교 확대*);
 - защита корейских граждан за рубежом и поддержка зарубежных соотечественников (*재외국민 보호 및 재외동포 활동지원*).
 - 4) Развитая, ориентированная на будущее система безопасности:
 - усиление развитого военного потенциала (*선진 군사능력 확충*);
 - повышение эффективности управления государственной обороной (*국방경영 효율화*);
 - развитие иностранного военного сотрудничества (*대외군사협력 확대*);
 - полная готовность к обеспечению обороны (*포괄안보 분야 역량 구비*).
- Таким образом, в стратегии правительства Ли Мен Бака можно выделить несколько моментов. Во-первых, правительство акцентирует внимание на необходимости рационального, прагматичного подхода к межкорейским

отношениям, главной целью которого является решение проблемы обладания Северной Кореей ядерного оружия. Во-вторых, союз Кореи и США обозначается как стратегическое партнерство, отношения со странами-соседями в АТР рассматриваются в комплексе, правительство ставит целью создание системы сотрудничества между всеми восточноазиатскими странами. В-третьих, Корея начинает развивать практичную, прагматичную дипломатию с целью поиска новых энергоресурсов, новых экономических партнеров и увеличению доли влияния РК на международные дела. В-четвертых, планируется укрепление системы безопасности за счет модернизации системы обороны и сотрудничества с зарубежными партнерами, главным из которых является США.

В данном случае, мы бы хотели рассмотреть, каким образом данная стратегия нашла реализацию в жизни, а именно разобрать каждое направление внешней политики *зрелого глобального государства*.

Мирное сосуществование и процветание межкорейских отношений. За период президентства Ли Мен Бака в межкорейских отношениях произошло множество событий. Это связано с пересмотром концепции "солнечного тепла" президента Ким Дэ Чжуна и политики партнерства президента Но Му Хена. Взамен президент Ли Мен Бак предложил подходить к отношениям с Северной Кореей с точки зрения прагматизма. А. Торкунов указывает [4, с. 286], что программа "нового курса" включала в себя: 1) денуклеаризацию КНДР, 2) открытость Кореи новому миру, 3) предоставление КНДР крупной экономической помощи, что позволило бы ей в течение 10 лет добиться национального дохода на душу населения в 3000 долларов (비핵 개방 3000 정책). Как известно, данное предложение было подвергнуто резкой критике руководством КНДР, так как Северная Корея не собиралась отказываться продолжать развитие собственной ядерной программы, и не стремилась к открытию внешнему миру. Поэтому отношения между Севером и Югом начали стремительно ухудшаться: двустороннее сотрудничество было закрыто, Юг перестал оказывать гуманитарную помощь Северу и, в конце концов, в 2010 г. уровень напряжения достиг кульминационной точки. В марте 2010 г. был затоплен южнокорейский военный корабль – корвет Чхонан, ответственность за затопление которого Южная Корея возложила на Северную. В ноябре 2010 г. северо-корейские военные силы обстреляли южнокорейский остров Ёнпхен-до, Южная Корея была готова принять ответные меры, но так как подобный шаг ставил под угрозу безопасность политической архитектуры Северо-Восточной Азии, к решению вопроса подключились США, Китай и Россия, что позволило не допустить эскалации данного конфликта на Корейском полуострове.

Политика Ли Мен Бака в отношении Северной Кореи, с одной стороны, рассматривалась как решение проблемы северо-корейской угрозы. Предполагалось, что в случае отказа от ядерной программы и открытия политической системы экономики Северной Кореи испытает резкий экономический рост, во время которого усилится сотрудничество между двумя Кореями. Открытие границ и восстановление железнодорожного сообщения позволило бы организовать поставки природных ресурсов из России или Европы по удобному маршруту, что в конечном итоге обогатило экономику обеих стран [10, с. 10]. В дальнейшем рассматривалась перспектива создания союза Северной и Южной Кореи, что со временем позволило бы реализовать проект объединения всего Корейского полуострова.

С другой стороны, данная политика рассматривалась как практически нереализуемая и невозможная, так как метод ее осуществления заключался в давлении на северо-корейское руководство. Только лишь в обмен на отказ от ядерной программы и открытие системы, правительство Южной Кореи было готово оказывать экономическую поддержку. Как говорит представитель демократической партии Кореи Сон Мин Сун: "Нынешнее правительство утверждает, что при усилении давления на Северную Корею ее политическая система изменится, и в случае ее внезапного падения можно будет осуществить проект объединения, чего, конечно, же не допустит Китай, как и не допустил этого 60 лет тому назад" [17].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политика Ли Мен Бака в отношении Северной Кореи не смогла быть реализована по ряду объективных причин и руководство КНДР отказалось от предложения закрытия ядерной программы и открытия внешнему миру, а в 2010 г. произошел военный

конфликт между РК и КНДР (обстрел острова Ёнпхендо). Попытка прагматичного подхода к решению северокорейской проблемы показала всю сложность межкорейских отношений. Оказалось, что Северная Корея не планирует сворачивать свои ядерные разработки и прекращать ракетные испытания ни в условиях мирного диалога, ни тем более в условиях политического и экономического давления.

Расширение дипломатической сети сотрудничества. При президенте Ли Мен Баке американо-корейские отношения испытали значительный подъем. Военный союз США и Республики Кореи, основывающийся на договоре о совместной обороне (Mutual Defense Treaty between the United States and the Republic of Korea, 대한민국과 미합중국간의 상호방위조약) от октября 1953, в июне 2009 г. претерпел трансформацию. Президенты Б. Обама и Ли Мен Бак подписали документ "Совместное видение" (Joint Vision), выразивший намерение лидеров двух стран выстроить "всесторонний стратегический союз на уровнях двусторонних, региональных и глобальных связей, на основе общих ценностей и взаимного доверия" [7]. Таким образом, отношения США и РК перешли на уровень стратегического партнерства, что соответствовало поставленной цели развития американо-корейского союза.

Отношениям Кореи с другими странами уделялось большое внимание, прежде всего, это касалось КНР. В 2011 г. в ходе переговоров министры обороны Китая и Кореи сделали первое совместное заявление со времени установления дипломатических отношений в 1992 г. и договорились ежегодно проводить стратегические военные переговоры с целью усиления взаимопонимания и укрепления доверия, подкрепляя свое решение обменом военными атташе [5, с. 598–615]. Несмотря на преимущественно проамериканский курс политики Ли Мен Бака, отношения с Китаем находились в зоне особого внимания со стороны правительства, так как Китай является не только важным экономическим партнером, но также выступает в качестве союзника КНДР. Поэтому Сеул не мог себе позволить полностью положиться на американский курс политики, так как без участия Китая ведение переговоров с КНДР могло быть затруднено. Тем не менее отмечалось, что отношения между лидерами КНР и РК по сравнению с отношениями президентов РК и США имели в большей степени официальный характер [5, с. 598–615].

Ориентация на партнерство и сотрудничество со странами Азии выразилось во взаимодействии Сеула с АСЕАН, благодаря которому развивались экономические отношения. Ким отмечает, что "сеульская модель" помощи представляет развивающимся странам привлекательную не-западную альтернативу такой модели, как "Пекинский консенсус" (Китайская экономическая модель), основные принципы которой заключаются в: 1) постепенных реформах, 2) инновациях и экспериментах, 3) экономическом росте за счет экспорта, 4) государственном капитализме, 5) авторитаризме [12].

В документе "Сеульский консенсус" (Сеульский консенсус в области развития для обеспечения всеобщего роста) выделяются следующие элементы деятельности и политики: 1) акцент на экономическом росте, 2) глобальное партнерство в целях развития, 3) глобальные и региональные проблемы системного характера, 4) участие частного сектора, 5) взаимодополняемость, 6) упор на конкретный результат [3]. Во главу угла ставится глобальное экономическое партнерство, в этом "Сеульский консенсус" отличается от авторитаризма Китая, подразумевающего сохранение национального суверенитета и от формы государственного капитализма, предлагая участие частного сектора.

Общее содержание дипломатической активности правительства Ли Мен Бака включает в себя, прежде всего, стремление выйти за пределы своего региона, развивая отношения не только с военными союзниками и экономическими партнерами, а также участвуя в различных международных событиях и инициативах. Тем самым был продемонстрирован интерес Кореи в усилении своей субъектности в международных процессах.

Практичная комплексная дипломатия. Президент Ли Мен Бак занимался развитием "ресурсной дипломатии", позволяющей Корею получить доступ к источникам энергии. Важность данного направления объясняется высокой потребностью Кореи в новых источниках энергии вследствие скудности собственных природных ресурсов. Для решения данной проблемы прави-

тельство Ли Мен Бака начало искать потенциальных поставщиков энергии по всему миру, заключая меморандумы о взаимопонимании (MOU), которые в дальнейшем позволили бы наладить разработку и поставку полезных ископаемых.

Тем не менее результаты данной политики получают неоднозначную оценку. Согласно данным министерства торговли, промышленности и энергетики (사업통상자원부) в период президентства Ли Мен Бака с начала 2008 г. по конец 2012 г. было заключено 73 меморандума о взаимопонимании. Из них у 45 истек срок действия. Из 28 оставшихся меморандумов к заключению договоров привели 11, по 17 меморандумам не было произведено никаких действий. В основном меморандумы о взаимопонимании заключались с целью дальнейшего перехода к соглашениям по сотрудничеству в области закупок полезных ископаемых. Сумма средств, потраченных на покупку участков земель с источниками энергии и инвестиций в их разработку, составила 5 732 270 000 долларов США, из них вернулось в качестве дивидендов всего 2 270 072 000 долларов США, то есть сумма затраченных средств как минимум в два раза превысила сумму прибыли. Таким образом, в сфере энергетической дипломатии меры правительства Ли Мен Бака оказались недостаточными для обеспечения Южной Кореи дешевыми источниками энергии. Об этом, в частности, более подробно пишет исследователь О. Кирьянов в своей статье в "Российской Газете" [2].

В период президентства Ли Мен Бака был окончательно утвержден и подписан договор о свободной торговле между Республикой Кореей и США (KORUS FTA) в 2012 г. Переговоры по договору велись со времен президента Но Му Хена (2003–2008). Данный проект был объектом споров как в Южной Корее, так и в США, но тем не менее прошел утверждение и в Конгрессе США, и в Национальной ассамблее РК. Данный договор должен был убрать 95% от всех пошлин для покупателей корейских товаров и промышленной продукции к 2016 г., а оставшиеся 5% могли быть убраны в течение следующих десяти лет. Соглашение о свободной торговле также было заключено и с КНР в 2014 г. Подобным образом, Корея заключила договоры о свободной торговле примерно в одно время с обеими странами. Следует отметить, что Республика Корея занимает третье место в мире, после Чили и Мексики, по числу заключенных соглашений о свободной торговле. Развитие политики в данной сфере является характерной чертой внешней политики Южной Кореи. Будучи государством с экспортно-ориентированной экономикой, Корея в виду мощного экономического развития Китая и ужесточения конкуренции за рынки сбыта товаров, нуждалась в более выгодных условиях работы с иностранными рынками. Следовательно, подписание соглашений о свободной торговле снижало пошлинные тарифы и наценки, и корейские товары могли бы конкурировать с китайской продукцией.

Ориентированная на будущее система безопасности. Даже после окончания Корейской войны, Южная Корея по-прежнему находится в напряженных отношениях с Севером, поэтому так актуален вопрос эффективной оборонной системы [8, с. 158–162]. После окончания Холодной Войны и до 2014 г., с учетом инфляцией расходы на оборону Южной Кореи увеличились вдвое: в 1992 г. – 16,43 миллиарда долларов США, а в 2014 г. уже 33,14 миллиардов долларов США. Со временем Сеул вошел в десятку стран мира по расходам на оборону [11]. Более того, в настоящее время в вооруженных силах Кореи на службе состоят 630 тыс. человек, что делает ее одной из самых значительных сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Следует отметить степень важности США в системе безопасности РК. В 1957–1991 гг. в РК располагалось стратегическое ядерное оружие США. Также в Корее по-прежнему продолжают работу силы США USFK (United States Forces in Korea). В период президентства Ли Мен Бака, была достигнута договоренность о том, что будет сокращена численность вооруженных сил США в Корее с 31 000 до 28 500 человек. США обязуются помогать в закупках вооружения Сеула за рубежом и предоставить гарантии помощи РК в отношениях с северным соседом, обладающим ядерным оружием.

После инцидента со школьницами, попавшими под колеса военной американской машины в 2002 г., вызвавшем массовые демонстрации южнокорейцев, политические лидеры Южной Кореи начали прилагать усилия по

внесению изменений в "Соглашение о статусе сил" (Status of forces agreement, SOFA). При Ли Мен Баке данные усилия увенчались успехом: военная администрация США предоставила южнокорейским гражданским судам широкие права в области надзора и следствия в отношении американских солдат, находящихся в РК.

Более того, в октябре 2012 г. Ли успешно провел новые переговоры по ракетным инструкциям между Южной Кореей и США. Переговоры разрешили Сеулу установку ракет с радиусом действия до 1000 км.

Тем не менее отмечается, что отношения между двумя государствами и в период президентства Ли Мен Бака оставались в значительной мере асимметричными с точки зрения военного сотрудничества. В 1994 г. Сеул восстановил оперативный контроль над своими вооруженными силами, а в соглашении 2006 г., подписанном во время президентства Но, говорилось о том, чтобы прекратить автоматическую передачу оперативного контроля Вашингтону. В конце концов, было условлено (после двух непосредственных политически обусловленных отсрочек), что к декабрю 2015 г. Сеул получит полный контроль над своими вооруженными силами. Тем не менее реализация данного решения всё время откладывалась. Так, в октябре 2014 г. данное соглашение было отложено в уже третий раз при преемнике Ли Мен Бака Пак Кын Хе (2013–2017).

Таким образом, внешняя политика президента Ли Мен Бака строилась на том убеждении, что Корея – это развитое сильное современное государство, которое равномерно развивает отношения со всеми странами мира в рамках его видения глобализации как формы международной взаимопомощи. Данное видение отразилось на четырех основных направлениях внешней политики.

1) *Мирное сосуществование и процветание межкорейских отношений.* При президенте Ли Мен Баке в межкорейских отношениях наступил кризис, усугубившийся событиями 2010 г. – затопление южнокорейского корвета Чхонан и обстрел острова Ёнпхендо вооруженными силами Северной Кореи. Переход от мирного соседства с КНДР при президентах Ким Дэ Чжуне и Но Му Хене к резкой конфронтации, вызванной разногласиями лидеров двух стран в вопросе о прекращении ядерной программы Северной Кореи, показал хрупкость мира на Корейском полуострове. Рациональный подход Ли Мен Бака, пришедший на смену десятилетиям относительно мирных отношений, поставил под угрозу мир на Корейском полуострове, так как Северная Корея наотрез отказалась от закрытия своей ядерной программы, что, в свою очередь, усугубило ситуацию. Лишь благодаря участию внешних сил и в большей степени руководству США и Китая, угроза вооруженного конфликта была предотвращена. Подход Ли Мен Бака в полной мере выявил существенные проблемы межкорейских отношений, а именно: нестабильность отношений, связанную с характером руководства обеих государств, и зависимость мира на Корейском полуострове от внешних сил.

2) *Расширение сети сотрудничества.* Расширение дипломатической сети сотрудничества касалось как США и КНР (главных стратегических и экономических партнеров РК), так и отношений с другими странами. В основном это происходило в форме участия Южной Кореи в международных форумах и организациях.

В сфере международных отношений произошли заметные сдвиги, при Ли Мен Баке союз США и Южной Кореи претерпел трансформацию, а именно на смену военному союзу пришло стратегическое партнерство. В отношениях с Китаем также наблюдалась положительная динамика и стремление развивать как экономическое, так и политическое партнерство, ввиду поддержки КНДР Китаем. Также Сеул активно взаимодействовал с АСЕАН, продвигая модель собственного экономического развития как возможный вариант для развития стран Юго-Восточной Азии. Вся внешнеполитическая деятельность Ли Мен Бака характеризовалась стремлением расширить рамки международной политики для Южной Кореи, не ограничиваясь одним регионом Северо-Восточной Азии. Более того, Корея в период президентства Ли Мен Бака брала на себя обязательства принимающей стороны саммита G-20 и саммита по ядерной безопасности. Ни до, ни после Ли Мен Бака Корея не проводила крупных политических мероприятий подобного масштаба.

3) *Практичная комплексная дипломатия.* Президент Ли Мен Баг развивал дипломатическую деятельность в нескольких направлениях: "ресурсная" дипломатия, заключение договоров о свободной торговле (ФТА) с КНР и США. При Ли Мен Баге был совершен ряд лицензий на добычу полезных ископаемых, но не все участки оказывались подходящими с данной точки зрения, так как запас ресурсов был скуден и быстро исчерпывался. Несмотря на неудачи в "ресурсной" дипломатии (проблемы с получением доходов от закупленных скважин нефти и т.д.), в соглашениях о свободной торговле Корея проявила себя как опытный игрок, способный заключать и поддерживать большое количество экономических договоров с разными странами. Практичная комплексная дипломатия концентрировалась на "ресурсной дипломатии" и соглашениях по свободной торговле (ФТА). Говоря в общем, ФТА является отличительной особенностью корейской внешней политики, так как Южная Корея на протяжении десятилетий стремилась заключать максимально большее число договоров, формируя тем самым сеть экономических связей, выгодных как Корею, так и другим странам

4) *Ориентированная на будущее система безопасности.* На развитие системы безопасности Республики Корея повлияла близость границ с Северной Кореей. Страна постепенно увеличивала суммы расходов на военные нужды, что превратило ее в одну из самых значительных сил в Северо-Восточной Азии. При президенте Ли Мен Баге была достигнута договоренность о сокращении численности американских вооруженных сил в Корею, а также были внесены изменения в тексты "Соглашения о статусе сил" (SOFA), благодаря которым гражданские суды Кореи получили право осуждать и выносить приговоры в отношении американских солдат, совершивших правонарушение или преступление. Также было оговорено, что Корея может устанавливать ракеты с дальностью полета до 1000 км, вместо прежних 150 км.

Тем не менее вопрос о передаче оперативного контроля над командованием в случае военной угрозы корейской стороне оставался открытым и при президенте Ли Мен Баге. Соответственно с этим нельзя сказать, что в сфере безопасности и в системе военной обороны РК произошло кардинальные или радикальные изменения.

Резюмируя всё вышеуказанное, следует сказать, что проект зрелого глобального государства президента Ли Мен Бага воплотился в стратегии внешней политики Кореи, в форме налаживания контактов со странами через саммиты и комитеты, а с другой стороны, некоторые идеи президента не выдержали проверки реальности. Этому могли препятствовать разные факторы, будь то сложные отношения с Северной Кореей или влияние внешних сил, тем не менее можно сказать, что период президентства Ли Мен Бага отмечен множеством событий как негативного, так и позитивного характера. Несмотря на непримиримость северокорейского руководства в вопросах закрытия ядерной программы, президентство Ли Мен Бага также запомнилось множеством интересных проектов, таких как "Глобальная Корея" или ресурсная дипломатия, или заключение соглашений о свободной торговле. Соответственно, можно сказать, что период работы Ли Мен Бага оказался плодотворным с точки зрения заключения договоров об экономическом сотрудничестве с другими странами, но также и напряжение в отношениях с Северной Кореей повлияло на работу правительства Южной Кореи в период с 2008 по 2013 гг.

Литература

1. Асмолов К.В., Корейская политическая культура: традиции и трансформации // М.: Русский фонд содействию образованию и науке, 2017, 704 с.
2. Кирьянов О.В., В Южной Корее провалилась программа по природным ресурсам // Российская Газета. 16.07.2015, [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/07/16/resursi-site.html> (дата обращения: 28.07.2020).
3. Приложение I к Декларации саммита "Группы двадцати", Сеульский консенсус в области развития для обеспечения всеобщего роста, [Электронный ресурс], URL: <http://kremlin.ru/supplement/769> (дата обращения: 29.07.2020).
4. Современные международные отношения: Учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012, 688 с.

5. Fels E., *Shifting Power in Asia-Pacific? The Rise of China, Sino-US Competition and Regional Middle Power Allegiance*. Springer International Publishing, Switzerland, 2017, 779 p.
6. Jojin J.V., *Globalization, National Identity and Foreign Policy: Understanding 'Global Korea'* // *Copenhagen Journal of Asian Studies*, Vol.33 (2), 38–57 pp.
7. Joint Vision for the alliance of the United States of America and the Republic of Korea // The White House, Office of the Press Secretary, Washington D.C., June 16, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/joint-vision-alliance-united-states-america-and-republic-korea> (дата обращения: 18.06.2020).
8. Menon R. *The End of Alliances*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
9. Ministry of trade, industry and energy, [Электронный ресурс]. URL: www.motie.go.kr/ (дата обращения: 20.06.2020).
10. Suh J.J. *The Lee Myung-bak Government's North Korea Policy: A study on its historical and theoretical foundation*. Korea Institute for National Unification, May 2009, 122 p.
11. SIPRI, *Military Expenditure Database*, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (дата обращения: 24.06.2020).
12. Williamson J, *Is the "Beijing Consensus" Now Dominant?* // *Asia Policy* 13, January 2012.
13. 김종성, 노무현 정부가 동북아균형자 역할에 실패한 이유 // *OhmyNews*, 28.05.2006, [Электронный ресурс]. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000334467 (дата обращения: 24.07.2020).
14. MB 정부 자원외교 MOU '속 빈 강정', [Электронный ресурс]. URL: <http://www.energysai.co.kr/news/articleView.html?idxno=31005> (дата обращения: 19.06.2020).
15. *여야 할 것 없이 비판했던 '노무현 외교'...10년 지난 지금의 평가?* // JTBC News, 22.05.2019, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9L6hjeY6bos> (дата обращения: 24.07.2020).
16. *이명박 정부 외교안보 비전과 전략: 성숙한 세계국가* // *청와대* March 2009, 39장.
17. *이숙이, 국제 사회에서 앞은벙이 된 이명박 외교* // *시사In*, 08.02.2010, [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sisain.co.kr/news/articleView.html?idxno=8178> (дата обращения: 18.06.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Asmolv K.V., *Korejskaya politicheskaya kul'tura: traditsii i transformatsii* // М.: Russkij fond sodejstviju obrazovaniju i nauke, 2017, 704 s.
2. Kir'yanov O.V, V YUzhnoj Koree provalilas' programma po prirodnyh resursam // *Rossijskaya Gazeta*. 16.07.2015, [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/07/16/resursi-site.html> (дата обращения: 28.07.2020).
3. Prilozhenie I k Deklaratsii sammita "Gruppy dvadtsati", Seul'skij konsensus v oblasti razvitiya dlya obespecheniya vseobshhego rosta, [Электронный ресурс], URL: <http://kremlin.ru/supplement/769> (дата обращения: 29.07.2020).
4. *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya: Uchebnik / pod red. A.V. Torkunova, A.V. Mal'gina*. М.: Aspekt Press, 2012, 688 s.
5. Fels E., *Shifting Power in Asia-Pacific? The Rise of China, Sino-US Competition and Regional Middle Power Allegiance*. Springer International Publishing, Switzerland, 2017, 779 p.
6. Jojin J.V., *Globalization, National Identity and Foreign Policy: Understanding 'Global Korea'* // *Copenhagen Journal of Asian Studies*, Vol.33 (2), 38–57 pp.
7. Joint Vision for the alliance of the United States of America and the Republic of Korea // The White House, Office of the Press Secretary, Washington D.C., June 16, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/joint-vision-alliance-united-states-america-and-republic-korea> (дата обращения: 18.06.2020).
8. Menon R. *The End of Alliances*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
9. Ministry of trade, industry and energy, [Электронный ресурс]. URL: www.motie.go.kr/ (дата обращения: 20.06.2020).
10. Suh J.J. *The Lee Myung-bak Government's North Korea Policy: A study on its historical and theoretical foundation*. Korea Institute for National Unification, May 2009, 122 p.
11. SIPRI, *Military Expenditure Database*, 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (дата обращения: 24.06.2020).
12. Williamson J, *Is the "Beijing Consensus" Now Dominant?* // *Asia Policy* 13, January 2012.

13. 김종성, 노무현 정부가 동북아균형자 역할에 실패한 이유 // OhmyNews, 28.05.2006, [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0000334467 (data obrashheniya: 24.07.2020).
14. MB 정부 자원의외교 MOU ‘속 빈 강정’, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.energydaily.co.kr/news/articleView.html?idxno=31005> (data obrashheniya: 19.06.2020).
15. 여야 할 것 없이 비판했던 ‘노무현 외교’...10년 지난 지금의 평가? // JTBC News, 22.05.2019, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9L6h-jeY6bos> (data obrashheniya: 24.07.2020).
16. 이명박 정부 외교안보 비전과 전략: 성숙한 세계국가 // 청와대 March 2009, 39장.
17. 이숙이, 국제 사회에서 앞은벙이 된 이명박 외교 // 시사In, 08.02.2010, [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.sisain.co.kr/news/articleView.html?idxno=8178> (data obrashheniya: 18.06.2020).

Бритова В. Р. "Глобальное развитие государство" президента Республики Корея Ли Мен Бака (2008–2013 гг.).

В данной статье мы рассматриваем сущность политики внешней безопасности президента Республики Корея Ли Мен Бака (2008–2013) на примере его концепции развитого глобального государства сонсукхан сээгукка В данной концепции выделяются четыре основных направления: межкорейские отношения, расширение дипломатической сети, практическая комплексная дипломатия и система безопасности, соответственно с этим проводится анализ работы правительства Ли Мен Бака в данных направлениях. Мы приходим к выводу о неоднородности результатов работы правительства в рамках концепции президента Ли Мен Бака.

Ключевые слова: *внешняя политика Республики Корея, президент Ли Мен Бак, дипломатия Корея, глобальное государство*

Britova V. R. "Developed global state" of Republic of Korea President Lee Myung-bak (2008–2013).

In this article we reviewing the essence of South Korean foreign policy during the time of ruling the President of the Republic of Korea - Lee Myung-bak (2008-2013), on the grounds of his vision 'developed global state' sonsukhan segegukka This concept can be distinguished on four main areas: inter-Korean relations, expansion of the diplomatic network, practical complex diplomacy and security system. Accordingly to these spheres the analysis of the work of the Lee Myung-bak government is carried out. We conclude that the results of government work weren't heterogeneous according to the framework of President Lee Myung-bak's vision.

Key words: *foreign policy of the Republic of Korea, President Lee Myung-bak, Korean diplomacy, global state*

Для цитирования: Бритова В. Р. "Глобальное развитие государство" президента Республики Корея Ли Мен Бака (2008–2013 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 150–159. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/150-159

For citation: Britova V. R. "Developed global state" of Republic of Korea President Lee Myung-bak (2008–2013) // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 150–159. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/150-159

**Академический капитализм и университетская бюрократия
(мировой опыт, отечественные реалии,
региональная специфика). Часть I.**

Судьба данной статьи причудлива и замысловата. Задумывалась она как реакция на собственные злоключения автора, как попытка выразить протест против действий местных (владивостокских) представителей последней олигархии современной России. В дальнейшем от неё ожидалось окончательное объяснение реалий бытования региональной (юга Дальнего Востока России) вузовской административной олигархии. Справедливости ради, следует признать, что, несмотря на все перипетии, обстоятельный разговор об "академическом капитализме" как феномене поля идеологического смыслопорождения университетской бюрократии не утратил своей насущности. Последствия деструктивной деятельности как местной и региональной университетской бюрократий, так и их представителей в отраслевой бюрократии на уровне органов государственной власти субъекта федерации и на федеральном уровне, впечатляющие размахом и бесцеремонностью, требуют пролить свет на происхождение, содержание и значение концепта "академический капитализм" в его взаимосвязи с идеологическими представлениями различных групп профессиональных управленцев, действующих в соответствующих образовательных подсистемах.

Пределно обобщённый смысл бытующей в сознании заинтересованных групп общественности установки сводится к следующему тезису: именно "академический капитализм" выступает универсальным средством (панaceей), призванным решить комплекс стоящих перед современной высшей школой проблем. От него ожидают максимизации функциональной общественной полезности высшей школы в целом, привлечения в систему высшего образования дополнительных денежных средств, повышения уровня доходности образовательных организаций высшего образования, обеспечения роста общего благосостояния работников высшей школы и многого другого. Считается, что "академический капитализм" должен адаптировать современную высшую школу к новым условиям жизнедеятельности, возникновение которых связано с формированием экономики, основанной на знаниях в частности и информационного общества в целом, что закономерно ведёт к глубоким изменениям в самой системе высшего образования, ключевым проявлением которых выступает возрастание значимости управленческой функции и её внутрисистемных носителей, соответственно. Таким образом, рабочей гипотезой данной статьи выступает научно обоснованное сомнение автора в правомерности использования приведённых выше теоретических концептов для описания, интерпретации и, что представляется наиболее рискованным, принятия управленческих решений в современных системах высшего образования.

Следовательно, цель статьи – оценка правомерности сопряжения теоретических понятий в рамках соответствующей концептуальной модели, ядром которой является понятие "академический капитализм", а сама она используется для описания, интерпретации и трансформации реалий бытования современных систем высшего образования (с особым вниманием к отечественной системе высшей школы и её актуальному мировому контексту). Ключевым же субъектом указанной деятельности выступает многочисленная, но одновременно, в значительной мере, замкнутая общность профессиональных носи-

телей управленческих функций, как в границах отдельной образовательной организации высшего образования, так и в масштабах всей вузовской подсистемы, как составной части национальных образовательных метасистем. Иными словами, статья нацелена на исследование взаимосвязи "академического капитализма", как концептуальной модели, и университетской бюрократии, активно привлекающей эту концептуальную модель в качестве источника обоснования и оправдания комплекса своих внутрисистемных функциональных практик.

Для достижения заявленной цели представляется необходимым решение следующих задач:

Во-первых, конкретизировать содержание и механизмы влияния предшествующего развития на бытование высшего образования в социокультурных условиях современности;

Во-вторых, уточнить смысл и значение ключевых теоретических понятий, входящих в состав рассматриваемой концептуальной модели;

В-третьих, выявить социальные и интеллектуальные истоки исследуемых концептов;

В-четвёртых, оценить имажинативный, интерпретационный и преобразовательный потенциал как арсенала понятий, так и построенной на его основе концептуальной модели;

В-пятых, конкретизировать интеллектуальную природу рассматриваемой концептуальной модели;

В-шестых, изучить практику реализации данной концептуальной модели в контексте опыта бытования мировых систем высшего образования, с особым вниманием к результатам отечественной высшей школы (с учётом их региональной неоднородности);

В-седьмых, наметить необходимые коррективы в практику использования исследуемой концептуальной модели при принятии управленческих решений в современной отечественной системе высшей школы.

Осознавая ограниченность объёма журнальной публикации и действуя в интересах читателей, автор предполагает разделить статью на две части, объединённых общим замыслом и программой исследования.

Содержание первой части статьи составят два начальных пункта намеченной исследовательской программы: 1) конкретизация содержания и механизмов влияния предшествующего развития на бытование высшего образования в социокультурных условиях современности как объекта управления; 2) уточнение смысла и значения ключевых теоретических понятий, входящих в состав рассматриваемой концептуальной модели. Реализация этих двух пунктов программы исследования закладывает фундамент дальнейшего рассмотрения "академического капитализма" как концептуальной модели идеологической природы. Особое внимание к раскрытию заявленных пунктов позволяет, с одной стороны, выявить истоки, механизмы и особенности становления университетской бюрократии как создателя, носителя и пользователя идеологии "академического капитализма", и конкретизировать смысл и значение базовых понятий рассматриваемой концептуальной модели, функционирование которых в контексте "академического капитализма" сопровождается разноплановыми смысловыми метаморфозами.

Для конкретизации содержания и механизмов влияния предшествующего развития на бытование высшего образования в социокультурных условиях современности необходимо обратиться к анализу ряда пластов исторического опыта формально организованной образовательной деятельности высшего порядка в рамках европейской (неолиберальной) интеллектуальной традиции начиная со второй половины XII в., с особым вниманием к трансформациям, происходившим в недрах европейской университетской традиции с XVI до начала XIX вв.

Университет как нормативно-организационная целостность, выступающая базовым поддерживающим конструктом европейской университетской традиции, является не только продуктом европейского общества эпохи развитого средневековья. Университет – слепок этого общества. При всём многообразии организационных моделей средневековых европейских университетов главное различие между ними можно свести к способу формирования и особенностям функционирования управляющей олигархии, предусмотренному и поддерживаемому соответствующей организационной моделью университета.

В рамках трёх обобщённых организационных моделей университетская правящая олигархия могла быть либо преподавательской, либо "студенческой", либо смешанной, т.е. в разной степени, но отражающей представительство основных категорий университетского люда. В свою очередь, следует иметь в виду, что символическое "тело" университетского гражданства, как и "тело" породившего его христианского общества средневекового Запада, должно было иметь трёхчастную (в наиболее простом варианте) структуру. Иными словами, состоять из трёх "сословий" [7, с. 311–322].

События второй половины XII–XIV вв., напрямую связанные с "эпохой завоевания" прав университетской автономии, выводят на историческую авансцену два *ordo* университетского сообщества: студенчество и преподавателей, тогда как "статисты университетской истории" – представители иных категорий подданных *Alme matres* при описании тех бурных событий оставались вне фокуса внимания. Отчасти это может быть объяснено тем, что "слуги университета" были получателями выгод наименьшего объёма, порой даже косвенных, происходящих от приобретения *Alme matres* комплекса прав и привилегий, связанных с режимом и статусом академической автономии. Следовательно, представители университетского "третьего сословия" в состав академической правящей олигархии в XIII–XV вв. не входили. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в указанное время управленческие практики правящей академической олигархии носили "политический" характер, а сама олигархия отличалась диффузными свойствами профессиональной идентичности и повседневного бытования, совмещавшими политическое управление корпоративно организованным локальным университетским сообществом и непосредственную деятельность преподавателя-регента, практикующего в рамках студияма университета.

В XVI–XVIII вв. ситуация медленно, но верно меняется. По мере "закрывания" правящей академической олигархии, что с большей выразительностью проявилось в тех *Alme matres*, которые избрали организационную модель "университета преподавателей" или "смешанную" модель, происходило существенное изменение организационных форм и принципов университетского образования. Совокупность этих изменений можно охарактеризовать как учрежденческую трансформацию, способствовавшую нарастанию зависимости университетов от государства, бюрократизации практик академического управления, профессионализации управления и кристаллизации комплекса профессиональных статусов носителей управленческих функций в рамках организационных структур и учреждений университетского образования. В результате всех этих перемен университеты встраивались в инфраструктуру абсолютистского государства, благодаря чему создавалась ниша, обеспечивавшая в дальнейшем их существование уже в рамках государства современного типа, вне зависимости от его конкретной формы.

Окончание трансформации правящей академической олигархии в аппарат управления университетом, а самого университета из корпоративной организации в общественно полезное (понимай как – полезное государству) учреждение, принято связывать с появлением гумбольдтовской модели университета. В этой модели видят и главную причину расцвета классического университета нового и новейшего времени (особенно в Германии и отчасти в США), и корень зла, заключающегося в уязвимости "гумбольдтовского университета" для бюрократизации (внутренней и внешней) и этатизации [6]. Хотя, справедливости ради, следует признать, что ни В. фон Гумбольдт (1767–1835), ни Ф. Шлейермахер (1768–1834), ни И.Г. Фихте (1762–1814) и другие "отцы-основатели" модели классического европейского университета нового и новейшего времени не могут быть названы "злыми гениями" университетской идеологии. Напротив, гумбольдтовская модель университета, по существу, является попыткой соединить романтическое прочтение средневековой и постсредневековой идей университета и насущных потребностей, в данном конкретном случае – прусского абсолютистского государства.

Именно глубокая укоренённость гумбольдтовской модели университета в идейном наследии эпохи Просвещения позволяет обнаружить главную причину тех бедствий, происхождение которых принято с ней связывать. Речь идёт о характерной для эпохи Просвещения идее "пробуждения третьего сословия". Следует подчеркнуть, что в массиве авторитетных текстов "отцов-основателей" гумбольдтовской модели университета не содержится прямых упоминаний о

роли и месте представителей "третьего университетского сословия" и генетически происходящей от него профессиональной университетской бюрократии в заданном гумбольдтовской моделью новом порядке академической жизни. Что вовсе не удивительно.

Дело в том, что романтический трипартизм "гумбольдтовского университета" может быть адекватно понят и истолкован исходя из двух обстоятельств. Во-первых, из убеждения В. фон Гумбольдта в том, что главная угроза новому пониманию академической свободы исходит именно из недр самого университета [1], отягощённого множественными анахронизмами и пережитками прошлого. Следовательно, для преодоления кастового ригоризма корпоративной университетской "аристократии" управленческие функции должны быть переданы только-только приобретшим права академического гражданства "профессиональным служащим университета", для которых защита и обеспечение нового университетского порядка будет тесно увязываться с сохранением их нового статуса. Во-вторых, сам В. фон Гумбольдт, и как мыслитель, и как практический государственный деятель, много времени и сил отдал поиску баланса интересов между государством, сословно организованным обществом и автономным индивидом [11, с. 1126–1130]. Таким образом, динамическое равновесие между государством и сословным обществом, как внешним (национальным), так и внутренним (академическим), создавало индивиду пространство интеллектуальной и духовной свободы в рамках "гумбольдтовского университета". Именно в этом заключается колоссальная привлекательность гумбольдтовской модели университета для последующего развития университетской идеологии и практики университетского строительства, но в этом же состоит и причина её уязвимости, так как лежащее в её основе равновесие сил носит динамический, неустойчивый, ситуативный характер.

Однако вариант генезиса университетской бюрократии, заданный гумбольдтовской моделью, является далеко не единственной возможностью кристаллизации группы профессиональных управленцев в недрах высшей школы Запада в новое время. В пользу возможности альтернативного пути формирования и функционирования вузовской управленческой олигархии, сохраняющей черты элитной политической группы, в рамках приверженного корпоративной организации университета свидетельствует опыт администрации английских университетских колледжей. Воплощаемая Советом колледжа административная олигархия сохраняет унаследованный от прошлого диффузный характер (предполагающий совмещение преподавания, исследовательской и управленческой деятельности) и обеспечивает поддержание политической природы функциональных управленческих практик. Ярчайшим образцом реализации данного подхода к университетскому управлению служит наличие должности казначея колледжа. Казначей, являясь членом Совета (иными словами – правящего олигархического органа), обеспечивая реализацию ключевой функциональной практики – управление финансами колледжа, тем не менее подчиняется преподавательскому этосу и несёт двойную ответственность как перед Советом (представляющим в теории преподавательскую корпорацию), так и перед Ректором. Ректор, в свою очередь, выступает "слугой трёх господ": преподавательского коллектива в целом (на практике – преподавательской "аристократии": обладателей высоких преподавательских должностей, являющихся избираемыми членами Совета или входящими в его состав по должности), вышестоящей университетской администрации и государства [10, с. 23–24; 12, с. 49–50]. В результате управление университетом сохраняет характер академической политики, а не редуцируется к бюрократическому администрированию.

Сохранение "политического" характера управления в английских университетах и колледжах, ставшего неотъемлемой частью британской национальной университетской традиции, позволило, например, университету Уорика успешно осуществить комплекс преобразований, направленных на претворение в жизнь оригинальной модели предпринимательского университета [5, с. 29–69]. Случай Уорикского университета тем более показателен, что его принято относить к группе "новых университетов" Великобритании, для которых "предпринимательская трансформация" шла в разрез с вектором их первоначального развития. Для "новых университетов" приобщение к национальной университетской традиции было ключевым условием признания за ними статуса полноценного британского университета с вытекающими из

него респектабельностью и открывающимися возможностями обменивать "репутационный капитал" на дополнительные фунты стерлингов.

Тем не менее университету Уорика удалось осуществить масштабную программу предпринимательских преобразований, не встретивших сколько-нибудь серьёзного сопротивления и неприятия со стороны локального университетского научно-образовательного сообщества. Исключением в этом отношении можно считать "программу 50-ти", претворение которой в жизнь сопровождалось жалобами и возражениями со стороны привлекаемых на постоянных условиях сотрудников университета из числа младших преподавателей [5, с. 64–65]. Однако и эта потенциально конфликтная ситуация была успешно урегулирована академическим истеблишментом Уорикского университета благодаря использованию средств и ресурсов, напрямую связанных с "политическим" характером университетского менеджмента. Именно этот менеджмент санкционировал обменные действия в системе распределения статусов и функций "власть–преподавание" и "исследования–доходы", укоренённой в социальности данной Alma mater.

В то же время остаётся не до конца понятным, было ли выполнено выработанное в политической практике Великобритании "правило Черчилля". Следование этому правилу требует щепетильности носителей властно-распорядительных функций по отношению к изменению внутрисистемных статусов. Во всяком случае, британский пример со всей наглядностью показывает несоответствие и, по всей вероятности, невозможность совмещения внутрисистемных позиций ответственного распорядителя и получателя привилегированного материального содержания. Подобного рода разведение возможностей доступа к власти и доходам, способствует угнетению бюрократического начала в университетском управлении и делает "академический капитализм" в британских реалиях весьма ограниченным.

Уточнение смысла и значения ключевых теоретических понятий, входящих в состав рассматриваемой концептуальной модели, необходимо начать с ключевого понятия, которое, хотя и обладает соответствующим когнитивным потенциалом, тем не менее со строго философской точки зрения может быть отнесено к теоретическим не в полной мере. Речь идёт о понятии "академический капитализм". Впервые введённое в научный оборот Э. Хэкетом, данное понятие использовалось для обозначения важных структурных изменений, затрагивающих главным образом научную деятельность университетов [4, с. 18]. При этом был сделан весьма недвусмысленный намёк на его связь с понятием государственного капитализма, использованным М. Вебером в отношении естественных наук и медицины, осмысливавшихся как функционирующие в рамках капитализма предприятия [4, с. 18]. Таким образом, Э. Хэкет трактовал термин в узком смысле слова как синоним "научного капитализма", содержание которого непосредственно связано с коммерциализацией результатов университетских НИР и НИОКР.

"Второе издание" концепт "академический капитализм" переживает к концу 90-х гг. XX в, после выхода в свет одноимённой книги С. Слотер и Л. Лесли, которая и по сей день, к большому сожалению, не опубликована на русском языке, в чём также можно усматривать некий знаменательный смысл. Отсутствие полноценного перевода данного авторитетного текста "нового менеджериализма" [9, с. 76] создаёт широкий спектр пересказов и толкований понятия "академический капитализм". Можно даже вести речь о формировании соответствующей интеллектуальной традиции, действуя в контексте которой одни авторы полагают, что для "академического капитализма" характерна ситуация, в которой "университеты действуют как рыночные структуры и рынок рассматривается как дисциплинарный агент" [8, с. 7]. Другие видят в "академическом капитализме" активно развивающееся направление исследований и новую реальность бытования высшей школы в глобальном контексте информационного общества и экономики, основанной на знании [2, с. 265–267]. Перечень существующих в современной науке определений понятия "академический капитализм" занял бы множество страниц, и при этом вряд ли смог претендовать на полноту, законченность и исчерпывающий характер.

Многообразие и пестрота встречающихся в научной литературе трактовок понятия "академический капитализм" наводит на мысль о том, что, принимая во внимание предложенный А.Ю. Безродной подход к различению концеп-

та и идеологиемы [3, с. 143–144], в ситуации с "академическим капитализмом" дело приходится иметь с понятием, возникшим как концепт, но трансформировавшимся в процессе обращения в идеологему. Указанная трансформация затрагивает и функциональную сторону бытования понятия "академический капитализм". Таким образом, со всей определённой можно заключить, что понятие "академический капитализм" функционирует в партикулярном групповом сознании университетской бюрократии и индивидуальном сознании её отдельных представителей, именно как идеологема.

Идеологема "академический капитализм" хотя и является ядром рассматриваемой нами концептуальной модели, однако далеко не исчерпывает собой её содержания. В её состав также входят понятия: академическое предпринимательство, предпринимательский (иногда – предприимчивый) университет, менеджериализм и новый менеджериализм (эти два понятия используются в отношении именно университетских реалий, в качестве видовых), менеджериализм и новый менеджериализм (данная пара понятий, в свою очередь, применяются как родовые для обозначения тех же реалий университетской жизни, но с отсылкой к более широким контекстам обращения). Особый интерес имеет взаимосвязь между идеологемой "академический капитализм" и новым менеджериализмом как идеологической конструкцией, входящей в состав исследуемой концептуальной модели.

При сопоставлении, в первом приближении, содержания "академического капитализма" и нового менеджериализма, особенно в его применении к высшей школе, может возникнуть умозаключение о том, что эти две идеологические конструкции соотносятся как общее (новый менеджериализм) и частное ("академический капитализм") понятия. Однако это совершенно не так. Действительно, уже упомянутое нами выше "второе издание" "академического капитализма", по всей вероятности, было обусловлено завоеванием новым менеджериализмом позиций идеологического базиса корпоративного и, что более важно, государственного управления во многих странах Запада (но отнюдь не в России). Через механизм диффузии между секторами хозяйственной деятельности и сферами общественной жизни, новый менеджериализм проникает в область высшего образования, где вызывает, в качестве ответной реакции университетской бюрократии, реновацию идеологической концептуальной модели "академического капитализма", но наполненной уже совершенно иным нежели ранее смыслом. Столкнувшись с новым менеджериализмом как угрозой модальности своего существования и функционирования, университетская бюрократия перелицевала под названием "академического капитализма" освоенное и адаптированное для своих нужд содержание классического менеджериализма, послужившего обоснованием господства университетской бюрократии в рамках соответствующей образовательной подсистемы. Таким образом, напрашивается вывод о том, что реактуализация идеологической концептуальной модели "академического капитализма", хотя и была вызвана диффузионным влиянием нового менеджериализма, в содержательном отношении, представляет собой адаптированное для обоснования внутрисистемного господства университетской бюрократии "переиздание" идеологической конструкции классического менеджериализма.

Подведём промежуточные итоги. В первой части статьи нами были реализованы два пункта намеченной программы исследования мирового опыта, отечественных реалий и региональной специфики содержательного сопряжения идеологической концептуальной модели "академического капитализма" и университетской бюрократии, выступающей в качестве внутрисистемной заинтересованной группы. Уточнение содержания и механизмов влияния предшествующего развития на бытование высшего образования в социокультурных условиях современности, выступающего в качестве объекта управления, позволило вскрыть истоки происхождения, механизм и особенности формирования университетской бюрократии. Было установлено, что именно университетская бюрократия выступила инициатором создания, носителем и исключительным пользователем идеологической концептуальной модели "академического капитализма", использующим её для обоснования своего господствующего положения в рамках соответствующих систем высшего образования. Кроме того, конкретизация смысла и значения ключевых теоретических понятий, входящих в состав рассматриваемой концептуальной модели, привела к пониманию идеологической природы концептуальной модели "академического капитализма", содержания "формально-смыслового дрефта" клю-

чевого понятия концептуальной модели. Также был освещен характер и механизм связи между идеологической концептуальной моделью "академического капитализма" и идеологическими конструкциями классического и нового менеджмента, выступавших в соответствующие периоды времени фундаментом особых статусных притязаний носителей управленческих функций в системах корпоративного и государственного менеджмента. Полученные результаты ставят на повестку дня необходимость выявления социальных истоков и путей эволюции исследуемых идеологических конструкций, но речь об этом пойдет уже во второй (и заключительной) части статьи.

Окончание следует

Литература

1. Андреев А.Ю. Идеи немецкого "классического" университета в России // Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А.Ю. Андреев [Электронный ресурс]. URL: http://www.razlib.ru/istorija/rossiiskie_universitety_xviii_pervoi_poloviny_xix_veka_v_kontekste_universitetskoj_istorii_evropy/p5.php (дата обращения: 10.01.2021).
2. Баженов С.В., Баженова Е.Ю. Академический капитализм: анализ подходов в изучении академического мира / С.В. Баженов, Е.Ю. Баженова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 10А. С. 263–275.
3. Безродная А.Ю. Различие понятий "концепт" и "идеологема" / А.Ю. Безродная // Вестник ИГЛУ. 2013. № 3 (24). С. 138–145.
4. Грудзинский А.О. Проектно-ориентированный университет. Профессиональная предпринимательская организация вуза [Текст]. Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. 370 с.
5. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации [Текст] / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. А. Александрова; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
6. Куренной В. Бастард модерна. О текущем кризисе университета / В. Куренной // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/bastard-moderna.html> (дата обращения: 04.01.2021).
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф: Пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабаинцева; Послесл. А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 560 с.
8. Мельникова Н.И. Академический капитализм в глобальном информационно-коммуникативном образовательном пространстве / Н.И. Мельникова // Интеграция образования. 2004. № 1. С. 6–11.
9. Нефёдова А.И. О концептах "академический капитализм" и "предпринимательский университет" / А.И. Нефёдова // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 75–81.
10. Сноу Ч.П. Наставники // Наставники; Коридоры власти: Романы / Ч.П. Сноу: Пер. с англ. / Предисл. В. Иващевой. М.: Прогресс, 1988. 432 с.
11. Чесноков В.С. Вильгельм Гумбольдт: жизнь и творчество / В.С. Чесноков // Вестник Российской академии наук. 2006. Т. 76. № 12. С. 1125–1131.
12. Шарп Т. Новый расклад в Покер-хаусе / Т. Шарп: Пер. с англ. В. Шапенко, М. Сапрыкина. М.: ВАГРИУС, 1995. 399 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Andreev A.Yu. Idei nemetskogo "klassicheskogo" universiteta v Rossii // Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy / A.Yu. Andreev [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.razlib.ru/istorija/rossiiskie_universitety_xviii_pervoi_poloviny_xix_veka_v_kontekste_universitetskoj_istorii_evropy/p5.php (data obrashheniya: 10.01.2021).
2. Bazhenov S.V., Bazhenova E.Yu. Akademicheskij kapitalizm: analiz podkhodov v izuchenii akademicheskogo mira / S.V. Bazhenov, E.Yu. Bazhenova // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2019. Tom 9. № 10A. S. 263–275.
3. Bezrodnaya A.Yu. Razlichie ponyatij "kontsept" i "ideologema" / A.Yu. Bezrodnaya // Vestnik IGLU. 2013. № 3 (24). S. 138–145.
4. Grudzinskij A.O. Proektno-orientirovannyj universitet. Professional'naya predprinimatel'skaya organizatsiya vuza [Tekst]. Monografiya. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2004. 370 s.

5. Klark B.R. Sozdanie predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii [Tekst] / per. s angl. A. Smirnova; pod red. A. Aleksandrova; Nats. issled. un-t "Vysshaya shkola ehkonomiki". 2-e izd. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2019. 240 s.
6. Kurennoj V. Bastard moderna. O tekushhem krizise universiteta / V. Kurennoj // Neprikosnovennyj zapas. 2011. № 3. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/bastard-moderna.html> (data obrashheniya: 04.01.2021).
7. Le Goff Zh. TSivilizatsiya srednevekovogo Zapada / Zh. Le Goff; Per. s fr. pod obshh. red. V.A. Babaintseva; Poslesl. A.Ya. Gurevicha. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. 560 s.
8. Mel'nikova N.I. Akademicheskij kapitalizm v global'nom informatsionno-kommunikativnom obrazovatel'nom prostranstve / N.I. Mel'nikova // Integratsiya obrazovaniya. 2004. № 1. S. 6–11.
9. Nefyodova A.I. O kontseptakh "akademicheskij kapitalizm" i "predprinimatel'skij universitet" / A.I. Nefyodova // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2015. № 6. S. 75–81.
10. Snou Ch.P. Nastavniki // Nastavniki; Koridory vlasti: Romany / Ch.P. Snou; Per. s angl. / Predisl. V. Ivashhevoj. M.: Progress, 1988. 432 s.
11. Chesnokov V.S. Vil'gel'm Gumbol'dt: zhizn' i tvorchestvo / V.S. Chesnokov // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2006. T. 76. № 12. S. 1125–1131.
12. Sharp T. Novyj rasklad v Poker-khause / T. Sharp; Per. s angl. V. Shapenko, M. Saprykina. M.: VAGRIUS, 1995. 399 s.

Литошенко Д. А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть I.

В статье исследовательское внимание направлено на взаимосвязь академического капитализма, как концептуальной модели, и университетской бюрократии, активно привлекающей эту концептуальную модель в качестве источника обоснования и оправдания комплекса своих внутрисистемных функциональных практик. Следовательно, университетская бюрократия выступает носителем и пользователем академического капитализма как идеологии. Первая часть статьи посвящена исследованию влияния исторических факторов на современное состояние высшей школы, с особым вниманием к генезису университетской бюрократии как носителя идеологии академического капитализма, а также конкретизации смыслового содержания базовых понятий, образующих контекст идеологической концептуальной модели академического капитализма.

Ключевые слова: университетское образование, университетская идеология, академический капитализм, университетская бюрократия, гумбольдтовская модель университета

Litoshenko D.A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part I.

The article focuses on the relationship between academic capitalism as a conceptual model and the university bureaucracy, which actively engages this conceptual model as a source of justification and justification of its set of intrasystemic functional practices. The university bureaucracy acts as a carrier and user of academic capitalism as an ideology. The first part of the article explores the influence of historical factors on the current state of higher education, with a special focus on the genesis of university bureaucracy as a carrier of the ideology of academic capitalism, as well as specifying the semantic content of the basic concepts that form the context of the ideological conceptual model of academic capitalism.

Key words: university education, university ideology, academic capitalism, university bureaucracy, Humboldt model of the university

Для цитирования: Литошенко Д. А. Академический капитализм и университетская бюрократия (мировой опыт, отечественные реалии, региональная специфика). Часть I // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 160–167. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/160-167

For citation: Litoshenko D.A. Academic capitalism and university bureaucracy (world experience, domestic realities, regional specifics). Part I // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 160–167. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/160-167

К вопросу об экспликации концепта "сообщества единой судьбы человечества"¹

В рецензируемой монографии исследуется концепция Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества" (СЕСЧ), истоки ее зарождения, творческого развития и вклад в обоснование современной внешнеполитической стратегии Китая. Вне всякого сомнения, тема, выбранная авторами для анализа, весьма актуальна и злободневная. Это объясняется сложившимся на современном этапе международных отношений глобальным геополитическим противостоянием коллективного Запада и Китайской Народной Республики. Акцент авторами делается на анализе неразрывной исторической связи фундаментальных положений китайской традиционной культуры и современного политического курса КНР. Применяя сравнительно-исторический метод, авторы показывают общее и особенное в концепте "общей судьбы" и теории марксизма, утверждая, что концепция "сообщества единой судьбы человечества" является вкладом в марксизм XXI в. (С. 4).

Использование в работе сравнительно-исторического, логического и диалектического методов исследования позволило авторам увидеть определенную связь этой концепции с марксистской теорией. По мнению авторов монографии, марксистский метод, примененный в концепции Си Цзиньпина, способствует глубокому осмыслению сложных вопросов мировой политики, таких как национальный, религиозный; обеспечивает более гармоничное решение межэтнических и межконфессиональных проблем; показывает пути решения такой глобальной и сложной проблемы, как охрана окружающей среды. Логично встроенные в концепцию Си Цзиньпина конфуцианские идеи о единстве Человека и Природы созвучны с марксистским пониманием этой диалектической связи (С. 7).

В своем исследовании авторы не без основания утверждают следующий тезис. Для того, чтобы глубже понять современную политику Китая, ее внешнеполитические принципы и тенденции, крайне важно углубиться в историю политической культуры страны, в сформированные ею традиции. Своими успехами, в том числе на международной арене, Китай обязан сложившейся за многие века политической культуре и традиционными ценностями конфуцианских добродетелей, в том числе и сдержанно-критическому отношению к иностранцам (С. 5). Еще древнекитайские мудрецы утверждали: чтобы дружить, народы должны общаться и понимать друг друга, а для этого необходимо понять себя. Это можно сделать, лишь познав свое прошлое. Осознав себя, свои культурные предпочтения, мы осознаем и свое место в мире. В трактате "Беседы и суждения" ("论语") великий Конфуций говорил: "люди между четырьмя морями – братья" ("四海之内皆兄弟也").

На протяжении веков китайские мыслители призывают соблюдать данные заповеди. Этим непреходящих ценностей придерживается и современное руководство Китая. Усвоив уроки древней истории и глубоко почитая национальные традиции, лидеры КНР выдвинули внешнеполитическую стратегию, рассчитанную на сближение народов мира и всеобщее процветание. Китай как великая и ответственная держава предлагает другим государствам

¹ Рецензия на книгу: Печерица, В.Ф. Концепция Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества": от идеи до практического воплощения : монография / В. Ф. Печерица, А. В. Бояркина. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. 224 с. ISBN 978-5-7444-4883-7.

упорядочить этот процесс, сделать его управляемым. Как утверждают авторы "все человечество объединено в мировое сообщество, где все взаимосвязано. Все страны должны сотрудничать, чтобы пережить экономические кризисы и сохранять устойчивое социально-экономическое развитие мира. Именно на это направлена китайская инициатива "Один пояс, один путь", которая стимулирует развитие многих развивающихся стран, а также некоторых развитых стран, прежде всего, Азии и Европы. Они получают возможность масштабно строить или улучшать инфраструктуру. Многие страны укрепляют связи с Китаем в рамках идеи "сотрудничества и обмена, взаимной пользы", которая, в свою очередь, стимулирует рост мировой торговли" (С. 97).

Далее авторы утверждают, и с этим нельзя не согласиться, что "сообщество единой судьбы человечества" – сложная концепция, в которой научно обоснованы три элемента отношений между целым и частями реального мира. Это отношения мира и человечества; отношения между странами всего мира и отношения правительства и населения Земли. Концепция СЕСЧ – это целое; человек как часть целого существует в этой системе. Все страны взаимосвязаны и образуют единство, или "сообщество единой судьбы человечества" (С. 98). Печерица В.Ф и Бояркина А.В. полагают, что эта политика находит завершённое оформление в концепции Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества" (СЕСЧ) как глобального международного проекта многовекторного развития мира сопряжена с идеей сплочения всех национальностей в Китае и объединения всех соотечественников за рубежом (глава 1, с. 10). Это сложная многоаспектная программа по преобразованию мира на основе сотрудничества и общих интересов. Концепция Си Цзиньпина, несмотря на многоаспектность, проста для понимания и исторически оправдана, ее с воодушевлением воспринимают внутри страны и поддерживают многие представители международного сообщества, особенно в развивающихся странах.

Неоднозначно и даже враждебно эту концепцию встречает коллективный Запад. Так, США утверждают, что китайская концепция "сообщества единой судьбы человечества" угрожает свободе и демократии народов. Несомненно, как и любая другая большая программа развития, концепция Си Цзиньпина не идеальна, в ней существуют определенные недостатки, не до конца продуманы некоторые сюжеты. Местами она размыта, носит пропагандистский и лозунговый характер, в ней не хватает конкретных предложений Китая по решению актуальных международных проблем. Однако незначительные упущения можно объяснить. Сложно в таком общем основополагающем документе зафиксировать конкретные вещи. Это задача последователей этой концепции – ученых и политиков, которые ее дополняют и творчески развивают.

Как и инициативу "Один пояс, один путь" (一帶一路), концепцию "сообщества единой судьбы человечества" с интересом изучают и в России. Что привлекает в ней? Не только то, что она является антитезой западных проектов и моделей развития мира в XXI в., основанных на гегемонизме, либерализме и диктате западных ценностей. Главное, что отличает ее, это то, что она построена на принципах гуманизма и добродетели. Концепция дает надежду народам на построение справедливого мира без войн и конфликтов, основанного на идее гармонии. В монографии утверждается, что обладая политическими и морально-нравственными преимуществами и реальными перспективами, концепция СЕСЧ предлагает народам мира продуманный проект развития человечества, решения непростых проблем, стоящих перед ним. Авторы убеждены, что ее реализация может не только изменить Китай, но и обновить окружающий его мир, который ждет важных перемен, укрепления международной безопасности, прекращения гонки вооружений, нейтрализации угроз и вызовов. Концепция Си Цзиньпина предлагает обновленный вариант мирного сосуществования стран и народов (глава V, с. 115).

Авторы поставили перед собой непростую задачу комплексного анализа этой сложной проблематики: исследование истоков зарождения понятий и мыслей об "общей судьбе", их генезиса до концептуального осмысления и создания целостной теории и реализации в качестве современной внешнеполитической стратегии КНР. Ставшая идейным ориентиром внешней политики Пекина, эта концепция дополняется и творчески развивается в исследовании

ях китайских ученых – обществоведов и международных. Она обогащается и трудами единомышленников Си Цзиньпина, и китайскими политиками, и дипломатами (глава III, с. 55). Авторы полагают, что "концепция Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества", по представлению китайских ученых, опирается на четыре теоретических положения, которые по духу близки к марксизму.

Во-первых, она выступает за равенство стран в борьбе против гегемонии. Все государства, большие или малые, должны уважать друг друга. Великая держава не может вмешиваться во внутренние дела другой страны.

Во-вторых, СЕСЧ подчеркивает взаимосвязь людей из разных стран, конфессий, цивилизаций. Прогресс и развитие человечества в целом зависит от уважения и соблюдения взаимных интересов и укрепления международно-сотрудничества.

В-третьих, необходимо всем странам снизить потребление и придерживаться устойчивого развития. Земля – единственный дом человечества и его необходимо защищать.

В-четвертых, страны должны сотрудничать друг с другом в целях накопления опыта управления и установления гармоничных международных отношений" (С. 96).

Необходимо отдать должное, что в исследовании представлено авторское видение влияния СЕСЧ на решение региональных и глобальных проблем, стоящих перед человечеством (глава VI, с. 132). Интерес представляют также авторские суждения о механизме реализации этой концепции. Так, в отдельной главе монографии проанализированы формы и методы, которые предлагает китайское руководство по нейтрализации традиционных и нетрадиционных вызовов и угроз, стоящих перед миром. Авторы монографии убедительно доказывают, что реализация концепции "сообщества единой судьбы человечества" и направлена на решение острых конфликтов и международных кризисов.

Среди них – Тибетская проблема. Западные страны и прежде всего США используют этот кризис, чтобы оторвать Тибетский автономный район от КНР. Вашингтон давно и последовательно ведет подрывную работу против Тибета, использует тибетскую ситуацию в своих агрессивных интересах. Тибетская проблема даже обсуждается в Комитете по иностранным делам Палаты представителей США. При этом правительство США оказывает существенную финансовую и военную поддержку Тибетским сепаратистам. Активное вмешательство внешних сил в события в СУАР. Уже много лет Вашингтоном ведется агрессивная пропагандистская кампания вокруг положения в китайском Синьцзяне. На словах осуждая терроризм (恐怖主义), а на деле поддерживая террористов, этнических сепаратистов и религиозных экстремистов, США оказывают дестабилизирующее влияние на Китай. Современный терроризм приобрел международный характер. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе международный терроризм представляет угрозу в связи с его объединением с сепаратизмом и религиозным экстремизмом, а также его активной поддержке со стороны внешних сил [1, с. 17]. Положительная политика Пекина, в том числе в решении национального вопроса, в укреплении безопасности вызывает ответные меры в виде масштабных информационных диверсий. Не прекращаются потоки лжи против Пекина, который, по мнению США, не только эксплуатирует национальные меньшинства Северо-Запада КНР, а даже истребляет их. Многие американские СМИ публикуют вымыслы о массовых преследованиях мусульман в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Согласно утверждениям, верующих там арестовывают и насильно помещают в "лагеря перевоспитания".

Попытки внутренних деструктивных сил, поддержанных извне, "взорвать" изнутри Синьцзян-Уйгурский автономный район, расколоть многонациональный народ Китая, обречены на провал. В СУАР, как в Тибете, постепенно складывается стабильная ситуация, успешно развивается хозяйственное и культурное строительство. СУАР становится международным логистическим и финансовым центром "Экономического пояса Шелкового пути" и западными воротами Китая, ориентированным на Центральную, Южную Азию и на все государства вдоль маршрута "Один пояс, один путь". Синьцзян-Уйгурский автономный район превращается в один из ключевых не только в развитии

страны, но и в воплощении концепции "сообщества единой судьбы человечества" (С. 148).

Таким образом, монография Печерицы В.Ф. и Бояркиной А.В. является первой попыткой российских ученых комплексно осмыслить эту сложную систему китайских теорий и взглядов на международные отношения, миропорядок от истории до современного состояния. Она впитала в себя многое из традиций китайской политической культуры, в том числе из наследия Лао Цзы, Конфуция, Мэн Цзы и других мыслителей прошлого. В основе идейно-философской платформы этой концепции лежат древнекитайские системы "тянься" и "гуншэн". Рассмотренная авторами в данном исследовании концепция Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества" является ключевым звеном и идейной основой современной китайской дипломатии "идти во вне" ("периферийной дипломатии"), которая по всем направлениям проявляет внешнеполитическую активность и на основе общих интересов строит сообщество народов. Как постоянно обновляющаяся теория эта концепция творчески развивается и дополняется новыми положениями и оценками современных китайских ученых и политиков.

Литература

1. Чжан До. Терроризм в КНР и противодействие ему (на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района): автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Владивосток, 2019. 26 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Chzhan Do. Terrorizm v KNR i protivodejstvie emu (na primere Sin'tszyan-Ujgurskogo avtonomnogo rajona): avtoref. dis. ... kand. po-lit. nauk: 23.00.04. Vladivostok, 2019. 26 s.

Тушков А. А. К вопросу об экспликации концепта "сообщества единой судьбы человечества".

В рецензии анализируется экспликация концепции Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества" в монографии Печерицы Владимира Федоровича и Бояркиной Анны Владимировны "Концепция Си Цзиньпина "сообщества единой судьбы человечества": от идеи до практического воплощения", выпущенной в издательстве Дальневосточного федерального университета, в 2020 г. Рецензент подчеркивает, что авторы в своем исследовании остановились на ключевых аспектах концепта СЕСЧ. Не без основания они утверждают, что усвоив уроки древней истории и глубоко почитая национальные традиции, лидеры КНР выдвинули внешнеполитическую стратегию, рассчитанную на сближение народов мира и всеобщее процветание.

Ключевые слова: *КНР, Си Цзиньпин, концепция СЕСЧ, глобальные проблемы, концепция СОИТР*

Tushkov A. A. To the question of the explication of the concept of the "community of the common destiny of mankind".

The review analyzes the explication of Xi Jinping's concept of a "community of the common destiny of mankind" in the monograph of Vladimir Fedorovich Pecheritsa and Anna Vladimirovna Boyarkina "Xi Jinping's concept of a community of common destiny of mankind": from idea to practical implementation", published by the publishing house of the Far Eastern Federal University in 2020. The reviewer emphasizes that the authors in their research focused on the key aspects of the concept. Not without reason, they argue that, having learned the lessons of ancient history and deeply respecting national traditions, the leaders of the PRC have put forward a foreign policy strategy designed for the rapprochement and common prosperity of the peoples of the world.

Key words: *China, Xi Jinping, the concept of SESCH, global problems, the concept of SOITR*

Для цитирования: Тушков А. А. К вопросу об экспликации концепта "сообщества единой судьбы человечества" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 168–172. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/168-172

For citation: Tushkov A. A. To the question of the explication of the concept of the "community of the common destiny of mankind" // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 168–172. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/168-172

Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?"

Осенью 2020 г. во Владивостоке и в Хабаровске состоялся методологический круглый стол, задача которого – обсудить систему взглядов Александра Эткинды на существо колониальности, проанализировать одно из центральных понятий, используемых Эткиндой во многих штудиях, "внутренняя колонизация", оценить границы применимости этого понятия.

Первое заседание круглого стола прошло на площадке Приморского государственного объединённого музея им. В. К. Арсеньева (Владивосток).

В. Н. Бочарников (ТИГ ДВО РАН, Владивосток) определил тексты А. М. Эткинды как историко-литературный дискурс с элементами политико-культурно-этнических интервенций и указал на два аспекта. Первый: рассматривая понятие "колонизация", неважно в каких формах и форматах терминологического возможно его приложение, необходимо начать с термина "освоение". Второй: А. Эткинд неоднократно указывает, что рассуждает с позиций исторического и культурного подходов и именно с такого видения обосновывает "зловредность" существования империй во все времена, в т. ч. убеждая читающих в том, насколько периферия зависима и, как следствие, "страдает" от произвола элит. Колонизация может быть помещена в структурность процессов освоения территории, но понимание их пространственно-временных особенностей обусловлено (особенно при сравнении) широкой картиной развития "того общества", "того государства", "тех элит" и никак иначе. Только на этом фоне могут быть представлены детали появления новых и совершенствование существующих способов использования всех имеющихся ресурсов, в том числе природных. Представления о том, что и как подлежит освоению, а следовательно, и преобразованию, отличаются даже у различных представителей осваивающей стороны, которая открывает для себя новую, в целом ей пока малоизвестную территорию. Здесь много можно действительно привести примеров по освоению Сибири и Дальнего Востока.

А. Н. Демьяненко (ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск) сконцентрировался на критике понятийной системы А. Эткинды, который очень выборочно опирается на историю знания о колонизации, из отечественных классиков дальше А. Щапова не идёт, оставляя без внимания работы В. Воцинина, А. Воейкова и многих других отечественных исследователей, и очень вольно интерпретируя А. А. Кауфмана. Кто же является источником вдохновения Эткинды? Это Э. Саид, Х. Бабха, Г. Л. Гейтс и Г. Спивак, постколониальные идеи этих авторов следует тестировать на материалах российской истории: "мы сосредоточиваем внимание прежде всего на описанных ими колониальных и постколониальных формах коммуникации между людьми, общественными группами и политическими акторами и на культурном значении этих форм". Исследование крайне сложного социального феномена предполагает междисциплинарный подход, а вместо этого Эткинд предлагает инструментарий из культурной истории, обозначая его как метафорический подход. Исторический материал, имеющий отношение к российской колонизации, требует междисциплинарности, его невозможно втиснуть в рамки культуральной истории. И тогда А. Эткинд обращается к фактам российской экономической и политической жизни, выводя из неё понятие внутренней колонизации. "Внутренняя колонизация означает процесс культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах государственных границ, реальных или воображаемых". Но в то же самое время автор утверждает, что ситуацию внутренней колонизации в России породила, причём задолго до нефти и газа, ресурсная зависимость. Понять такого

рода причинно-следственные связи трудно. И отсылка к "новейшим идеям институциональной политэкономии", которые автор соединяет с "забытыми интуициями Афанасия Шапова", ничуть не проясняют ситуацию.

На взгляд А. А. Киреева (ДФУ, Владивосток), работы А. Эткинды интересны прежде всего как зеркало состояния современного общественнознания. Социальная наука присутствует в его работах одновременно во множестве трактовок – от классической историко-филологической герменевтики до новейшего постнеклассического натурализма. Однако никакой стратегии "колонизации" и упорядочения этого пространства автор не предлагает. Постколониальная (или постнаучная?) разногласия мнений, ценностная ацентричность и методологический эклектизм, кажется, принимаются им как данность, если не как должное. Хотя своя, предпочтительная "оптика" разглядывания общества у Эткинды всё же есть. С какой бы стороны автор ни подходил к изучаемому объекту – для него он в первую очередь является продуктом письменной коммуникации: Эткинд работает с текстом и внутри текста, вопрос о его отношении к внетекстовой реальности, его достоверности всерьёз не обсуждается. Отсюда и способ исследования: автора интересуют не проблемы, а темы и сюжеты, он ищет не факты, а сообщения, использует не понятия, а метафоры, выявляет не причинные связи, а смысловые ассоциации, и выводит читателя не на объяснения, а на оценки. По сути, цель автора – возможно более эстетически и риторически убедительно осудить колониальное зло и повинные в нём конкретные государства.

Я. А. Барбенко (ДФУ, Владивосток) обращает внимание на набор понятий и метафор, с помощью которых автор в работе "Природа зла" анализирует пространственные отношения: "территоризация насилия", "имперская (т. е. на расстоянии) политика", "колониальные (т. е. удалённые, предназначенные для других) методы интенсификации труда", "местное (т. е. дифференцированное пространство) знание", "призрачные (удалённые) акры" и так далее. Данный словарь позволяет описывать пространственные отношения, но автор их использовал для того, чтобы описывать отношения, формирующиеся вокруг ресурсов, их добычи, обработки, распределения, перераспределения; при этом пространство имеет значение: оно отделяет, отдаляет, затрудняет доступ. Формулирование категории "колония присутствия", то есть "пространство как ресурс" на базе словаря и логики Эткинды – насилие над познавательным аппаратом, призванным описывать совсем другие отношения; теперь пространство выступает не как фактор, но как объект. Простое решение этого вопроса заключается в том, что пространству к функциям фактора работы с ресурсами можно прибавить функцию ресурса, тогда использование пространства можно представить в виде стремления и удерживания "естественных границ", а основным интересом и способом потребления такого ресурса будет военный интерес и военный способ. Таким образом мы приходим к логике "колонии присутствия": потребление Дальнего Востока выступает в форме отодвигания границ от центральной части государства и удерживания любого противника на расстоянии.

По мнению В. Н. Карамана (ПГОМ им. В. К. Арсеньева, Владивосток), строя свою теорию колонизации, Эткинд разбрасывается материалом, т. е. он больше ищет поддержки в цитатах авторов, так или иначе высказывавшихся о колонизации, чем строит собственную теорию колониационного развития. При этом автор более склонен к литературно-журналистскому пониманию колонизации. Кстати, такой подход не совсем уж стоит откидывать как ненаучный: он позволяет взглянуть на неё глазами её "неучёных" участников. Говоря о Дальнем Востоке как о "колонии присутствия", мы сразу вышли за пределы построений Эткинды. То что Дальний Восток – колония не вызвало никаких возражений. О хищнически-эксплуатационном отношении метрополии к колонии как крайне не способствующем его освоению, тем более развитию, говорилось достаточно много. Современное состояние Дальнего Востока не исключение. Здесь можно отметить, что понимание метрополия – колония претерпело существенную деформацию (неоколониализм). Теперь у колонии может быть не одна метрополия. Кроме метрополии де-юре есть метрополия де-факто. Данная тенденция проявилась ещё с конца XIX в. и усилилась в XXI. Так, в колонизируемом крае экономическую выгоду извлекают все, кроме самих жителей этих территорий.

Продолжился круглый стол в стенах Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Л. Е. Бляхер (ТОГУ, Хабаровск) "вернул" обсуждение в область дискурсивной практики, указав, что пространством, по которому движется мысль Эткинда, выступает не физическое и даже не социальное пространство, но пространство дискурсивное, прежде всего, литературное, не явление, но его описание: не десятки фундаментальных исследований, но тексты Толстого и Гоголя, Канта и Бахтина. Механизмом, который, по мнению Эткинда, позволяет "взорвать" дискурс, деконструировать его и выступают современные концепции критики колониализма. Автор обращает свою деконструкцию, как и свои метафоры, к потенциальным носителям имперского и колонизаторского дискурса: именно они составляют субъект, осмысляют, структурируют. Именно это позволяет им эксплуатировать объект, который не пространство, но собственное население, через экзотизацию ставшее социальным и культурным иным. Смена исследовательской оптики и позволяет автору, вполне в духе идей деконструкции "разоблачить скрытые механизмы власти". И в этом контексте, с ориентацией на европейское научное сообщество и частично научное сообщество российских столичных центров, ориентированных на задачу объяснить Европе Россию, работа А. М. Эткинда точно попадает в цель. Сложности возникают в ситуации, когда текст попадает в аудиторию, не относящуюся к той целевой аудитории, которую описывает автор: проблема заключается именно в позиции наблюдателя, причём не технической или исследовательской, но физической, пространственной.

А. Н. Демьяненко (ИЭИ ДВО РАН, Хабаровск) указал, что концепция "внутренней колонизации" предложенная А. М. Эткиндом, представляет собой попытку приложения ряда установок зарубежной культурологии и антропологии (ориентализм, пост-колониализм) к осмыслению российской истории, прежде всего, её имперского периода. Текст написан талантливо и ярко. Но и главное слово здесь – текст. Как указывал М. Киселёв, "неважно, что он пишет, а важно, как пишет". В этой связи показательно замечание Д. Уффельмана (на конференции "Внутренней колонизации России" в марте 2010 г. в Пассау), что многие докладчики "изучали не столько реальное, сколько семиотическое пространство". Ведя речь о российской колонизации в целом и о колонизации Дальнего Востока, следует иметь в виду, что со времён С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского российские (не путать с советскими) историки не делали различия между колонизирующими и колонизируемыми. Не сводили российские исследователи и колонизацию к хозяйственному освоению природных ресурсов, но рассматривали колонизацию как крайне сложный социальный феномен. И, следовательно, этот феномен требует не столько акцента на исследовании текстов (что само по себе важно и интересно), сколько на исследовании реальности, причём на платформе междисциплинарного синтеза.

Э. О. Леонтьева (ТОГУ, Хабаровск) обратила внимание на то, что заявленная А. Эткиндом попытка сделать колонизацию универсальным объяснительным концептом вызывает сомнения, как и всякая попытка построения универсальных моделей. Если признаки колонизации есть везде, и мы можем любой исторический процесс проинтерпретировать в таких терминах – что это даёт для объяснения сущности и смысла происходящего конкретно здесь – например, на Дальнем Востоке? По сути, весь объёмный и красочный текст – это разнообразные иллюстрации тезиса о том, что "колониальные отношения пронизывают все социальные тела", и все страны, народы и культуры представляют собой продукт колонизации, которая меняет лики с внутренней на внешнюю и наоборот. Другая любопытная идея Эткинда – ступенчатости колонизации и её делегирования от колонизаторов к колонизируемым (как в примере с планом Уварова об Азиатской Академии и его идеи о колонизации Востока). Она в итоге смыкается с идеей амбивалентности внутренней и внешней колонизации и теряет свою, казалось бы, продуктивную для определённых целей линейную направленность. Если колонизируемый и колонизатор – это один и тот же субъект, который к тому же свои действия направляет на самоё себя, то идея ступенчатости и делегирования колонизации, которая могла бы быть проинтерпретирована, например, (как частный случай) в терминах "культурного миссионерства", теряет смысл.

Как отметила О. А. Симоненко (ТОГУ, Хабаровск), А. Эткинд называет Россию ресурсозависимым государством, полагая, что элиты могут эксплуатировать ресурсы практически без участия населения. Если труд людей не нужен для создания значимых социальных институтов, то он и не ценится. Элиты же могут воспользоваться социальными институтами другого государства, так называемого "трудозависимого". Само население оказывается избыточным, особенно если оно настаивает на обещанных благах медицины и образования. Если дело касается материальных благ, то возникающее недовольство можно сгладить некоторыми "рациональными аргументами" в виде крошек от ресурсного пирога, к тому же представить этот процесс в виде почти незаслуженного благодеяния. Но если ценностные протесты и соответствующие требования принимают осязаемый вид, то выглядят они как аномалия в глазах элиты и большей части общества. Элита пытается не замечать и "рационализировать", свести всё к разговорам о социально-экономической неустойчивости, а большая часть населения дистанцируется от возмутителей спокойствия, не столько не разделяя их взглядов, сколько опираясь на убеждение, что их реальная жизнь будет проще и безопаснее, если её провести подальше от ресурсозависимого государства с его патерналистской опекой и стремлением к контролю.

Можно видеть, что комментаторы обращали большое внимание на форму, которую избрал А. Эткинд для подачи своих идей. Эта форма оказалась неожиданно нетрадиционной для отечественного обществоведения, стремящегося (хоть и всегда достигающего) к научной строгости изложения. Концептуальный и понятийный аппарат Эткинда также подверглись суровой оценке, центральное понятие внутренней колонизации, по мнению дальневосточных исследователей, внутренне противоречиво и не может описать, например, дальневосточную реальность.

Барбенко Я. А. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?"

Barbenko Ya. A. Round table "Is it possible "to colonize" a space?"

Для цитирования: Барбенко Я. А. Круглый стол "Возможна ли "колонизация" пространства?" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 173–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/173-176

For citation: Barbenko Ya. A. Round table "Is it possible "to colonize" a space?" // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 1. P. 173–176. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/173-176

Сведения о членах редакционной коллегии

- Филипова Александра Геннадьевна** (*главный редактор*) – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Барбенко Ярослав Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Винокурова Анна Викторовна** – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Григоричев Константин Вадимович** – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (г. Иркутск)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Дударёнок Светлана Михайловна** – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, заведующий библиотекой Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кристофферсен Гаёе** – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лебедева Марина Михайловна** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Римская Татьяна Григорьевна** – кандидат исторических наук (*г. Находка*)
- Рыжова Наталья Петровна** – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Санкт-Петербург*)
- Хисамутдинова Наталья Владимировна** – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток*)
- Шин Беом-Шик** – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*)
- Широ Сасаки** – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

Теория и методология регионоведческих исследований

Историческое регионоведение

Экономика и природопользование

Социальные и демографические структуры

Культурные и идеологические факторы регионализации

Политические отношения и управление регионом

Мировая система и международные регионы

Междисциплинарные и системные исследования региона

Регион в документах и свидетельствах

Науковедение

Дискуссия

Рецензии и обзоры

Научная жизнь

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)

22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки)

22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки)

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки)

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2018).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2021 № 1 (56)

Подписано к печати 03. 03. 2021 г. Вышло в свет 24. 03. 2021 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,84. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

